

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

КУЛЬТУРА
НАУКА
ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН 1 ДЕКАБРЯ 2006 ГОДА

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

№ 3 (32) 2014

Иркутск

КУЛЬТУРА. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет путей сообщения»

Главный редактор журнала: ректор ИрГУПС, д-р техн. наук, проф. *А.П. Хоменко*

Заместитель главного редактора: д-р техн. наук, проф. *С.К. Каргапольцев*

Научные редакторы:

д-р филос. наук, проф. *А.Е. Кацаев*; д-р филос. наук, проф. *В.Е. Осипов*;
д-р ист. наук, проф. *В.Г. Третьяков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, проф. *Ч.Г. Андреев* (Улан-Удэ), член-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ),
д-р ист. наук, проф. *В.В. Гришаев* (Красноярск), д-р филол. наук ИМБИТ СО РАН
Л.С. Дампилова (Улан-Удэ), д-р мед. наук, проф., акад. МАНЭБ *Е.П. Лемешевская* (Иркутск),
д-р культурологии *Т.Ф. Ляпкина* (Санкт-Петербург), д-р филос. наук, проф., член-кор.
МАНПО *А.В. Мельникова* (Иркутск), д-р ист. наук, проф. *Н.С. Рубцов* (Красноярск), д-р
филос. наук, доц. *Е.Н. Струк* (Иркутск), д-р ист. наук, проф. *Г.А. Цыкунов* (Иркутск), д-р
геогр. наук, проф. *А.Я. Якобсон* (Иркутск)

СОСТАВ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА:

д-р филос. наук, проф. *А.А. Атанов* (Иркутск), д-р ист. наук, проф. *А.В. Дулов* (Иркутск), д-р
ист. наук, проф. *А.В. Гайдамакин* (Омск), к. филол. наук, доцент *О.Н. Касаткина* (Иркутск),
д-р ист. наук, доцент *А.В. Костров* (Иркутск), к. пед. наук, доцент *С.Э. Лятти* (Иркутск), д-р
филос. наук, проф. *В.В. Мантатов* (Улан-Удэ), д-р ист. наук, проф. *В.В. Назаров* (Иркутск),
д-р ист. наук, проф. *Ю.А. Петрушин* (Иркутск), к. филол. наук, доцент *Т.А. Скопинцева*
(Иркутск), к. юр. наук, доцент *А.А. Тюкавкин-Плотников* (Иркутск), к.э.н., доц. *О.А. Фрейдман*
(Иркутск), к. мед. наук, доцент *В.А. Чичкалюк* (Иркутск)

Ответственный секретарь – *А.В. Данчевская*

Ответственный за выпуск:

д-р ист. наук, проф. *В.Г. Третьяков*

Адрес редакции:

664074, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет путей сообщения»

Кафедра философии и социальных наук

Тел.: (3952) 63-83-10 (01-47, 01-29)

E-mail: popova_av@irgups.ru

Выходит 4 раза в год

Издается с 2006 года

№ 3(32)
2014

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кацаев А.Е. (Иркутск)	
Наука и техника в условиях Первой мировой войны ...	7
Лаптев Н.М. (Иркутск)	
Россия и союзники в Первой мировой войне	31
Шаламов В.А. (Иркутск)	
Участие медицинских работников Забайкалья в Первой мировой войне	35
Федорова Т.В. (Иркутск)	
Иркутяне в боевых действиях в годы Первой мировой войны	43
Третьяков В.Г. (Иркутск)	
К вопросу о претензиях России на турецкие территории в годы Первой мировой войны	56

ИСТОРИЯ

Дулов А.В. (Иркутск)	
Памятники представителям администрации и общественным деятелям в Восточной Сибири XVII – начала XX вв.	79
Хобта А.В. (Иркутск)	
Итоги проведения предварительных изыскательских работ на территории Китая в 1895–1896 гг.	97
Никифорова Н.В. (Иркутск)	
Из истории поездки железнодорожной делегации США по железным дорогам СССР в 1930-е гг.	114

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО

Егоров А.В. (Иркутск)	
Совость как «вещь в себе» и как «трансцендентное явление». К юбилейной дате И. Канта (1724–1804)..	122
Куленков Ю.Н. (Иркутск)	
О границах эстетического и художественного	131
Попыловская Е.В. (Иркутск)	
Анализ развития корпоративной культуры в ОАО «РЖД»	162
Сорокина Л.А. (Иркутск)	
Ценности как фактор трансформации современного общества	175
Субачев А.А. (Иркутск)	
Законодательное регулирование языковых отношений в субъектах РФ (на примере Восточной Сибири)	184

Басько М.Е., Куценко Н.Ю. (<i>Иркутск</i>)	
Христианство Ницше и Достоевского	192
Корольков Б.П. (<i>Иркутск</i>)	
Вечный вопрос: как жить?	197
Тюкавкин-Плотников А.А., Симонова В.В. (<i>Иркутск</i>)	
Ответственность за SMS-рассылку без согласия пользователей	203
Тюкавкин-Плотников А.А. (<i>Иркутск</i>)	
Решения собраний: новеллы гражданского законодательства	217
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ	225

№ 3 (32)
2014

CONTENTS

ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE FIRST WORLD WAR

- Kaschaev A.E.** (*Irkutsk*)
Science and Technology in the First World War 7
- Laptev N.M.** (*Irkutsk*)
Russia and the Allies in the First World War 31
- Shalamov V.A.** (*Irkutsk*)
Participation of medical workers Transbaikalia
in the First World War 35
- Fedorova T.V.** (*Irkutsk*)
Irkutsk people in the fighting
in the First World War 43
- Tretyakov V.G.** (*Irkutsk*)
To a question of claims of Russia on the Turkish
territories in the years of First World War 56

HISTORY

- Dulov A.V.** (*Irkutsk*)
Monuments of the administration and public figures
in Eastern Siberia XVII – beginning
of XX centuries 79
- Hobta A.V.** (*Irkutsk*)
Results of the preliminary survey work in China
in 1895–1896 97
- Nikiforova N.V.** (*Irkutsk*)
From history of a trip of railway delegation
of the USA by the railroads of the USSR
in the 1930-th. 114

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. THE LEGAL RIGHT

- Egorov A.V.** (*Irkutsk*)
Conscience as a «thing in itself» and
as «transcendental phenomenon.» The anniversary date
of Kant (1724–1804) 122
- Kulenkov Y.N.** (*Irkutsk*)
About borders esthetic and art 131

Popylovskaya E.V. (<i>Irkutsk</i>)	
Analysis of the development of the corporate culture at JSC «Russian Railways»	162
Sorokina L.A. (<i>Irkutsk</i>)	
Values as factor of transformation of modern society	175
Subachev A.A. (<i>Irkutsk</i>)	
Legislatively regulation of the language relations in territorial subjects of the Russian Federation (on the example of Eastern Siberia)	184
Basco M.E., Kutsenko N.Y. (<i>Irkutsk</i>)	
Christianity at Nietzsche and Dostoyevsky	192
Korol'kov B.P. (<i>Irkutsk</i>)	
The eternal question: how to live?	197
Tyukavkin-Plotnikov A.A., Simonova V.V. (<i>Irkutsk</i>)	
Responsibility for SMS mailing without consent of users	203
Tyukavkin-Plotnikov A.A. (<i>Irkutsk</i>)	
Solutions of meetings: short stories of the civil legislation	217
INFORMATION FOR AUTHORS	225

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(47).08

А.Е. Кацаев

НАУКА И ТЕХНИКА В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются некоторые аспекты влияния науки и изобретений на возникновение и применение новых видов военной техники и вооружений в период Первой мировой войны.

The article analyses some aspects influences of science and inventions for military technology and arms, its employing in the First World War.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *танки, военная авиация, пулеметы, химическая война, подводные лодки, достижения и антигуманизм военной науки и техники.*

KEYWORDS: *tanks, military aircraft, machine-guns, chemical warfare, submarines, achievement and anti-humanism of military science and technology.*

Обращение к событиям Первой мировой войны 1914 г. объясняется не только важной юбилейной датой, но и актуальностью ее последствий для нашего времени. Чем дальше уходит историческое событие, тем больше вопросов оно ставит перед исследователями общества и больше появляется неоднозначных ответов на них. Современные реалии вдруг неожиданным образом позволяют по-иному

Кацаев Александр Евграфович, доктор философских наук, профессор, Иркутский государственный университет путей сообщения.

оценить причины, ход, последствия какого-либо крупного события, в данном случае Первой мировой войны. И, наоборот, оказывается, что многие экономические, научно-технические, культурные процессы, кризисные явления современности уходят своими корнями в эпоху подготовки и осуществления Первой мировой войны. Именно эта великая по своим разрушительным последствиям и громадным жертвам война детонировала колоссальный социальный взрыв сначала в России в 1917 г., а затем и в других странах Европы, Азии, что привело к существенному изменению политической конфигурации тогдашнего мира, к смене мировых стран-лидеров.

Вместе с тем одной из важных характеристик Первой мировой войны (далее – ПМВ) являлось ее огромное влияние на развитии науки и техники. Впервые широко и целенаправленно не только прикладные, но и фундаментальные науки вовлекались непосредственно или косвенно в сферу подготовки и совершенствования нового оружия, военно-инженерных сооружений, военной инфраструктуры, выработки новых форм военной тактики с учетом применения технических средств (танков, авиации, скорострельного стрелкового оружия, дредноутов, подводного флота и т. д.). Особого разговора заслуживает вклад в развитие военной, военно-политической стратегии геополитики.

Сама атмосфера, предшествующая войне, очевидно, способствовала необычайному взлету научной и утопической мысли. Так, в 1908 г. выдающийся мыслитель, многогранный ученый А.А. Богданов – политический оппонент В.И. Ленина, создатель системного подхода, – опубликовал роман-утопию «Красная звезда», выдержавший несколько изданий. Для широкой публики Богданов был известен в качестве популярного писателя-фантаста. Произведение примечательно тем, что оно изобилует научными предвидениями: космические корабли с атомными двигателями, автоматизация умственного труда, стереокино, обилие искусственных материалов, что воспринималась современниками, даже многими выдающимися учеными, как чистая фантастика. В 1912 г. он опубликовал роман «Инженер Мэнни», в котором проводится мысль о необходимости общественного контроля над деятельностью технократов, ученых, экспертов. В этих романах были выдвинуты идеи, некоторые из которых уже буквально через несколько лет в годину войны оказались востребованными, на-

пример моральная ответственность ученого, инженера за результаты своего труда. А спустя несколько десятилетий и другие «фантастические» идеи А.А. Богданова стали злободневными. Впервые именно А.А. Богданов ввел термин «техническая интеллигенция».

Интенсивность уничтожения противника достигалась совершенствованием применяемого оружия, использованием мощнейшего научного и технического потенциала, накопленного мировым, прежде всего, европейским научным и инженерно-техническим сообществом. Небывалая масштабность события, интенсивность военных действий и необходимость нанесения непоправимого урона противнику, укрепление безопасности страны и ее отдельных областей вела к необходимости изменения всей системы экономики и управления ею, перестройки коммуникаций [1; 4–5]. Можно утверждать, что ПМВ стала полигоном испытания новых видов оружия и техники, превращения науки в непосредственную практическую, прикладную (военную) силу (что близко по смыслу и содержанию выражению превращение науки в непосредственную производительную силу). Война, в свою очередь, существенно стимулировала развитие научно-технической мысли. Причем превращение науки в непосредственную практическую военную силу осуществлялось всеми отраслями науки: естественными, техническими и социально-гуманитарными. Хотя между этими отраслями знания не было непроходимой стены: теоретические выводы, естественно, должны реализовываться в технических объектах, типах вооружений и т. д.

Одним из результатов ПМВ стало разочарование многих людей, включая ученых, в антигуманных последствиях техники и науки. Достижения в области военных вооружений и средств уничтожения живой силы привели Европу к колоссальной гуманитарной катастрофе, разрушив надежду миллионов людей на цивилизованное развитие общества, подорвала веру в достижения культуры. На место культурных, цивилизационных факторов приходит насилие как легитимное орудие разрешения международных споров и инструмент социальных изменений. Жизнь человека перестала быть не только высшей ценностью, но и вообще ценностью. Война в социальном плане привела к значительной маргинализации в воюющих странах (рост числа сирот, безотцовщина). К маргинальным слоям относились в большинстве своем и фронтовики, вернувшиеся с фронта, которые или не

смогли найти достойного места в жизни и заявили о себе как о «потерянном поколении» (Э. Ремарк), или составили благодатную почву для революций, бунтов, восстаний и других видов радикализма.

Рассмотрим некоторые достижения в области военной техники, которые были наиболее характерными для ПМВ.

К крупнейшим достижениям, которые были применены впервые в этой войне, можно отнести изобретение и массовое использование танков, пулеметов, минометов, самолетов, химического оружия, подводных лодок, огнеметов, противогаса, торпедных катеров. Резко выросла огневая мощь войск. Появились новые виды артиллерии: зенитная, противотанковая, сопровождения пехоты. Авиация стала самостоятельным родом войск. Возникли танковые, химические войска, войска ПВО, морская авиация. Увеличилась роль инженерных войск и снизилась роль кавалерии. Появилась так называемая «окопная тактика» ведения войны с целью изматывания противника и истощения его промышленного потенциала, в том числе работающего на военные заказы.

Некоторые научно-технические новшества, которые использовались еще до ПМВ, получили в ходе ее развертывания «второе дыхание», более широкое применение, например, колючая проволока.

Колючая проволока явилась своего рода совершенствованием рукотворных преград (рвов, насыпей, груды камней, заборов, барьеров из срезанных деревьев (засек) и т. п.). Патент на колючую проволоку получил американский кузнец М. Келли в 1868 году, а в 1873 году фермер из Соединенных Штатов Г. Роуз начал использовать ее в качестве ограждений для рогатого скота.

С этого времени колючая проволока получила широкое распространение в мире. Она заинтересовала военных. Проволока использовалась для ограждения резерваций индейцев, которые называли ее «канатом дьявола», ею опутывали заборы тюрем. Впервые массово стали применять колючую проволоку англичане во время англо-бурской войны 1899–1902 гг.

Англо-бурскую войну можно смело назвать репетицией Первой мировой в плане применения новых видов вооружений (пулеметы, бронепоезда), инженерных сооружений (окопы, блокгаузы, колючая проволока), тактики (впервые применены тактика выжженной земли, концентрационные лагеря, в которых погибло около 30 тысяч бур-

ских женщин и детей, а также неустановленное количество черных африканцев), унификации военной формы (обмундирование защитного цвета (хаки) [2].

В годы Первой мировой немцы усовершенствовали колючую проволоку – она стала производиться в виде специальной металлической ленты, на которой методом штамповки вырезаются шипы или острые лезвия. В то же время француз Бруно предложил наматывать колючую проволоку на барабан и получившуюся колючую спираль быстро монтировать в поле с помощью длинных шестов. Впоследствии спиральные заграждения из колючей проволоки получили название «Спираль Бруно». Так, ПМВ показала, что колючая проволока различных модификаций может успешно использоваться для строительства и укрепления фортификационных заграждений, чтобы удерживать живую силу и легкую колесную технику. Использовалась и колючая проволока и с пропущенным через нее электричеством. Первое боевое «крещение» такая проволока получила еще во время обороны Порт-Артура в 1904 г.

У проволочных заграждений имеется общий недостаток – при наличии инструмента и времени их всегда можно разрезать.

Однако наиболее психологически травмирующим для участников военных действий стало появление на поле боя «сухопутных дредноутов» – танков.

Технические предпосылки для создания танка появились еще в конце XIX столетия: были изобретены гусеничный движитель, двигатель внутреннего сгорания, броня, скорострельные пушки и пулеметы. Накануне ПМВ появился промышленный гусеничный трактор «Холт» – непосредственный предшественник танка. Изготовление танков началось в Англии в 1915 г. Для соблюдения секретности было принято кодированное наименование «танк», т. е. цистерна, бак. Это название потом утвердилось в английском и русском языках для нового вида оружия.

Английские тяжелые танки весили около 30 т, имели в длину 8 м и двигались со скоростью 6 км/ч. В дальнейшем они совершенствовались в основном по линии улучшения ходовых частей и наращивания более мощной брони. Первыми танками, которые участвовали в военных действиях, были танки «Mark I». Тяжёлый танк «Mark IV», впервые участвовавший в бою 7 июня 1917 года, имели экипаж 8 че-

ловек. Длина корпуса составляла 7930 мм, высота – 2610 мм. Толщина брони – от 8 до 16 мм. Вооружение – пушка и четыре пулемёта. Танки широко применялись англичанами в боевых действиях.

В ноябре 1917 г. англичанами впервые была проведена массовая танковая атака, в которой участвовали 476 машин при поддержке шести пехотных дивизий. Это был огромный успех нового вида оружия. Стреляя из пушек и пулеметов, танки снесли проволочные заграждения и с ходу преодолели первую линию окопов. Всего за несколько часов англичане продвинулись вглубь фронта на 9 км, потеряв при этом всего 4 тысячи человек. (В предыдущее британское наступление под Ипром, продолжавшееся четыре месяца, англичане потеряли 400 тысяч человек и сумели вклиниться в немецкую оборону всего на 6–10 км).

Создавали танки и французы. Достаточно неплохо зарекомендовали себя в бою легкие подвижные танки «Рено» весом около 7 т и имевшие скорость 8 км/ч, а также средние танки «Сен-Шомон» и «Шнейдер» весом от 10 до 30 т. Французы также несколько раз массированно использовали танки. Так, в июле 1918 г. более 500 французских танков участвовало в бою под Суассоном.

В Российской империи еще до Мировой войны имелся проект танка, разработанный инженером В.Д. Менделеевым, сыном знаменитого русского химика. Но проект не был реализован. Первым действующим образцом стал «Царь-танк» инженера Н. Лебеденко в 1914–1915 гг. Он имел экипаж 15 человек, длину корпуса в 17,8 м. Вооружение – 76,2-мм орудия, пулемёты «Максим». Однако танк не был принят на вооружение в силу высокой себестоимости, громоздкости и малоуправляемости [3]. В период ПМВ Россия так и не создала своего отечественного танка и не закупала их за границей.

Во всех воюющих странах, включая Россию, стали широко использовать броневые автомашины (броневики), вооруженные пулеметами и орудиями небольшого калибра.

Пулемёты появились на поле боя в результате постоянных и настойчивых поисков способа увеличения плотности огня против наступающего противника за счёт повышения скорострельности оружия. Результатом увеличения скорострельности было создание оружия, обеспечивающего непрерывный огонь, то есть пулемёта. Первый станковый пулемёт, действующий от энергии патронов, был изобретён

американским инженером Х.С. Максимом (1883) и впервые широко применён в англо-бурской войне 1899–1902 гг. Он производил 400 выстрелов в минуту и по огневой мощи был равнозначен роте солдат.

Пулемет использовался и в русско-японской войне 1904–1905 годов. В течение всего хода ПМВ во всех армиях широко применялись станковые и ручные пулемёты, формировались специальные пулеметные команды. Во время войны пулеметами стали вооружать танки. В 1918 году появился и был апробирован крупнокалиберный пулемёт в германской армии (13,35-мм) [4; 186]. Все чаще стали появляться скорострельные трехдюймовые орудия и тяжелые 12-дюймовые пушки со снарядами весом 200–300 кг.

Но вплоть до ПМВ среди генералитета России и стран Антанты имелись противники автоматического и полуавтоматического оружия, которые привыкли достигать военных целей использованием живой силы.

В 1912–1913 гг. русский военный конструктор выпускник Михайловской военной академии Владимир Фёдоров сконструировал самозарядную автоматическую винтовку, предвосхитив идею использования промежуточного патрона для автоматического оружия. Это ружьё-пулемёт получило впоследствии название автомат Фёдорова или «штурмовая винтовка». Он стал предшественником современных автоматических винтовок. Артиллерийский Комитет перед войной принял решение заказать партию винтовок-автоматов Фёдорова для войсковых испытаний. В то же время Фёдоров вёл работу по созданию нового патрона, специально приспособленного для использования в автоматическом оружии. Но с началом ПМВ освоение и массовое производство винтовок-автоматов и нового патрона к ним оказалось невозможным.

Однако массовое применение пулемета, как, впрочем танков и авиации, в годы ПМВ полностью перевернуло всю военную теорию и практику, а попытки генералов решить новые проблемы старыми методами приводили к совершенно безумным, неслыханным ранее потерям.

В начале Первой мировой войны летательные аппараты отличались простотой и несовершенством. Но к концу войны аппараты значительно усовершенствовались, появились истребители и бомбардировщики.

Воздушный флот в войне 1914–1918 гг. сыграл значительную роль. Сначала авиационный парк состоял преимущественно из дирижаблей. Здесь лидировала Германия, создававшая эскадрильи дирижаблей для военных целей. С их помощью уже в первые месяцы войны немцы начали бомбардировку некоторых городов союзников. Эти бомбардировки, кроме нанесения большого непосредственного ущерба, служили для отвлечения авиации противника с фронта на охрану тыла. В 1915 г. немцы сбросили несколько бомб сначала на порт Калé, а затем на Лондон и Париж. Всего за время войны немцы использовали 123 дирижабля. Объем крупнейших из них доходил до 68,5 тыс. м³. Эти дирижабли совершили около 800 вылетов. Среди них самым большим за время войны был налет 12 цеппелинов на Лондон 2 сентября 1916 г.

Не имея возможности производить цеппелины, союзники пытались изобрести новое оружие для их уничтожения. В 1916 г. для борьбы с дирижаблями были изобретены фосфорная зажигательная и разрывная пули. Стрельба одновременно обеими пулями позволяла пробивать жесткую оболочку цеппелина и зажигать находившийся в ней водород. Большая часть дирижаблей была сбита зенитной артиллерией и авиацией союзников или уничтожена бомбами противника в эллингах. Дирижабли союзников такой роли в военных действиях, как немецкие, не играли.

В Великобритании применялись аэростаты как для разведывательных целей, так и устройства вокруг Лондона воздушных заграждений от самолетов противника.

С развертыванием военных действий все большее значение приобретала военная авиация. Самолеты, вооружённые пулеметами и бомбами, оснащенные рациями и фотоаппаратами, превратились из наблюдателей за ходом боев и сражений в их активных участников. Именно благодаря активности военной авиации появляется зенитная артиллерия и создается служба противовоздушной обороны (ПВО) [5; 3–4].

Рост числа самолетов за период войны был небывалым: парк самолетов всех воюющих стран увеличился с 800–850 до 60 тыс. С лета 1915 г. самолеты вооружаются пулеметами. У французов и англичан появились самолеты-истребители. Любопытно, что в конце 1915 г. в Германии был построен одноместный моноплан-истребитель «Фок-

кер», с которого можно было вести пулеметный огонь через пропеллер. Это было принципиально новое изобретение, оказавшее существенное влияние на боевые качества самолетов последующих поколений во всех странах.

С начала 1916 г. истребительная авиация отделяется от разведывательной и бомбардировочной и организуется в специальные эскадрильи. Деятельность истребителей была довольно эффективна. Из общего числа самолетов, сбитых за время войны, лишь 15 % было сбито зенитной артиллерией (развивавшейся параллельно с авиацией), а 85 % – истребительной авиацией. Наряду с массовыми воздушными операциями целых эскадрилий истребителей широкое распространение получают индивидуальные воздушные рейды лучших летчиков-асов.

В 1918 г. французы создали истребитель «Спад», англичане – «S-5», «Бристоль Файтер» и др., немцы – «Альбатро-111», «Гальберштадт» и др. Поскольку перевес имели более быстроходные истребители, противники состязались в увеличении скорости самолетов. К концу войны истребители мощностью 220–300 л. с. развивали скорость до 190–220 км/ч, что до войны считалось рекордом даже для гоночных самолетов. Высота полета приближалась к 8 км.

Наряду с истребительной авиацией быстро развивалась и бомбардировочная, прежде всего в России.

Достижения военной авиации в России были значительны. В январе 1910 года аэросани собственной конструкции испытал знаменитый в будущем авиаконструктор Игорь Сикорский. Затем он konstruiрует многомоторные самолёты «Гранд» («Русский витязь», «Илья Муромец»). Так в России появилась впервые в мире многомоторная авиация.

Самолёты «Илья Муромец» представляли собой серию четырёхмоторных цельнодеревянных бипланов, выпускавшихся в России на Русско-Балтийском вагонном заводе в 1913–1918 гг. Первая машина увидела свет в октябре 1913 г. После испытаний на ней произвели показательные полёты и установили несколько рекордов, в частности рекорд грузоподъёмности: 12 декабря 1913 г. – 1100 кг (предыдущий рекорд на самолете Соммера составлял 653 кг), 12 февраля 1914 г. в воздух было поднято 16 человек и собака общим весом 1290 кг. Пилотировал самолёт сам И. Сикорский. «Илья Муромец» стал первым

в мире пассажирским самолётом. Впервые в истории авиации он был оснащён отдельным от кабины комфортабельным салоном, спальными комнатами и даже ванной с туалетом. На «Муромце» имелось отопление (выхлопными газами двигателей) и электрическое освещение.

Весной 1914 г. первого «Илью Муромца» переоборудовали в гидроплан с более мощными двигателями. В этой модификации он был принят морским ведомством и оставался крупнейшим гидропланом до 1917 года. К началу войны И. Сикорский создал семь модификаций самолета «Илья Муромец». В 1916 г. был построен двухмоторный самолет В.А. Слесарева «Святогор».

Многомоторные «Илья Муромец Киевский», «Илья Муромец III» и др. произвели ряд удачных налетов на германские позиции, обозы и железнодорожные станции, ангары, склады и иные объекты в Восточной Пруссии и Галиции. Кроме бомбардировок, эти самолеты производили аэрофотосъемку. «Илья Муромец» стал истинной легендой ПМВ. Немцы не могли его сбить в течение полутора лет. Такая живучесть породила легенду о супер-бронированной «Муромца». В роли разрушителей мифов выступили сами немцы. В конце 1916 г. группа немецких истребителей атаковала одинокого «Илью». Бой длился более часа. Сбить его немцы так и не смогли, но в конце концов русский самолет вынужден был совершить вынужденную посадку, поскольку закончились боеприпасы и вышли из строя 3 из 4 двигателей. Осмотрев самолет, немцы поняли, что причина «стойкости» самолета заключена в чрезвычайно удачной конструкции, а не в чудо-бронировании. В корпусе «Муромца», кстати, было обнаружено более 300 пробоин.

ПМВ задержала развитие отечественной гражданской и военной авиации, как и авиационной промышленности в России вообще, а также большинства передовых научно-технических и индустриальных проектов, осуществлявшихся в стране. Если бы не было войны, Россия во второй половине 10-х годов могла стать первой страной, приступившей к регулярным воздушным грузовым и пассажирским перевозкам. Другим странам до этого шага было ещё далеко. Гражданская война уничтожило то, что имелось.

Опыт России осваивала Германия и Франция, которые начали создавать многомоторные бомбардировщики. Немцы построили 64 бомбовоза типа «R» (Riesenflugzeuge), предназначенных для бомбар-

дировок городов в тылу противника. Правда, бомбардировки тыла противника (не только военных объектов, но и мирного населения) с дирижаблей и самолетов началась еще до появления специальных бомбардировщиков. Так, в сентябре 1914 г. немецкие летчики сбросили на Париж первые бомбы. Союзники в свою очередь бомбардировали ряд немецких городов. Ущерб от воздушных бомбардировок, особенно таких центров, как Лондон и Париж, был велик. Так, в Лондоне в результате одной бомбардировки было убито 439 человек и 1243 ранено.

В России значительная численность аэропланов воздушного флота была достигнута за счет мобилизации основной части самолетного парка аэроклубов и летных школ. В основном это были легкие самолеты французского производства, пригодные к использованию только как разведывательные: «Ньюпор-4» и различные модели «Фарманов». Кроме этих достаточно устаревших машин в составе военной авиации Российской империи имелись и более совершенные самолеты: «Моран-Парасоль», развивавший скорость до 125 км/ч и поднимавшийся на 4000 метров, «Депердюссен», ну и, конечно, тяжелый аэроплан «Илья Муромец», летающие лодки Д.П. Григоровича [6, с. 19–21]. Самолеты, вооружённые пулеметами и бомбами, оснащенные рациями и фотоаппаратами, превратились из наблюдателей за ходом боев и сражений в их активных участников. Именно благодаря активности военной авиации появляется зенитная артиллерия и создается служба противовоздушной обороны (ПВО), а тыловые объекты и склады стали применять противовоздушную маскировку.

Имеющаяся разнотипность принятых на вооружение самолетов, а более всего – зависимость от поставок двигателей и запчастей к ним из Европы вплоть до конца войны затрудняли их боевую эксплуатацию. Особенно сложным в этом отношении периодом стало начало войны, когда еще не существовало ни теоретических концепций боевого применения авиации, ни элементарного военного практического опыта. В результате действий методом проб и ошибок только за первые три месяца войны авиационные отряды, к примеру, входившие в состав 3-й, 5-й, 8-й и 9-й русских армий, из 99 самолетов, находившихся в строю, потеряли 91. Примерно такими же были потери и в других армиях, располагавших прикрепленными авиационными отрядами [1; 301–302].

Многие из вышеперечисленных российских научных разработок являлись технологиями двойного назначения – первый в мире пассажирский самолёт Сикорского при определённом переоборудовании становился первым в мире стратегическим бомбардировщиком авиации дальнего действия и уже в годы войны был способен нести бомбы весом до 400 кг. Аэросани при соответствующем вооружении и бронировании становились машинами зимней разведки.

В 1915 г. И. Сикорский создал первый в мире серийно выпускавшийся истребитель сопровождения – С-XVI для совместных действий с бомбардировщиками «Илья Муромец» и охраны их аэродромов от самолётов противника.

К числу передовых разработок российскими военными инженерами следует отнести изобретение и успешное использование командирского угломера, созданного изобретателем-артиллеристом генерал-майором Л. Чижевским. Впервые он создал его в 1885 году (тогда ещё в чине поручика). Угломер позволял корректировать стрельбу артиллерии по невидимым целям с закрытых позиций и вести параллельный (веерный) огонь по этим закрытым целям. Угломер хорошо себя зарекомендовал уже в русско-японскую войну. Благодаря ему российские артиллеристы показали высокое мастерство в искусстве стрельбы с закрытых позиций. Но особенно необходимым он оказался в ПМВ.

Во время русско-японской войны в 1904 г. офицерами Сергеем Власьевым и Леонидом Гобято был изобретен и успешно применен миномет. Однако миномет стал достаточно массовым оружием только в годы ПМВ.

ПМВ показала, что военно-морской флот остается одним из решающих средств наступательной и оборонительной тактик. Мощь военного флота формировалась задолго до войны. Но каждая из стран – участниц войны достигали этого по разному. Так, Англия – владычица морей – всегда стремилась сохранить свое безусловное превосходство на море. Именно в Англии появился новый тип линейных кораблей (линкоров) – дредноуты. Это слово стало нарицательным по имени первого такого корабля, построенного в 1905 г. Боевая мощность этих кораблей превосходила любой корабль флотов других стран. Вооружение состояло из 10 орудий калибром 305 мм, расположенных в нескольких орудийных башнях, а также 12 противоминных

120-мм орудий. Скорость дредноута составляла 21 узел (39 км/ч). В ответ на отказ Германии ограничить строительство военно-морского флота английское правительство стало строить по два корабля на каждый корабль, построенный в Германии. В Англии были созданы еще более мощные линейные корабли – супердредноуты.

Постройка линейных и других военных судов шла во всех крупных европейских державах и в США промышленными корпорациями, извлекавшими из этого колоссальные прибыли.

Если в России преобразование вооруженных сил затягивалось из-за нехватки средств, то перевооружение флота шло более успешно, чему способствовало утверждение новой мировой доктрины, определявшей мощь государства по показателям его флота, и память о поражениях в Русско-японской войне. Этому содействовали и энергичность морских министров И.М. Дикова, И.К. Григоровича и благоволение Николая II. Настойчиво поддерживали морскую программу и судостроительные монополии, надеясь на получение выгодных казенных заказов. В рамках этой программы Россия в конце XIX – начале XX в. имела замечательных специалистов в области кораблестроения, таких, как С.О. Макаров, А.Н. Крылов, И.Г. Бубнов, опытных инженеров, механиков. Но их деятельность была по существу парализована отсталой системой Морского ведомства, возглавляемого одним из великих князей. Итоги деятельности этого ведомства наглядно выявились во время русско-японской войны 1904–1905 гг., когда Россия понесла такие потери, что, по существу, нужно было полностью воссоздавать флот. К сожалению, система управления в сущности оставалась прежней. Когда в России было принято решение о постройке дредноутов и объявлен конкурс с привлечением как отечественных, так и иностранных фирм, то А.Н. Крылову с большим трудом удалось отстоять проект Балтийского завода, составленный под руководством И.Г. Бубнова, а не отдавать заказы иностранцам.

Линейные корабли «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут» и «Полтаву» стали строить на Балтийском заводе по собственным чертежам. Правда, построить своими силами двигатели оказалось не под силу и паровые турбины пришлось заказать в Англии.

В целом российские линкоры по своему качеству не уступали лучшим зарубежным образцам.

В 1912 г. под руководством И.Г. Бубнова были спроектированы 4 линейных крейсера, которые должны были стать наиболее мощными и быстроходными кораблями этого класса. Но начатое строительство было заброшено и русский флот так и не получил этих крейсеров.

В начале XX в., особенно после русско-японской войны, все великие державы начали оснащать свои флоты подводными лодками. Применение на флоте двигателей внутреннего сгорания и электродвигателей позволило существенно ускорить создание этого типа кораблей. С самого своего начала подводные лодки (субмарины) были функционально ориентированы на ведение военных действий. Однако военно-морские ведомства многих стран проявляли недостаточное понимание важности этого вида вооружений, поэтому инженерам, флотоводцам приходилось выдерживать немалые баталии против военной бюрократии, даже в Англии [7].

К самому началу XX века ни одно государство мира не располагало подводными лодками – активная их разработка и постройка начались с 1900 г. Подводные лодки были полезны как безусловное преимущество на море против любого, даже самого опасного врага, что было обусловлено тем, что они могли действовать в любое время суток, скрытно перемещаться и в то же время выполнять функции миноносцев.

Абсолютно разумно говорить о том, что Россия несколько не хотела отставать от других держав, поэтому уже в конце 1900-го года была назначена целая комиссия для работы над будущими аппаратами. Работу возглавили два выдающихся инженера и учёных – И.Г. Бубнов и Н.Н. Беклемишев. Именно эти люди явились создателями первых русских подлодок «Дельфин» и «Касатка», именно они впервые собрали информацию о зарубежных кораблях, классифицировали и анализировали её, чтобы создать своё, более качественное детище. Так, в «Дельфине» главный балласт был размещён в концевых лёгких цистернах, вне пределов прочного корпуса, в то время как в иностранных подводных лодках балласт располагался иначе. Это изменение позволяло «Дельфину» опускаться на предельные для прочного корпуса глубины.

Будущая лодка должна была быть:

- просто устроена и все элементы ее чрезвычайно прочны;
- корпус должен быть достаточно прочен, чтобы обеспечивать

максимальную сохранность экипажа во время погружения и нахождения на глубине; корпус обшивался деревом для сохранения его при ударах о грунт;

- оснащена мощным двигателем, обеспечивающим быструю скорость движения в подводном и надводном положении;

- лодка должна иметь определённый запас воздуха, мощные и эффективные вентиляторы, магнитный компас, запас провианта (консервированной пищи);

- для стрельбы торпедами устанавливались два решётчатых аппарата на палубу, торпедное вооружение.

Эти и другие принципы являлись основными для производства и развития подводных лодок в России вплоть до 1915 года.

Первая русская боевая подлодка превосходила многие зарубежные аналоги по глубине погружения, мощности двигателя и электрогенератора, а также по внушительности вооружения. Удачи на новом поприще доказали то, что русские инженеры способны самостоятельно разрабатывать и строить боевые подводные лодки на отечественных заводах.

В рамках этой программы И.Г. Бубнов и М.П. Налетов в 1903–1915 гг. разработали ряд ценных проектов подлодок нового типа, а в 1908 г. по проекту И.Г. Бубнова была построена первая подлодка с дизельным двигателем «Минога». В том же году М.П. Налетов создал подлодку «Краб», которая впервые служила в качестве подводного минного заградителя. Но военные власти не поддерживали талантливых изобретателей. Так, в 1914 г. были отклонены смелые проекты И.Г. Бубнова о строительстве крейсерских подлодок водоизмещением 1 тыс. т с радиусом действия 4–5 тыс. км.

В ходе ПМВ имевшиеся подлодки использовались для борьбы на морских коммуникациях. К концу войны сформировался самостоятельный род флота – Подводные силы, который мог решать задачи как тактического, так и оперативного характера [8].

В отличие от России, Германия уделяла созданию подводного флота огромное внимание. Одним из прототипов немецких подводных лодок была лодка «Норденфельд», разработанная в конце XIX в. Начав Первую мировую войну с 30 подводными лодками, Германия произвела за годы войны еще 300 штук. В результате она смогла нанести огромный ущерб торговому флоту союзников и нейтральных

стран: всего было потоплено 5 408 судов общим водоизмещением 19,4 млн т [9; 3–5].

Страны Антанты разработали ряд мер по борьбе против подлодок (противолодочные бомбы, сети, мины заграждения и др.). В результате Германия потеряла за годы войны большую часть подводного флота.

Примечательно, что водоизмещение крупнейших подлодок к концу войны составляло 2–2,5 тыс. т, мощность дизель-моторов 3,5 тыс. л. с, а электромоторов (под водой) – около 2 тыс. л. с. Скорость движения под водой достигала 8–10 узлов (15–19 км/ч). Подводные лодки имели 4–8 торпедных аппарата. Дальность автономного плавания у них достигала 4–5 тыс. км.

В 1896 г. немецкий изобретатель Р. Фидлер создал огнемёт оригинальной конструкции и обратился к русскому правительству с просьбой об испытании его разработок. Испытание было проведено на полигоне в Усть-Ижоре. Изобретатель представил 3 типа огнемётов: малый (его носит на спине 1 солдат), средний (его носили 4 бойца), тяжёлый (возили на авто- или гужевом транспорте).

Однако после испытания российское военное ведомство не стало приобретать новое оружие по причине его небезопасности для личного состава и требующего много горючих веществ. Через полтора года Фидлер снова обратился к России с уже усовершенствованным оружием, но успеха не имел. В других европейских странах его изобретение также не принимали на вооружение. И только в 1915 г., когда немцы применили огнемёты, страны Антанты, в т. ч. Россия, приступили к разработке огнеметов.

В России уже в начале 1915 года начались проектные работы по созданию огнеметов. В сентябре того же года на войсковые испытания поступили ранцевые огнемёты, разработанные профессором Горбовым. Но огнемет получился очень громоздким и тяжёлым, его трудно было носить. Он был отклонен. В 1916 году комиссии военного министерства России был представлен ранцевый огнемет, разработанный конструктором Товарницким. После успешных испытаний он был принят на вооружение в 1916 году, а в начале 1917 года пехотные полки российской армии имели огнеметные команды. Простота конструкции позволила до середины 1917 года выпустить около 10 тысяч ранцевых огнеметов Товарницкого.

Автомобильный транспорт имеет важное военное и экономическое значение наряду с железнодорожным, поскольку позволяет сокращать сроки поставок оружия, боеприпасов, продовольствия и живой силы на фронт из тыловых и прифронтовых областей. Особенно была высокая нужда в автомобилях непосредственно на фронте в качестве тягачей, грузовиков, средств связи и т. д. Часть автомобилей служила основой для создания броневых машин. Перед войной наиболее успешный опыт налаживания собственного производства имел лишь Русско-Балтийский вагонный завод в Риге, где был создан довольно совершенный для своего времени автомобиль «РуссоБалт». Эвакуация предприятия привела к остановке производства. Военные круги России, как и других стран, не прогнозировали возможности использования автомобильного транспорта в военных условиях. В русской армии к началу войны было всего 400 грузовых и около 100 легковых и вспомогательных автомашин. В результате реквизиции удалось собрать более 4 тыс. автомобилей, в том числе около 500 грузовых. Основным способом пополнения автопарка продолжали оставаться заграничные заказы. Но поскольку союзнические страны сами нуждались в автотранспорте, то исполнение заказов и последующая доставка машин в Россию и по России вызывали немалые сложности.

С неизбежностью вставал вопрос о создании отечественного автомобилестроения. При финансовой поддержке государства предполагалось построить 5 частных автомобильных заводов и один казенный. 26 февраля 1916 г. были заключены контракты с акционерными обществами Русско-Балтийского вагонного завода, «Акса́й», «Русский Рено», «В.А. Лебедев» и Товариществом на паях Московского автомобильного завода («АМО»). Поставщики обязывались построить, оборудовать и пустить заводы в начале октября 1916 г. Государство взяло на себя большую часть расходов при сооружении частных заводов. В мае 1916 г. был подписан контракт с Британским инженерным обществом Сибири («Бекос»), которому передавался подряд на строительство, оборудование и первые 3 года эксплуатации казенного завода военных самоходов.

Внутренние и внешние экономические и хозяйственные трудности мешали в срок выполнить данную программу. Наиболее успешно шло сооружение «АМО», на котором уже с осени 1916 г. выполнялись авторемонтные работы. Завод был первоклассным производствен-

ным сооружением, рассчитанным на большую производительность. В середине 1920-х гг. на нем был освоен выпуск машин собственной конструкции. Коренным образом реконструированный и перестроенный в начале 1930-х гг., «ЗИС-ЗИЛ» в течение многих десятилетий достойно держал марку первенца отечественного автомобилестроения. Ярославский завод В.А. Лебедева производил авторемонт с осени 1916 г. С середины 1920-х гг. до 1958 г. он превратился в ведущее предприятие советского тяжелого автомобилестроения. Строительство и автомобильного, и моторного заводов Обществом Русско-Балтийского вагонного завода в Москве, на Филиях, не было завершено окончательно, как и их оборудование. В 1920-е гг. предприятие было сдано в концессию фирме «Юнкерс», став впоследствии известным авиационным заводом им. М.В. Хруничева. После 1917 г. корпуса возведенного в подмосковных Подлипках казенного автомобильного завода использовались оборонными предприятиями, а с 1940-х гг. стали базой научно-производственного объединения С.П. Королева.

Подготовка и ход войны стимулировали развитие средств связи. Из средств связи в годы войны широкое применение во всех армиях получили телеграф, телефон, оптические средства и радио. К этому времени в радиотехнике были достигнуты значительные успехи. В 1902–1904 гг. датский изобретатель В. Поульсен сконструировал новый тип передающих радиостанций с дуговым генератором незатухающих колебаний. Немецкое военное командование приобрело новые передатчики, установило их на флоте и держало в секрете, пустив в ход лишь после объявления войны. Радиостанции союзников, не зная о них, не могли вначале перехватывать радиограммы немецкого флота. Секрет был разгадан в России ученым-электротехником М.В. Шулейкиным (1884–1939).

Войсковые соединения и отдельные части во всех армиях стали снабжаться радиоустановками. Усовершенствование передатчиков и приемных аппаратов позволило ввести радиосвязь на всех морских надводных и подводных судах, самолетах, танках и т. д.

Мало того, военные изобретатели пытались осуществить опыты по управлению подлодками, торпедами и брандерами (зажигательными судами) по радио. Аналогичные эксперименты проводились и в авиации до ПМВ, например, опыты итальянского изобретателя Э. Фиамме в 1913 г. Но эти опыты могли быть успешными только при

более развитой системе производства, приборостроения, более совершенной техники. Поэтому в то время они не дали положительных результатов, хотя работа над ними в строжайшей тайне продолжалась и после войны.

В середине войны в работе разведок противников приобрели большую популярность звукозаписывающие аппараты – диктографы. Использовались также приборы для подслушивания.

Подлинно новым, крайне неожиданным и трагическим для жизни и здоровья сотен тысяч военнослужащих стало использование в ПМВ химического оружия.

В 1890–1891 гг. Д.И. Менделеев совместно с Л.Г. Федотовым (1847–1894) и И.М. Чельцовым (1848–1904) разработал способ получения нового вида бездымного (пиро-коллодийного) пороха. Порох предназначался для русского флота, хотя в дальнейшем он стал применяться и в сухопутных частях. Создан был и ряд других взрывчатых веществ. Их производство получило за годы Первой мировой войны колоссальное развитие.

Главным сырьем для производства взрывчатых веществ были азотистые соединения (нитраты). До войны нитраты добывались в европейских странах из ввозимой чилийской селитры или из побочных продуктов коксовальных и газовых заводов. Блокада германского побережья с начала войны, лишь в слабой мере смягчаемая контрабандой через нейтральные страны, побудила правящие круги Германии сделать ставку на получение связанного азота по способу Табера – Боша. Заводы мощного химического объединения «БАСФ» в 1913 г. выработали 3 тыс. т связанного азота, а в 1918 г. – 270 тыс. т. В том же году там было добыто 126 тыс. т связанного азота и по способу Франка – Каро.

Из стран Антанты производство нитратов значительно развивалось лишь в Великобритании. Крупнейшим поставщиком сырья для их производства были США.

В России плеяда замечательных химиков (Н.С. Курнаков, А.Е. Фаворский, Н.Д. Зелинский и др.) разработали немало замечательных проектов новых технологий получения толуола, бензина, синтетического фенола и т. д. Но отсталость химической промышленности в стране не позволяла удовлетворять запросы армии и флота как на взрывчатые вещества, так и на иные химические продукты

оборонного значения. Основная масса химических продуктов до войны ввозилась в Россию из Германии.

Иногда в литературе можно встретить выражение «химическая война». Применение отравляющих веществ стало наиболее концентрированным выражением «химической войны». Их применение началось именно во время ПМВ. Это вызвало потребность в совершенствовании средств химических атак и одновременно защиты от них. Впервые газовая атака с применением удушливого газа хлора была применена немцами в апреле 1915 г. под Ипром. Облако газа было выпущено из баллонов. Англо-французские войска понесли большие потери. В мае того же года немцы применили газ на русско-германском фронте.

Химические атаки стали для стран Антанты неожиданностью. Однако постепенно и союзные армии стали применять газы. Началось состязание в изобретении наиболее мучительных и губительных для здоровья удушливых, слезоточивых, ядовитых, нарывных и других отравляющих веществ. Страны Антанты стремились раскрыть секрет смертоносного оружия.

В целях обороны от химического оружия во всех армиях было введено несколько типов противогазов. Начали строить газоубежища. В России изготовлением противогазов занимались видные ученые. В 1915 г. Н.Д. Зелинский (1861–1953) создал угольный противогаз, отличавшийся простотой изготовления и хорошими качествами.

В течение ПМВ было применено более 50 токсичных соединений, из которых наиболее эффективными оказались фосген, дифосген, иприт, люизит, адамсит и хлорацетофенон. Всего за 1915–1918 гг. воюющие страны израсходовали более 125 тыс. т отравляющих веществ. Общие потери от химического оружия составили около миллиона человек.

Во многих областях военной техники, в том числе в химическом вооружении, Россия не вела разработок из принципиальных соображений, следуя принципам человеколюбия и миролюбивой политики, что совершенно не связано с привычными упреками в «отсталости» русской науки и промышленности. Так, например, во время войны в Германии было произведено почти 70 000 тонн химического оружия, во Франции – почти 40 000 тонн, в Великобритании – 25 000, в США – почти 6000, в Австро-Венгрии – 5000, в Италии – 4275,

в России же всего 3705 тонн только раздражающих и слезоточивых газов, в то время как Германия одних только кожно-нарывных отравляющих веществ произвела почти втрое больше, чем общее количество ОВ, произведённых в России. Причем Россия вынуждена была производить химоружие в ответ на применение его Германией против русских войск.

Несмотря на совершенствование и применение мощных видов оружия, важным условием успешности военных действий остается солдат, его стойкость, крепкое здоровье, высокий моральный дух. Все эти качества во многом зависят от питания. Солдат воюет успешно тогда, когда он хорошо и своевременно накормлен. Обычно, на протяжении столетий солдаты и офицеры в походной жизни пользовались подручными средствами, готовили пищу на кострах. На рубеже столетий русская армия начинает обеспечиваться полевыми кухнями.

Изобрёл ее выходец из обедневших дворян Антон Турчанович, начавший службу в 1875 году рядовым. Сначала в военном министерстве предложение восприняли без особого энтузиазма. Но на рубеже столетий ситуация резко изменилась – военное ведомство России занялось вопросом военно-полевых кухонь всерьёз: были обсуждены проекты кухонь Турчановича, штаб-ротмистра Маргушина, общества Путиловских заводов. Кухня Турчановича, имевшая очень простую конструкцию, малый вес и позволявшая приготовить борщ, кашу и чай на роту солдат (250 человек) за четыре часа, была с признательностью принята офицерами и солдатами. Теперь готовить пищу можно было не только на привалах, но и на ходу. Костры больше не демаскировали позиции. Кроме того, топлива и времени для приготовления пищи требовалось меньше. В 1904 году с началом русско-японской войны все изготовленные к тому времени кухни образца Турчановича были отправлены в действующую армию. В 1907 году Министерство торговли и промышленности Российской империи выдало Антону Турчановичу патент на его изобретение. Во время Первой мировой войны все войска были обеспечены этими кухнями. Они же успешно «провоевали» в Советской армии и всю Вторую мировую войну. В 1915 г. А. Турчанович вышел в отставку в чине полковника, имея награды: Орден святого Владимира IV степени с бантом, Орден святой Анны II и III степеней, Орден святого Станислава II и III степеней, Солдатский Георгиевский крест IV степени.

Итак, к началу войны армия была полностью обеспечена полевой артиллерией и снарядами согласно штатам мирного времени и имела запас для потребностей новых артиллерийских формирований в условиях войны. Однако в основе расчетов лежала ложная идея о краткосрочности войны и ведении военных операций с имеющимся запасом артиллерии и боеприпасов без последующего наращивания производства. Между тем намеченные потребности в артиллерийских орудиях и снарядах были превышены во время войны в 12–15 раз! [10]. Потребность в стрелковом оружии на протяжении всей войны удовлетворялась за счет невероятного напряжения 3 казенных заводов (круглосуточная работа в 2–3 смены, увеличение общей численности рабочих к концу 1916 г. до 52 тыс.) и обращения к заграничным поставкам, на которые приходилось до 43,5 % всех винтовок. Рост отечественного производства только в 1915 г. начал приближаться к необходимому уровню, увеличившись по сравнению с 1914 г. почти в 10 раз. Постройка двух новых казенных заводов не была завершена. На Тульском заводе производство пулеметов в 1917 г. увеличилось в 9 раз, но составляло только 40 % расчетной потребности Ставки. Попытка привлечь частные заводы к выпуску пулеметов не удалась из-за сложности производства, а строительство нового казенного завода в Коврове было сорвано по вине Датского оружейного синдиката, получившего подряд на его сооружение. Недокомплект ликвидировали с помощью заграничных заказов, поступавших крайне неудовлетворительно. Имевшиеся 3 патронных завода работали по 22 часа в сутки и 29 дней в месяц, постоянно увеличивая численность рабочих, но достичь максимума производительности не смогли. За время войны было произведено более 4 млрд патронов. Недостаток покрывался за счет заграничных заказов в США, Японии, Франции и Италии. Однако в Россию поступило немногим более 2 млрд патронов, что практически равнялось заказам, сделанным только в США.

Катастрофически низкий уровень выпуска полевых орудий в 1913 г. (405 ед.) увеличился в 1915 г. в 4 раза, а в 1916 г. вырос в 2,5 раза к показателю предыдущего года. Часть потребности в орудиях покрывалась из запасов. На протяжении всей войны русская армия отставала в обеспеченности тяжелой артиллерией. В 1915 г. при потребности, установленной для фронта в 3 тыс. орудий, на казенных Пермском и Обуховском заводах было изготовлено в 5,5 раза меньше.

Успешной оказалась деятельность промышленности в изготовлении минометов и бомбометов, производство которых освоили частные заводы и предприятия ВПК. Общая потребность в оружейных патронах, определенная летом 1915 г. в 3 млн, требовала увеличения производства в 4–5 раз. Подключение к выполнению заказов на снаряды, помимо казенных, ведущих частных заводов не помогло, так как последние не сразу смогли освоить новое производство. Только широкая мобилизация более значительного числа заводов, произведенная Организацией С.Н. Ванкова, решила проблему. К концу 1915 г. производство снарядов увеличилось по сравнению с 1914 г. в 90 раз, а в 1915 г. – в 30 раз к объему 1915 г., почти достигнув цифры в 31 млн снарядов против 100 тыс. в 1914 г. Бурное развитие в годы войны химических производств позволило значительно увеличить выпуск взрывчатых веществ, который в 1916 г. вырос в 3,3 раза к уровню 1913 г. и продолжал расти в 1917 г. Менее успешным было положение с производством пороха на казенных заводах. Постройка в годы войны Тамбовского казенного и частного акционерного общества П.В. Барановского задержалась, поэтому 62 % потребности русской армии в порохе удовлетворялись за счет заграничных закупок [10].

Хотя к 1917 г. материально-техническое снабжение русской армии значительно улучшилось, но отставание по целому ряду показателей от противника и армий союзников сохранялось. Немцы по-прежнему имели преимущество в артиллерии, особенно тяжелой. К середине 1916 г. русские войска были хуже обеспечены по сравнению с французскими и английскими (из расчета на км фронта) полевой артиллерией почти в 5 раз, тяжелой артиллерией почти в 9 раз, пулеметами в 4,5 раза. По обеспеченности снарядами для тяжелой артиллерии Россия уступала союзническим армиям в 6 раз. Имея протяженность фронта вдвое больше, чем англо-французский, русская армия израсходовала в 4 раза меньше артиллерийских снарядов. Несмотря на значительные достижения отечественной научной и инженерной мысли в области авиации, русская армия была обеспечена самолетами в 4 раза меньше своих союзниц. Оставшийся значительным недостаток вооружения и снаряжения русской армии снижал ее боеспособность и во много раз увеличивал людские потери. В военных действиях страна потеряла около 4 млн солдат и 77 тыс. офицеров убитыми и ранеными, 2,3 млн – пропавшими без вести. От болезней

умерло более 110 тыс. человек. Относительные потери России, не говоря об абсолютных, были значительно выше, чем у союзников. На тысячу человек английская армия потеряла 6 человек, французская – 59, а русская – 85 человек [1].

Подводя краткие итоги, можно отметить, что влияние науки и техники на подготовку и протекание войны было чрезвычайно разнообразным и, по своему, продуктивным. Именно научно-техническая мысль в немалой степени способствовала развитию и применению разнообразных средств уничтожения живой силы, разрушения военно-инженерных, промышленных и гражданских сооружений. В результате войны потери вооружённых сил всех держав – участниц мировой войны составили около 10 млн человек, около 12 млн убитыми мирных жителей, около 55 млн человек были ранены [1]. ПМВ своими военно-техническими достижениями во многом определила научно-технический потенциал Второй мировой войны и способствовала выработке новых военных доктрин, военно-стратегических планов и стратегий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уткин А.И. Первая мировая война. – М. : Алгоритм, 2001.
2. Дроговоз И. Англо-бурская война 1899–1902 гг. – Минск, Харвест, 2004.
3. <http://sitefaktov.ru.index.php/home/1868-0-tankah>.
4. Словарь военных терминов : сост. А.М. Плехов, С.Г. Шапкин. – М. : Воениздат, 1988.
5. Антошкин С.Н. Военная авиация России в первую мировую войну: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997.
6. Хлопотов О.Д. История военной авиации. От первых летательных аппаратов до реактивных самолетов. В 2-х кн. – СПб. : Полигон, 2004–2005. – Кн. 1.
7. Подводный флот России. От Первой мировой до наших дней. – М. : Вече, 2006.
8. Функен Ф., Функен Л. Военная история: Энциклопедия вооружения и военного костюма. Первая мировая война 1914–1918. В 2-х тт. – М. : АСТ, 2002.
9. Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. – М. : Вече, 2011.
10. История России XX – начала XXI века / под ред. академика РАН Л.В. Милова. <http://e-libra.ru>.

УДК 94(47).08

Н.М. Лаптев

РОССИЯ И СОЮЗНИКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматриваются отношения между Россией и ее союзниками в годы Первой мировой войны. На фактическом материале доказывается, что Россия была очень добросовестным партнером и всегда приходила на помощь, когда ее союзники оказывались в трудном положении.

In article the relations between Russia and its allies in the years of World War I are considered. On the actual material it is proved that Russia was very conscientious ally and always came to the rescue when her allies appeared in a difficult situation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Первая мировая война, фронт, войска, потери, стратегические наступления.*

KEYWORDS: *World War I, front, troops, losses, strategic approaches.*

Сто лет назад началась Первая мировая война: одна из самых жертвенных и губительных в истории человечества. Война, продолжавшаяся 4 года и 4 месяца, унесла 20 миллионов человеческих жизней в качестве безвозвратных потерь – убитых, умерших от ран, эпидемий и в газовых атаках. Столько же раненых и искалеченных. Таков кровавый счет войны. Особенно велики потери были у России – 1 млн 750 тыс. убитых и умерших от ран и 4 млн 950 тыс. раненых.

Почему такие большие потери? Что – русские солдаты и офицеры не умели воевать? Или у них не хватало храбрости и смелости?

Лаптев Николай Михайлович, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук МГЛУ ЕАЛИ

На наш взгляд, были и умение, и храбрость, и героизм! А огромные потери обусловлены другими факторами.

Россия была не готова к войне, у нее даже стратегического плана военных действий не было. У наших противников Германии и Австро-Венгрии он был – известный «план Шлиффена». Согласно этому плану, Германия в начале военных действий основными силами осуществляет наступление на Западе, захватывает Париж и выводит из строя Францию, а затем наносит удар по России. Как заявил последний германский император Вильгельм II – «Обедать будем в Париже, а ужинать в Санкт-Петербурге!» Но ни обед, ни ужин в столицах Франции и России у Вильгельма не состоялись.

Наступление 2-й армии, у которой уже остро ощущался недостаток боезапасов (в первую очередь артиллерийских снарядов), было остановлено, а затем она была окружена и разбита в районе Мазурских болот. Генерал А. Самсонов застрелился. А Первая армия генерала П. Ренненкампа отступила за пределы Восточной Пруссии.

Совокупные потери русских убитыми, ранеными и пленными составили около 56 тыс. человек – немецкие около 30 тыс. Если рассматривать их в контексте всей Первой мировой войны, они были не напрасны. Германия была вынуждена приостановить наступление на Париж из-за нехватки сил и даже изменить направление главного удара – на Марну, где началось кровопролитное сражение, неудачное для Германии, а война приняла затяжной характер. Таким образом, следует считать, что Россия, жертвуя десятками тысяч своих солдат и офицеров, спасла Францию от разгрома в 1914 г.

В 1915 г. Германия и Австро-Венгрия главным театром военных действий избрали Восточный (Русский) фронт, а на Западе перешли к обороне. Этот год был тяжелым для российской армии. Она отступала. Отступала с боями, нанося контрудары. И все-таки фронт проходил уже по территории России. В армии артиллерийские снаряды раздавали поштучно, и на 300 немецких выстрелов она отвечала только одним снарядом. Обещанные союзниками поставки снаряжения и боеприпасов еще только готовились к отправке или «уходили на дно» северных морей от торпед немецких подводных лодок.

И даже в такой тяжелой для России ситуации союзники «нажимали» на нее, выпрашивая русских солдат для защиты их фронтов. В конце 1915 года председатель военного комитета Франции Г. Думберг

обратился к российскому правительству с предложением направить во Францию 400 тыс. русских солдат в обмен на недостающие русской армии винтовки и снаряды. Предложение полностью не было принято, но во имя «добрых» союзнических отношений начальник Генштаба Ставки генерал М.В. Алексеев предложил направить две особые бригады на Западный фронт.

В апреле 1916 года первая русская бригада высадилась в Марселе, а вторая – во французском Бресте в июне того же года. Затем французы «уговорили» Алексеева еще на две бригады. Все вместе они составили Русский экспедиционный корпус. Его численность составляла 44,5 тыс. солдат и офицеров, которые участвовали в оборонительных боях на Западном фронте. Осенью 1936 г. 2-я и 4-я бригады (свыше 20 тыс. солдат и офицеров) из Франции были отправлены на Балканы, на Салоникский фронт, и участвовали в сражениях до конца войны. Общие потери русского экспедиционного корпуса составили более 10 тыс. солдат и офицеров, а возвращён в Россию он был только в 1920–1921 гг.

В ходе Первой мировой войны Россия ещё не раз приходила на помощь союзникам. Так, в мае 1916 г. союзники, на этот раз итальянцы, были разгромлены австро-венгерскими войсками под Трентино. Тут же они обратились к России с настоятельной просьбой ускорить наступление русских армий, чтобы оттянуть на себя австро-венгерские войска из Италии. Ставка Верховного Главнокомандования, которую с осени 1915 г. возглавил сам император Николай II, приняла решение начать наступление войск Юго-Западного фронта ранее намеченного срока, а это опять спешка и неполная готовность. Но, несмотря на это, войска Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова свою стратегическую задачу выполнили. Они не только разгромили австро-венгров на своем участке фронта, но и вынудили противника осуществить переброску своих войск с запада на восток. Немцы перебросили из Франции на Восточный фронт 11 дивизий, а австрийцы из Италии 6 дивизий. В сентябре 1915 г. наступлений русских войск было остановлено, но какой ценой?

Австро-венгерские и германские войска в результате наступления Юго-Западного фронта, которое получило историческое название «Брусиловский прорыв», потеряли до 1,5 млн человек, из них 400 тыс. пленными. Потери русских войск в этой операции состави-

ли около 600 тыс. человек. Силы австро-венгерской армии были настолько подорваны, что до конца войны она уже была не в состоянии вести активные боевые действия без поддержки германских войск.

Таким образом, стратегическое наступление войск Юго-Западного фронта летом 1916 г. сыграло исключительную роль в конечном поражении стран Тройственного союза и положило начало коренному перелому в Первой мировой войне. В 1917 г. войска Германии и Австро-Венгрии перешли к стратегической обороне, а в 1918 г. они потерпели полное поражение, но среди победителей России не оказалось. Война круто изменила ее судьбу. Обескровив страну, доведя до голода и отчаяния миллионы россиян, она толкнула их на революции: сначала буржуазно-демократическую, а затем социалистическую. Придя к власти в ноябре 1917 г., большевики в марте 1918 г. заключили с Германией сепаратный мирный договор и Россия, уже советская, вышла из войны. А потому на Версальской мирной конференции в 1919 г. лавры победителей делили Франция, Англия и США, но без России, которая, на наш взгляд, была одним из главных творцов этой победы.

УДК 94(47).08

В.А. Шаламов

УЧАСТИЕ МЕДРАБОТНИКОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье анализируется участие военных и гражданских медицинских работников Забайкалья в Первой мировой войне. Автор использует воспоминания врачей, лично участвовавших в войне. Значительное место отводится вопросам изучения истории формирования полевых, лечебных и эвакуационных госпиталей и врачебно-питательных отрядов.

In article participation of military and civil health workers of Transbaikalia in World War I is analyzed. The author uses memoirs of the doctors who were personally participating in war. The important place is allocated for questions of studying of history to formation of field, medical and evacuation hospitals and medical and nutritious groups.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Забайкальский регион, медицинские работники, военные врачи, госпитали и медицинские учреждения.

KEYWORDS: Transbaikal region, health workers, medical officers, hospital and medical institutions.

Как хорошо, что у нас есть традиция справлять юбилеи. Благодаря им мы хотя бы иногда вспоминаем имена и события, сыгравшие важную роль в прошлом. Не всем юбилеям везет. Одних вспоминают охотно и часто, других – редко. В этом плане участникам Первой мировой войны в нашей стране не повезло. Их просто вычеркнули, забыли, исключили... Есть расхожая фраза, что о проигранных во-

Шаламов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук МГЛУ ЕАЛИ

йнах не любят вспоминать. Именно это случилось с солдатами и офицерами, четыре года сражавшихся за свою Родину. Участники войны не получили наград, компенсаций, льгот, почета, уважения – всего того, что полагалось им по праву. Так случилось, что последующие политические события круто изменили ход истории, и многие бойцы царской армии сознательно скрывали свое участие в Первой мировой войне. Политические изменения в России на рубеже 1980–1990-х гг. вроде бы должны были исправить ситуацию, но более действенные шаги оказались предприняты только в преддверии 100-летнего юбилея. Автор предлагает к рассмотрению одну из малоизвестных страниц этого мирового конфликта, о вкладе медицинских работников Забайкалья в борьбу с врагами Отечества.

1 августа 1914 г. Российская империя вступает в Первую мировую войну. До осени 1917 г. война шла с переменным успехом. Русские войска неоднократно показывали миру свое превосходство, как это было во время Брусиловского прорыва, во время Эрзерумской и Галицийской операций, но Октябрьская революция 1917 г. перечеркнула все достижения армии. Уставшие от войны солдаты и рабочие требовали мира. В итоге 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан сепаратный мир на кабальных условиях. Еще до его подписания началась демобилизация старой армии.

По вполне понятным причинам в первую очередь на фронт попали те представители медицинской корпорации, которые служили в военном ведомстве. На территории Забайкалья дислоцировался 2-й армейский корпус, который и был направлен на фронт и принял участие в Варшавско-Ивангородской операции [1; 64–65]. Кроме того, Забайкальское казачье войско выделило 9 казачьих полков. Медработники этих подразделений вместе со своими частями также были отправлены на фронт. Возглавлял медицинскую часть 2-го армейского корпуса военный врач М.Л. Гросман. Всего по нашим подсчетам на фронт отправилось 50 военных врачей (42 армейских и 6 казачьих) [подсчет произведен по: 2]. Часть из них в последующем попала в другие части. Например, младший врач 20-го Сибирского стрелкового полка (Троицкосавск) Н.А. Коркунов был переведен в 178-й пехотный полк (Пенза), а младший врач 1-го Сибирского тяжелого артдивизиона М.М. Кремлев (Антипиха) – в 73-й пехотный полк (Винница). К сожалению, нам не удалось проследить жизненный путь военных

врачей. Вероятно, большая их часть после демобилизации привлекалась к обслуживанию воинских частей в годы Гражданской войны, а в последующем эмигрировала.

Не все военные врачи Забайкалья оказались на фронте. Семеро из них, согласно Медицинским спискам за 1916 г., были прикомандированы к Читинскому военному лазарету, который возглавил статский советник Александр Александрович Велижанин. Собственно, на их долю падала основная часть раненых и больных военнослужащих, прибывших на излечение в Читу. Кроме военных специалистов, в лазарете работали и гражданские врачи. Например, П.К. Флегонтов и И.П. Руга. К концу войны первый из них стал главврачом лазарета, а второй – его помощником. В 1915 г. в Иркутский военный госпиталь распределен забайкальский офтальмолог Н.Н. Макаров, впоследствии перешедший в Читу под командование Флегонтова [3].

Мобилизация также коснулась и врачей гражданского ведомства. До конца 1914 г. в армию были взяты врачи: Н.Г. Новоселов и А.И. Панкрышев из Читинского уезда, И.П. Руга, Г.О. Геворкянц и П.С. Губанов из Верхнеудинского, И.И. Попов и О.Н. Шварц из Селенгинского, П.А. Алешковский из Баргузинского и Е.С. Касторский из Нерчинско-Заводского уездов. Вместе с врачами на фронт были отправлены фельдшеры и медсестры, но цифровой материал имеется только на 1914 г., когда были мобилизованы 19 фельдшеров [4]. Патриотический порыв в первые месяцы войны был так велик, что в Чите желающих поступить на курсы сестер милосердия было настолько много, что им стали отказывать [5; 556]. К сожалению, полного списка среднего и младшего медперсонала, мобилизованного на войну, не существует.

Автору не удалось найти живые воспоминания медработников об их трудах на фронтах Первой мировой войны. Однако благодаря деятельности библиографа-краеоведа Р.И. Цуприк с 1991 г. при Краевой научной медицинской библиотеке выходит «Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края», статьи которого отчасти проливают свет на интересующий нас вопрос. Размеры издания не позволяют рассмотреть всех, поэтому отметим лишь наиболее интересные сведения.

Среди мобилизованных в Забайкалье были известнейшие для своего времени люди. Так, военный врач А.К. Беляевский, оказы-

вавший медицинскую помощь военнослужащим 16-го Сибирского стрелкового полка в Сретенске, в 1920-е гг. стал популярным благодаря изучению урвской болезни. В годы войны он возглавил военный госпиталь в Риге, а после его эвакуации – в Твери. Известный гинеколог Я.М. Шольц организовал медицинскую службу 4-й Сибирской стрелковой дивизии в прифронтовой полосе. Бактериолог А.И. Меньших в составе забайкальских частей оказывал медицинскую помощь под Варшавой [6].

Среди прочего медицинского персонала Забайкалья тоже было немало фронтовиков. Например, Г.А. Федосеев был мобилизован в 1914 г. и попал на Западный фронт в составе Аргунского полка. В 1916 г. он в Киеве окончил военно-фельдшерскую школу и вернулся в свою часть в качестве фельдшера. Позднее он отправился на родину и принял участие в Гражданской войне. Удивительна судьба медсестры Забайкальской общины Красного Креста В.П. Павлуцкой. Она была одной из первых воспитанниц общины и приняла участие в войне с Японией. В 1914–1918 гг. ей приходилось ухаживать за больными и ранеными воинами в лазаретах на Кавказском фронте, за что была трижды награждена Георгиевским крестом [7]. Перечень можно с легкостью продолжить.

Не обошлось и без жертв, как это бывает на войне. Среди мобилизованных числился инспектор горного округа известный ученый Е.В. Бек. В силу ряда обстоятельств его не отправили на фронт, и он оказывал помощь в качестве хирурга в Чите. Приведем несколько строк из воспоминаний его супруги женщины-врача А.Н. Жуковой-Бек. «...За несколько месяцев работы в госпитале ему приходилось неоднократно протестовать против злоупотреблений в области питания раненых солдат. Его требования улучшить питание не нравились администрации, и под предлогом «неблагонадежности» его удалили из госпиталя и назначили заведующим сыпнотифозными бараками для пленных турок. Это было равносильно смертному приговору, т. к. известно, что пожилые люди (старше 50 лет) не выносят сыпного тифа. Пленных турок привозили и помещали в бараки, а средств для борьбы не давали. Евгений Владимирович на собственные средства старался сделать все, что было возможно, для борьбы с заразой. Несмотря на его неимоверные усилия, он сам заразился сыпным тифом... и скончался 15 июля 1915 г.». В том же году умер от зараже-

ния крови, полученного во время операции больного солдата, врач А.С. Нонява, о котором коллеги писали, что «...шел он по тяжелому жизненному пути и умер на своем посту как истинный друг своего ближнего...» [8; 76]. Таким образом, медицинские работники Забайкальской области вносили свою лепту в, казалось бы, близкую победу, зачастую рискуя своей собственной жизнью.

Как и во всей России, в Забайкалье население приняло горячее участие в оказании посильной помощи фронтовикам. Было сформировано несколько полевых госпиталей Красного Креста и врачебно-питательных отрядов. Немалую помощь оказало бурятское население. Благодаря инициативе Агвана Доржиева и Хамбо-ламы Д.-Д. Итыгилова был образован «Общепурятский комитет», который организовал самообложение, позволившее развернуть на фронте три госпиталя, обслуживаемые лучшими эмчи-ламами бурятских дацанов во главе с Ч.-Д. Иролтуйевым. В доме Агвана Доржиева при Петербургском буддийском храме был развернут специальный лазарет для раненых бурят и калмыков [9]. К сожалению, объема медицинской помощи в армии не хватало, особенно остро стоял кадровый вопрос. Выпускники всех медицинских учреждений тут же мобилизовывались и отправлялись обслуживать нужды армии, вследствие чего на местах не могли ожидать в ближайшем будущем пополнения.

Кстати сказать, среди студентов Томского университета было немало забайкальцев, которые по окончании курса без сдачи экзамена отправлялись на фронт в качестве зауряд-врачей. Характерна судьба будущего начальника военно-санитарного отдела Народно-революционной армии ДВР П.В. Сиверина. В 1915 г. он прямо со студенческой скамьи был призван в армию и как уроженец Забайкалья попал в запасной батальон в Чите, но вскоре направлен в Туркестан в лазарет для военнопленных. В 1916 г. переброшен на Румынский фронт, но по болезни эвакуирован. Болезнь позволила ему в 1917 г. сдать экзамены в родном университете и получить звание лекаря. После демобилизации он вернулся в родное Забайкалье [10]. Уроженец Сре-тенска Г.И. Барбас во фронтовых госпиталях провел всю войну. Окончивший университет в 1916 г. Н.Л. Сакович служил в подразделениях Оренбургского казачьего войска. К.П. Лопатин родом из Быркинского района после окончания Казанского университета был определен в Читинский военный лазарет, а позже – в Заамурский железнодорож-

ный батальон, в составе которого побывал на Кавказском фронте в Персии. Все они в будущем стали известными медиками Читинского региона.

Забайкальский регион был сильно отдален от театра боевых действий. Тем не менее, на его территории развертываются 5 лечебных госпиталей, которые обслуживали нужды солдат, казаков и военнопленных. Развертывали их на базе уже существующих организаций при военных частях. Самым первым был устроен Читинский военный госпиталь, созданный 1 августа 1914 г. Второй госпиталь был открыт только 19 января 1915 г. в Березовке. Оба заведения финансировались военным ведомством. 14 октября 1915 г. возник еще один госпиталь. Он был устроен в слободе Кяхта и содержался за счет Забайкальского казачьего войска. В нем же принимали военнопленных, лечение которых осуществлялось за казенный счет. Поскольку число военнопленных неуклонно росло, то ощущалась острая необходимость в специальной больнице для них. И вот 8 января 1916 г. открывается Даурский лазарет для военнопленных. Последним был развернут 30 января 1916 г. 176-й Сводный эвакуационный госпиталь в военном городке станицы Сретенской. Всего на 28 мая 1916 г. в этих госпиталях числилось 3069 кроватей: из них для хирургических больных – 409, для острозаразных – 609, для терапевтических – 1901 и для вообще раненых – 150 [11]. При этом 67,6 % кроватей было занято, т. е. медицинские учреждения активно функционировали. Возглавляли их врачи И.П. Руга, Н.Н. Макаров, Н.М. Малицкий и В.К. Брем, мобилизованные из различных ведомств гражданского сектора.

Нужно сказать, что в Забайкалье – регионе, далеко отстоящем от театра военных действий – отправлялось большое количество военнопленных. Изначально их лечением занимался персонал близлежащих медицинских заведений с последующей оплатой из Главного интендантского управления, но вскоре, как уже отмечалось, появляются и специальные лазареты для военнопленных. Кроме того, в Забайкальскую область постоянно приезжали делегации международного Красного Креста, которые собирали сведения о положении пленных в России, имели право раздавать небольшие суммы денег или подарки, осуществлять продовольственную помощь. Тем не менее, местные власти часто ограничивали их усилия. Связано это было с подозрениями в шпионаже, как это было с миссиями Шведского

и Датского обществ Красного Креста. Впрочем, имеются сведения и о реальной помощи. Например, зимой 1915–1916 гг. в Сретенском лагере для военнопленных вспыхнула эпидемия тифа. В ее подавлении приняли активное участие представители шведской делегации Эльза Брендстрем и Этель фон Хейденстам, которые в последующем обвиняли русскую администрацию в бездействии. Однако историк А. Чащин, занимающийся исследованием положения пленных в годы Первой мировой войны, делает вывод, что по результатам посещения забайкальских лагерей делегациями обществ Красного Креста в 1915–1917 гг. содержание солдат и офицеров было нормальным и соответствовало их статусу военнопленных [12; 54–83].

В заключение стоит отметить, что в Забайкальской области не имелось земства, что сильно тормозило развитие медицинской помощи в регионе. Как следствие вклад медицинских работников Забайкалья был невелик по сравнению с более развитыми областями и губерниями, но, тем не менее, забайкальцы не оказались в стороне от столь великого несчастья, свалившегося на их Родину. Большинство медперсонала области вернулись с фронтов в период зимы-лета 1918 г. и приняли активное участие в организации здравоохранения гражданскому населению в новых условиях. Они получили хороший опыт, который им скоро пришлось вновь применять в период развернувшейся Гражданской войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Новиков П.А.* Сибирские армейские корпуса в Первой мировой войне // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. Т. 66. – № 4.
2. Российский медицинский список, изданный управлением главного врачебного инспектора МВД, на 1913 г. (Списки врачей, ветеринарных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 20 апреля 1913 г.). – СПб., 1913. – 577 с.; Российский медицинский список, изданный управлением главного врачебного инспектора МВД, на 1916 г. (Списки врачей, ветеринарных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на апреля 1916 г.). – СПб., 1916. – 864 с.
3. *Пажитнов А.Е.* 135 лет со дня рождения врача, организатора здравоохранения П.К. Флегонтова / А.Е. Пажитнов // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2012 год. – Чита : Читинская типография, 2012. – С. 114; *Попека Н.В.* 140 лет со дня рождения земского врача Петровского Завода И.П. Руги (1871–1955) // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2011 год. – Чита :

- ООО «Экспресс-Издательство», 2011. – С. 176; *Коршунова Т.Д.* 125 лет со дня рождения основателя офтальмологической службы в Забайкалье Н.Н. Макарова (1880–1946) / Т.Д. Коршунова // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2005 год. – Чита : Читинская областная типография, 2005. – С. 148.
4. ГАЗК. Ф. 1 вр., оп. 2, д. 1148, л. 228–231.
5. Сибирский врач. – 1914. – № 32.
6. *Куриленко И.В.* 140 лет со дня рождения врача, исследователя Забайкальского края А.К. Белявского (1872–1931) / И.В. Куриленко, Н.В. Попека // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2012 год. – Чита : Читинская типография, 2012. – С. 138; *Пажитнов А.Е.* 135 лет со дня рождения врача акушера-гинеколога Я.М. Шольца (1871–1939) / А.Е. Пажитнов // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2006 год. – Чита : Читинская областная типография, 2006. – С. 88; *Цуприк Р.И.* 125 лет со дня рождения провизора, организатора химико-бактериологической лаборатории в Чите А.И. Меньших (1882–1934) / Р.И. Цуприк // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2007 год. – Чита : Читинская областная типография, 2007. – С. 203.
7. *Лапердина А.Г.* 120 лет со дня рождения фельдшера Г.А. Федосеева / А.Г. Федосеева // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2013 год. – Чита : Читинская городская типография, 2013. – С. 241; *Цуприк Р.И.* 110 лет со дня открытия в Чите Забайкальской общины сестер милосердия Красного Креста (1901) // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2011 год. – Чита : ООО «Экспресс-Издательство», 2011. – С. 57.
8. Общее дело: Жизнь и деятельность известных врачей Забайкалья Е.В. и А.Н. Бек / Авт.-сост. Е.К. Андрусевич. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996.
9. *Цуприк Р.И.* Литературное, историческое и медицинское краеведение / сост. Н.А. Бурдиян, Г.И. Погодаева; отв. ред. М.В. Константинов. – Чита : ЗабГУ, 2014. – С. 389; *Базаржапов В.Б.* Буряты на службе Отечеству. – Улан-Удэ, 2005. – С. 94.
10. ГАЗК Ф. р-1393, оп. 2, д. 12, л. 121.
11. ГАЗК Ф. 1 вр., оп. 2, д. 1135, л. 93-100.
12. *Чащин А.* Сретенский лагерь военнопленных Первой мировой войны / А. Чащин // Хронограф : Забайк. ист. журн. – 2012.

УДК 94(47).08

Т.В. Федорова

ИРКУТЯНЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье раскрывается вопрос комплектования иркутских войсковых подразделений и их участие в боевых действиях Первой мировой войны.

In this article the question completing of Irkutsk army divisions and their participation in military operations of World War I reveals.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Первая мировая война, войсковые подразделения, Иркутский военный округ, стрелковые дивизии, армейские корпуса.*

KEYWORDS: *World War I, army divisions, Irkutsk military district, shooting divisions, army cases.*

В августе 2014 г. исполнилось сто лет с начала одной из самых кровопролитных и широкомасштабных войн в истории человечества, оказавшей существенное влияние на судьбы многих мировых держав. Война завершила собою целую историческую эпоху, привела к крушению Российской империи, Германской империи, Австро-Венгерской монархии, Османской империи. На карте мира появились новые государства: Польша, Чехословакия, Югославия и др. Произошел радикальный передел мира. Возник новый мировой порядок. Война отличалась невиданным прежде размахом, носила тотальный характер и привела к огромным человеческим жертвам и разрушениям.

К началу Первой мировой войны в Иркутском военном округе дислоцировались 2-й и 3-й Сибирские армейские корпуса, включав-

Федорова Татьяна Владимировна, доцент кафедры истории, философии и социальных наук МГЛУ ЕАЛИ

шие 4-ю, 5-ю, 7-ю и 8-ю Сибирские стрелковые дивизии. С началом войны в округе был развернут 6-й Сибирский корпус, состоявший из 12-й и 13-й Сибирских второочередных дивизий. Полки этих дивизий формировались на базе скрытых кадров 7-й и 8-й Сибирских стрелковых дивизий. Каждый полк первой очереди выделял второочередному 19 офицеров, одного военного чиновника и 262 солдата [6, с. 59].

Иркутский военный округ испытывал недостаток в запасных. Так, в 1913 г. в нем насчитывалась 41 тыс. нижних чинов запаса, в то время как потребность при мобилизации составляла 150 тыс. [6, с. 59]. Недостаток людей в Иркутском военном округе восполнялся за счет Омского (70 159 человек) и Казанского (40 669 человек) округов [6, с. 59]. По мобилизационному расписанию (с 1912 г. носившему наименование № 18 измененное) в Иркутском округе в начале войны было призвано 41 689 запасных.

18 июля 1914 г. началось мобилизационное развертывание войск Иркутского военного округа, требовавшее до 150 000 чел. призванных из запаса, в т. ч. на его территории 41 689 чел. Армейские корпуса убыли на фронт без конных частей: 3-й Сибирский в начале августа 1914 г., 2-й Сибирский в конце августа. С 18 июля в Иркутске была сформирована 12-я Сибирская стрелковая дивизия, а 11 сентября она была отправлена на фронт. 11 октября 1914 г. прибыла на Юго-Западный фронт в 8-ю армию в верховья рек Сан и Днестр. 19 октября дивизия приняла первый бой при «старом месте» г. Самбор.

«Краткое расписание сухопутных войск по сведениям к 1 марта 1914 г.» указывает командиров: 7-я Сибирская дивизия – генерал-лейтенант Сулимов (Николай Ильич), начальник штаба полковник Попов, 1-я бригада – генерал-майор Зубов, 25-й полк – полковник Хильченко, 26-й – полковник Цихович, 2-я бригада – генерал-майор Трофимов (Владимир Онуфриевич), 27-й полк – полковник Афанасьев, 28-й полк – полковник Яковлев, 7-я Сибирская артиллерийская бригада – генерал-майор Зарецкий, 5-й Сибирский саперный батальон – полковник Гартман» [9, с. 51].

Из воспоминаний Павла Васильевича Шапошникова, служившего в 26-м Сибирском стрелковом полку, в Иркутске: «Я попал в качестве коменданта на станцию Зима, где и пробыл до отправления полка на фронт 29 июля, когда полк уже погружался в вагоны для отправки на фронт. На какой фронт – мы не знали...

На сборы на войну мне оставалось несколько часов, в течение которых я со своим денщиком Петром Ярониным (Петька, как звала его почему-то моя 11 рота, веселый уфимец!) собирался, заколотивши в ящик все мои скромные обер-офицерские вещи. Я их никогда не получил потом: все пропало в Военном Городке, в цейхгаузе полка.

Даже не попрощался ни с кем в городе. Стал в строй своей роты и зашагал на станцию. А там уже стоял поезд из теплушек на батальон, с классным вагоном для офицеров. Ни пышных проводов, ни речей, ни цветов уходящим на смерть от граждан Иркутска не было. Некогда было...

Обучение личного состава производилось в пути, прямо в вагонах. «Кроме общих обязанностей солдата, офицера, конечно, и больше всего, говорили о поведении его в бою» [9, с. 50]. О качестве такой экстренной подготовки говорят следующие строки из воспоминаний П.В. Шапошникова: «Два дня остановки в Челябинске – непрерывные строевые учения. Необходимо было «сбить» роты, приучить мобилизованных к строю, командам, узнать их способности и дать им возможность узнать своих начальников-офицеров. Батальон смотрел «вездесущий» полковник Януарий Цихович – командир полка. Разнес капитана Вахнина за плохое равнение при прохождении батальона» [9, с. 50].

2 сентября 1914 г. в Иркутске был сформирован штаб и управления 6-го Сибирского армейского корпуса.

Летом 1915 г. в Иркутске для отправки во Францию сформирован отдельный маршевый батальон из 8 рот, насчитывавший 22 офицера, 3 чиновника, 1640 нижних чинов.

Всю Первую мировую войну 7-я Сибирская стрелковая дивизия действовала в составе 3-го Сибирского корпуса. С 31 августа 1914 г. дивизия во главе с генерал-лейтенантом Владимиром Онуфриевичем Трофимовым сражалась с немцами у городов Лык и Августов, в ноябре – декабре атаковала укрепления крепости Летцен, отличившись 5 ноября захватом 13 орудий и 6 пулеметов. 12 декабря 1914 г. 26-й Сибирский полк был окружен за Нитлицким болотом при атаке Попродкенских высот. В январе 1915 г. стойкая оборона 3-го Сибирского корпуса у Лыка против втрое превосходящих сил немцев предотвратила окружение 10-й русской армии.

«28 января 1915 г. (по старому стилю) германская 9-я армия ударила во фланг и тыл 10-й русской армии. Корпуса последней стали беспорядочно откатываться, обнажая фланги 20-го армейского корпуса. Только на левом фланге у Лыка 3-й Сибирский корпус, схватившийся с тройными силами германцев, держал врага мертвой хваткой, не давая продвинуться вперед. Стойкость полков 7-й (из Иркутска) и 8-й (из Красноярска, Канска, Ачинска) Сибирских стрелковых дивизий спасла 10-ю армию от повторения участи окруженной 2-й армии Самсонова. Соппротивление 3-го Сибирского корпуса трем германским немецкий главнокомандующий Э. Людендорф назвал «восхитительным»» [6, с. 61]. Затем корпус под временным «талантливым и доблестным» командованием В. О. Трофимова организованно отошел за реку Бобр.

Из воспоминаний Николая Ивановича Росовского, жителя д. Лукиново Жигаловского района Иркутской области: «14 августа поехали на фронт. Служил в 12-м кавалерийском 7-й дивизии. Этот полк был подшефным Николая Александровича (Романова). Этот полк был сводным. Служба сама была не так уж тяжелая, что ходить за конем. Полк назывался «сводный его величества полк». Наступали мы в направлении на Западном фронте: Минск, Гродно, Сувалки, Лык, Арес, Кенигсберг. Потом отступили в 1916 году в Белоруссию. Была измена. Главнокомандующий был Эверт – немец. В батарее были немцы. Командир нашего полка был Снегирёвский, а эскадрона – Олешевич» [4, с. 76–78].

Оказавшись на фронте к концу сентября 1914 г., сибирские стрелки стали «последним резервом Российской империи, брошенным на чашу весов начального периода войны» [6, с. 60].

С началом Первой мировой войны ещё не мобилизованный иркутский казачий дивизион был передан в распоряжение МВД. Мобилизация Иркутского казачьего дивизиона была объявлена 26 июля (7 августа) 1914 г. И хотя командование Иркутским военным округом подготовило все планы и расписание заранее (к 1912 г.), сама мобилизация прошла лишь немногим лучше мобилизации 1904 г. Сроки прибытия казаков в казармы составили от 10 дней (городовые казаки собрались на 6 дней раньше, чем в Русско-японскую войну) до трех месяцев (казаки северных уездов). Беда была не только в этом: 38 казаков прибыли в казармы без обмундирования, снаряжения или лошадей.

«Сложилась проблема острой нехватки офицерского состава. Если по штату полагалось на дивизион 11 офицеров, 482 вахмистров, урядников и казаков (439 строевых и 43 нестроевых), а также 543 лошади, то налицо было всего шесть офицеров (восемь по списочному составу). Дивизион имел незначительный сверхкомплект по казакам на 17 человек и 11 лошадей» [8, с. 258–259].

Сразу после начала войны еще не отмобилизованный казачий дивизион был передан в распоряжение МВД (это относилось только к Иркутскому и Красноярскому казачьим дивизионам), а служба составлявших его казаков, согласно циркуляру ГУГШ под № 134132, «ничем не должна отличаться от мирного времени» [8, с. 259].

На Иркутский (как и на Красноярский) казачий дивизион командованием Иркутского военного округа было возложено выполнение ряда функций: несение внутренних нарядов и гарнизонной службы, охрана военнопленных и доставка их в специальные лагеря, а также сопровождение маршевых рот, следующих для пополнения действующей армии, то есть контроль за воинскими подразделениями на случай возникновения в них беспорядков. В 1914 г. иркутские казаки подавили выступление пьяных солдат и новобранцев запасных полков в Ачинске и Минусинске.

Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы входили в состав войск 2-й Сибирской запасной стрелковой бригады генерал-майора Н.А. Лашкевича. Красноярским казачьим дивизионом командовал иркутский казак, есаул А.А. Могилев. Иркутский казачий дивизион под командованием войскового старшины князя Ф.Н. Бековича-Черкасского имел три сотни под командованием есаула Н.Н. Усова (1-я), подьесаула Кубинцева (2-я), есаула Селиванова (3-я). После отбытия в 1915 г. князя Ф.Н. Бековича-Черкасского на фронт командование дивизионом принял на себя есаул Н.Н. Усов. Сотни несли гарнизонную и охранную службу в Иркутске, охраняли Кругобайкальскую железную дорогу и сопровождали маршевые роты от ст. Березовка (близ Верхнеудинска Забайкальской области) до города Ачинска Енисейской губернии.

Комплектовались сотни не по территориальному принципу (по станицам), а по возрастному, общепринятому у казачества критерию. Первая сотня была кадровой, 2-я и 3-я комплектовались, соответственно, казаками 2-й и 3-й очередей льготного разряда. Так, напри-

мер, казаков Головинской станицы служило в 1-й сотне – 11 человек, во 2-й – 15 человек, в 3-й – 13 человек [8, с. 263].

Военно-полицейская служба явилась препятствием для отправки восточносибирских казаков на фронт. Даже направление на театр военных действий пожилых казаков, давно уже находившихся в ополчении и проявлявших желание отправиться на фронт добровольцами, вызывало сопротивление. Например, отставной вахмистр иркутской казачьей сотни Василий Агафонов подал прошение, но МВД отказало ему, мотивируя свой отказ тем, что «взятие отставных... только по Высочайшему разрешению» [8, с. 264]. сводке штаба Иркутского военного округа от 17 апреля 1915 г., 1-я и 2-я сотни Иркутского казачьего дивизиона находились в Иркутске, а 3-я – в Березовке близ Верхнеудинска.

Несколько десятков иркутских казаков, «бежавших» на фронт, проходили службу в различных полках. «Бегство» казаков на фронт началось уже в первые месяцы войны. Но если поначалу такие случаи были единичны, то в 1915 г. это явление приобретает массовый характер. Причем, бежали иной раз группами, а то и целыми подразделениями, вместе с лошадьми и снаряжением. Несмотря на то, что беглецов отлавливали и возвращали обратно, в 1915 г., в год «Великого отступления», многим «дезертирам» удалось добраться до частей действующей армии. Так, в штаб Иркутского военного округа 5 апреля 1915 г. поступила из Карса (Кавказская армия) такая телеграмма: «Третий Верхнеудинский полк прибыли бежавшие казаки Иркутского казачьего дивизиона Иван Черемисов, Иван Замяткин. Согласен зачислить штаб полка при условии высылки полку их строевых лошадей и всего снаряжения вместе с лошадьми, высылаемыми бригаде наказным атаманом, противном случае прошу указать, куда вернуть. Ответ благоволите телеграфом 78. Стояновский». Благодаря есаулу Селиванову, из сотни которого сбежали казаки, их лошади и снаряжение были отправлены, причем, «...лошадь Замяткина больна, и казак Михаил Потылицын уступает свою вполне здоровую лошадь» [8, с. 267].

К 1916 г. только Иркутский казачий дивизион лишился 93 казаков (вместо 499 по списку налицо оказалось 406). Бежавшие на фронт казаки льготами не пользовались, поскольку считались дезертирами. Поэтому ни пенсий, ни вспомоществований семьям фронтовиков не выплачивалось. «Бежали» они и в партизанские отряды, которые стали повсеместно создавать при армиях и фронтах. Тяжелое положение

на фронте ускорило рассмотрение вопроса об отправке на фронт восточносибирских казаков. В декабре 1915 г. в действующую армию уже официально убыл 71 иркутский казак. Им было выдано пособие в 75 руб. каждому, но они все полученные деньги отдали в Военный фонд. В августе 1917 г. «Вестник енисейского казачества» писал: «Явление поразительное, мыслимое и понятное только в казачестве – в то время как многие пытались откосить от службы («Оборонятся от обороны»), – Иркутский и Енисейский дивизионы почти в полном составе заявили о желании отправиться в действующую армию [5].

26 июля 1914 г. Красноярская и Иркутская казачьи сотни развернуты в одноименные дивизионы трехсотенного состава со штабами в Красноярске и Иркутске. В этих же городах дислоцировались по две сотни соответствующих дивизионов. Их личный состав всю войну нес охранную и гарнизонную службу, сопровождал по железной дороге маршевые роты. Осенью 1914 г. развернуты 2-я Сибирская, 9-я, 10-я, 11-я и 12-я стрелковые Запасные бригады в Иркутске и его окрестностях. Также в Иркутске был расположен Сибирский запасной арт. дивизион, Сибирский запасной телеграфный батальон и военно-обозные мастерские, выпускавшие до 6000 повозок в год. В декабре 1914 при 2-й Сибирской стрелковой запасной бригаде открыты школы по трехмесячной подготовке офицеров, с 7 июля 1915 названные 1-й, 2-й и 3-й школами подготовки прапорщиков пехоты. В 1917 г. в списках школ состояло от 374 до 495 юнкеров в каждой.

Осенью 1914 г. в Иркутском округе сформирован 7-й корпус государственного ополчения из 7 пеших дружин: 627-я Томская (дислоцировалась в Чите), 628-я Томская (Верхнеудинск), 629-я Томская (Красноярск), 630-я Иркутская (Чита), 631-я Иркутская (Иркутск), 632-я Иркутская (Нижнеудинск), 633-я Енисейская (Красноярск). Корпус расформирован в начале 1915 г., его дружины перемещены в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги.

Из Казанского военного округа в Иркутский в 1915 г. передислоцированы управление 45-й бригады государственного ополчения. В 1916-1917 гг. в Иркутске ей подчинялись 6 дружин: 718-я Астраханская (5 рот в Иркутске, 1 рота в Канске), 550-я Симбирская (4 роты в поселке Антипиha под Читой, штаб и 4 роты охраняли железнодорожный парк под Верхнеудинском), 562-я Саратовская (Березовка), 715-я Забайкальская (5 рот в Верхнеудинске), 3 роты на станции Ин-

нокентьевская), 716-я Иркутская (4 роты в Канске, 4 роты охраняли железную дорогу от Иркутска до станции Боготол), 717-я Енисейской (6 рот в Красноярске).

25 июня 1916 г. объявлен призыв бурят и тунгусов 1885–1897 гг. рождения на тыловые работы в районы действующей армии. В Забайкальской области мобилизовали 11 817 инородцев, из коих 11 750 отправили на работы. В Иркутской и Енисейской губерниях призвали 9061 чел., а отправили 8725. Мобилизованные перестраивали Архангельскую железную дорогу с узкой на обычную колею, вели земляные работы на Северном и Западном фронтах. Временное правительство 5 мая 1917 г. постановило возвратить «реквизированных инородцев» на родину.

20 июля 1916 г. в Иркутском военном округе была сформирована 6-я Сибирская стрелковая запасная бригада с управлением в Красноярске, объединившая 13-й, 14-й, 15-й, 30-й и 31-й Сибирские стрелковые запасные полки. 29-й полк остался в составе 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады. Всего в запасных полках округа 7 декабря 1916 г. было 67 744 чел., 8 февраля 1917 г. – 72 934, 8 марта – 78 736, 15 сентября – 19 299. С 31 марта 1917 г. командующий округом разрешал отпуска солдат 40 лет и старше для помощи сельскому хозяйству. Летом-осенью 1917 г. из округа отправлен в действующую армию постоянный состав 7 запасных полков общей численностью 15 400 чел.

2 июля 1917 г. в действующую армию убыл 1-й Иркутский ударный батальон, сформированный из юнкеров военного училища и школ прапорщиков, 28 июля – ударный батальон 2-й Сибирской запасной стрелковой бригады. 9 августа – женский батальон смерти.

Сибирские стрелки особенно отличились в боях за Варшаву, Лодзь, в Августовских Лесах. А.В. Туркул писал: «Сибиряки, чалдоны, – крепкий народ... Из окопов другой норovit бабахать почаше, себя подбодряя, а куда бабахает и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко... Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают многие военные писатели» [6].

Немцы надолго запомнили сибирских стрелков. Немецкий генерал Второй мировой войны Г. Блюментрит писал: «Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник. Мы уже испытали

это на себе во время Первой мировой войны, когда нам пришлось столкнуться с Сибирским армейским корпусом» [7, с. 190]. Э. Людендорф, в 1914 г. начальник штаба германского Восточного фронта, заявлял: «Сибирские корпуса были особенно сильны и доставили нам много хлопот». Маршал Р.Я. Малиновский приводит свои впечатления как рядового 1914 г. в боях под Сувалками: «Левее, у сибиряков, шли упорные штыковые схватки. Там германская пехота, окрыленная недавней победой над гренадерами, не сдавалась. Но, разобравшись, с кем имеет дело, потеряла устойчивость и отступила» [7, с. 190].

К началу 1915 г. сибиряки составляют уже значительно меньшую часть личного состава Сибирских полков. Какой-либо системы в последующих пополнениях частей не обнаруживается. Призывники из сибирских губерний пополняли различные пехотные подразделения, а уроженцы Европейской России становились бойцами сибирских стрелковых полков.

Штаб Иркутского военного округа неоднократно ходатайствовал перед Главным управлением генерального штаба об отправке на фронт строевых дивизионов. Так, в своей телеграмме Генштабу под № 016622 начальник штаба Иркутского военного округа просил послать на театр военных действий сводные сотни с прикомандированием их к Уссурийскому казачьему полку. Начальника штаба военного округа генерал-майора Л.Л. Илляшевича поддержал начальник 2-й стрелковой запасной бригады генерал-лейтенант Лашкевич, которому подчинялись казачьи части. Новая телеграмма, уже через месяц, под № 25405 от 19 ноября 1915 г. определяла количество строевых казаков-добровольцев в 181 человек [7, с. 190].

В конце февраля – марте 1915 г. в Августовских лесах шли бои с переменным успехом. В апреле 3-й Сибирский корпус был переброшен севернее, на берега реки Шешупа (ныне Шяшупе) от верховьев до Людвинова (Людвинавас). Многодневные бои велись за фольварк Сувалки-Новые. В то же время новым начальником 7-й Сибирской стрелковой дивизии назначен генерал-лейтенант Василий Николаевич Братанов. А В.О. Трофимов был утвержден в должности командира корпуса, и он и Братанов награждены Георгиевским оружием и орденами святого Георгия 4-й степени. В мае – июне 1915 г. 7-я Сибирская стрелковая дивизия сражалась западнее крепости Ковно (Каунас), в июле отходила на восток. Затем оборонялась юго-запад-

нее Вильно (Вильнюса), а 29 августа перевезена северо-восточнее, к станции Подбродзье (Пабраде). Оборона 3-м Сибирским корпусом новых позиций вторично позволила 10-й армии избежать окружения и способствовала ликвидации Свенцянского прорыва немцев. К концу сентября 1915 г. линия фронта стабилизировалась у Сморгонь-Крево и сохранялась до февраля 1918 г.

Зимой 1915–1916 гг. сибиряки продолжали участвовать в военных действиях. 8 марта 1916 г. 12-я Сибирская стрелковая дивизия действиями разведчиков и артиллерии поддержала наступавшую у усадьбы Франц и с. Югге 13-ю Сибирскую дивизию. В конце мая – июне 7-й Сибирский корпус был переведен в резерв Северного фронта, а 3–9 июля участвовал в неудачном наступлении. При этом 12-я Сибирская дивизия атаковала в районе река Кеккау – Баусское шоссе – Серуль, в нескольких местах захватила первую линию германских окопов, но удержаться, кроме как юго-восточнее Зальгоскалн, не смогла. Ее полки потеряли по 25–30 % личного состава. С 10 по 23 июля 1916 г. дивизия вновь находилась в резерве.

15–26 августа 1916 г. 7-й Сибирский корпус был переброшен с Северного на Юго-Западный фронт в район Вишницец – Зарудье – Лановцы. Здесь воины 12-й Сибирской стрелковой дивизии во главе с новым начальником генерал-майором Николаем Георгиевичем Архиповичем в течение многих месяцев вели упорные бои за высоты у деревни Свистельники [10].

О настроениях на фронте в послереволюционный период можно судить из воспоминаний уроженца Иркутской губернии Ивана Семеновича Монакова: «В конце августа и начале сентября Корнилов двинул казаков с фронта. Я был депутатом городского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Петрограде. Я был там от солдат. Корниловские эшелоны задержали. 18-19 эшелонов. Путь разобрали. Они на лошадей и отъехали. Я хожу среди казаков и агитирую. Я казаку одно, а он: «Мне все равно, какая власть. Все равно четыре десятины». Идет офицер, вытаскивает клинок и на меня. У меня в кармане пистолет. Крупская говорит: «Господин офицер, что своих бьете?» Офицер отошел. Она говорит: «Что же Вы агитируете за большевиков? Чем они хороши?» Я говорю: «Почитайте Маркса, Энгельса, Ленина». Она мне: «А что вы читали?» Я ей: ««Манифест» Маркса и Энгельса, Ленина».

Однажды митинг был в дивизионном клубе. Выступали Ленин, Тарасов, Раскольников (бывший студент). Один юнкер здорово выступал. Он был за продолжение войны. Но многие солдаты за Ленина, чтобы войны не было. Выступал Войтинский за войну. Солдаты готовы были драться на рядах» [2, с. 112–114].

В журналах военных действий 3-го Сибирского корпуса имеются записи о потерях. Журналы заполнялись с 27 августа 1914 г. по 31 августа 1917 г., причем регулярные записи о суточных потерях появились лишь после 14 апреля 1915 г. Согласно этим данным потери корпуса составили: 7 043 нижних чина убито, 25 191 нижний чин ранен и контужен, 10 209 нижних чинов пропало без вести, один перебежал к немцам, 2 обморожено, 7 отравлено газом, 42 дезертировали. Кроме того, имеются записи о выбывших без подразделения на убитых, раненых и пропавших без вести, которых насчитывается 14 765 человек. Таким образом, общие потери 3-го Сибирского армейского корпуса составляют 57 559 человек. По штатам же 1914–1915 гг. русский корпус насчитывал 886 офицеров, 120 врачей, 121 классного чиновника, 40099 строевых и 6960 нестроевых нижних чинов. В 1916–1917 гг. численность корпуса выросла до 1248 офицеров, 147 врачей, 195 чиновников, 52 015 строевых и 16 062 нестроевых солдат [6, с. 191].

Очевидно, полковые списки потерь и служили основой для сообщения родным о судьбе солдат. С похоронными извещениями сельские старосты под расписку знакомили родителей погибших и возвращали их в волостное правление.

Можно привести ряд свидетельств воинов-сибиряков – жителей Иркутской губернии.

Из воспоминаний Василия Михайловича Романова из с. Макарово Киренского района Иркутской области: «В германскую войну был на фронте. Воевал в Румынии. В 1916 г. поехали на позиции в Румынию. До 1918 г. пробыл там и приехал домой. Обучали новобранцев в Красноярске. В Румынии были почти все сибиряки. Нечаев Яков Степанович – живет в Красноярске. Я заболел и в 1918 г. уехал с фронта домой. Революцию провели в мае месяце на фронте в 1917 г. Но фронт держали. В Румынии были турки, болгары, немцы. К русским солдатам население относилось хорошо. В городе Галац стояли и в г. Рейне» [1, с. 7–8].

Воспоминания жителя Киренска Ивана Кузьмича Пермякова: «В 1916 году меня взяли в армию. Служил я в местной киренской команде. В 1917 году меня с местной киренской командой отправили в Иркутск. Это было в конце сентября. 1 октября приехали в Иркутск, в 9 полк, в 6 роту. Наша рота была большая. Прожил я там период революции» [2, с. 50].

Из воспоминаний Ивана Семеновича Петухова, жителя д. Макарово Киренского района, воевавшего в Западной Белоруссии, в «армии Брусилова» [3, с. 169]: «В Первую империалистическую я два года был на фронте. Меня взяли в мае 1916 года, а в первых числах декабря я был уже на фронте. Я был в направлении Киев – Варшава. На фронте я был до половины октября 1917 г. В октябре я получил два месяца отпуска и уже ехал домой, когда услышал о революции... С фронта я приехал старшим унтер-офицером. Я курсы проходил в Ораниенбауме. На фронте я командовал пулеметным взводом» [2, с. 85–91].

Спиридонов Бонифат Алексеевич, житель д. Макарово Киренского района, в Первую мировую войну служивший в 10-м Сибирском полку: «Я в 1917 г. в армию был взят. Попал в учебную команду к Колюхину. Потом мне дали 16 человек, отделение, и на фронт отправили, под Ригу. Тьма дивизий там. Немец с Карпат силы собрал. Троцкий приезжал на переговоры к немцам. Поволок после этого немец на нас. Был я на левой стороне Двины. Собирали на митинги часто. От временного правительства говорят-говорят. Большевики говорят: «Зачем нам война?» Приехал Керенский, проехал по рядам, потом на трибуну поднялся. Сначала наш, большевик, говорил. Хорошо говорил. Потом Керенский – убаюкал своей речью. На другой день поперли свои «максимы» на позиции. Ранило меня. Проволока была в три ряда, по ней били. Дошел до санчасти, там раненых много. Отправили в дивизионную санчасть. Посадили на трамвай – подъехали к лазарету. Встретил земляка, тяжелораненый был. Дошли с ним до вокзала. Привезли в Петроград. Неделью жили. Как-то писал письмо. Ходила по палатам бабушка Брешко. Поговорили с ней. Заморили нас в госпитале от голода. Потом, в 1918 г. в Пермь повезли. Оттуда на два месяца отпуск дали. А там уже перемирие, и остался я дома» [3, с. 193–195].

В июне 1917 г. Временное правительство постановило расформировать 45-й, 46-й и 47-й Сибирские полки за отказ наступать, но

это так и не было сделано. 7-й Сибирский корпус находился на боевых позициях до декабря 1917 г.

В пункты довоенного расположения Сибирские корпуса уже не вернулись. 2-й Сибирский корпус был расформирован в Ярославле в конце марта 1918 г. 3-й Сибирский корпус встретил немецкое наступление 18 февраля 1918 г. в составе 2-й армии Западного фронта, и ему, в отличие от Гренадерского и 9-го армейского корпусов, удалось избежать немецкого плена. Прибыв в Смоленск, штаб 3-го Сибирского корпуса расформировался и распустил личный состав. 6-й Сибирский корпус был распущен в марте 1918 г. в Камышловое Пермской губернии [7, с. 189]. 7-й Сибирский корпус также был расформирован в марте 1918 г. в Центрально-Черноземном районе России.

Таким образом, иркутяне, воевавшие на фронтах, показали себя храбрыми, стойкими, выносливыми воинами. Даже в период с 1916 г. по 1918 г. деятельность иркутян, связанная с войной, ее нуждами, не затихает. Экономические трудности, испытываемые страной, безусловно, наложили отпечаток на эту деятельность: исчезает патриотический подъем начального периода войны, возникают антивоенные настроения. Но, тем не менее, мужество сибиряков высоко было оценено не только страной, но и противником.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета (АЛИС). Ф. ЛИЭ-68. Тетрадь 6.10.
2. АЛИС ЛИЭ-68. Тетрадь 6.11.
3. АЛИС ЛИЭ-68. Тетрадь 6.17.
4. АЛИС ЛСБИЭ-73. Тетрадь 13.6.
5. ИСТОРИЯ ИРКУТСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА // http://irkv.ru/index.php?option=com_content&task.
6. Новиков П.А. Комплектование Сибирских полков в Первую мировую войну / П. Новиков // Земля Иркутская. – № 2. – Иркутск, 2007.
7. Новиков П.А. Сибирские стрелки в первой мировой войне / П.А. Новиков // Известия АлтГУ. – 4-3 (60). – Барнаул, 2008.
8. Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX вв.) / Г.И. Романов, П.А. Новиков. – Иркутск, 2009.
9. Шапошников П. На войну! / П. Шапошников // Земля Иркутская. – № 2. – Иркутск, 2007.
10. http://irkipedia.ru/content/dvenadcataya_sibirskaya_strelkovaya_diviziya.

УДК 94(47).08

В.Г. Третьяков

К ВОПРОСУ О ПРЕТЕНЗИЯХ РОССИИ НА ТУРЕЦКИЕ ТЕРРИТОРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

Статья посвящена деятельности российских дипломатов и правительства по обоснованию территориальных претензий к Турции во время Первой мировой войны.

Article is devoted to activity of the Russian diplomats and the government on justification of territorial claims to Turkey during World War I.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Тройственный союз, дипломаты, послы, военно-морские силы, сухопутные войска, проливы Босфор и Дарданеллы.*

KEYWORDS: *Tripartite alliance, diplomats, ambassadors, Navies, land forces, Bosphorus and Dardanelles Straits.*

В значительной части учебной литературы по истории Первой мировой войны среди причин развязывания этой войны указывается стремление России приобрести новые территории у Турции и прежде всего проливы Босфор и Дарданеллы и Константинополь. Так, в самой первой книге по истории, подготовленной на основе Третьего государственного стандарта, указывается: «В России считали жизненно важным отобрать у Турции проливы Босфор и Дарданеллы вместе с Константинополем. Это гарантировало бы, как считали в окружении царя, интересы российской торговли и укрепляло стратегические по-

Третьяков Валерий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения.

зиции на Балканском полуострове. У Австро-Венгрии Россия хотела забрать Галицию, последнюю из тех земель, которые когда-то входили в состав Древней Руси.

В России многие считали, что Восточная Пруссия, входящая в состав Германии, в древнейшую эпоху была заселена славянскими племенами и тоже была не лишней в составе Российской империи» [1; 276–277].

К сожалению, в пособии нет ссылки, откуда же взяты эти данные. И хотелось бы разобраться, когда же появились эти претензии. И прежде всего определить: они появились до начала войны или после нападения Турции на Россию, как союзника Германии? С нашей точки зрения, никаких документов, подтверждающих эти претензии, до нападения Турции на Россию нет. Да и быть не могло. После поражения в войнах 1853–1856 и 1904–1905 гг. России было не до завоевания новых территорий на Черном море.

Более того, общеизвестно, что и Англия и Франция делали все возможное, чтобы вообще вытеснить Россию из Черного моря или как можно больше ограничить ее возможности.

Как известно, в соответствии с Парижским мирным трактатом 1856 г. Россия потеряла право иметь военно-морской флот на Черном море, военные арсеналы и крепости на побережье. Ее возможности влиять в Черноморском регионе были значительно ослаблены.

Только после Лондонской конференции в 1871 г., на которой был отменен запрет России держать военный флот на Черном море, ее позиции в Причерноморском регионе и Европе начали восстанавливаться. Поэтому вопрос о каких-либо территориальных претензиях до нападения Турции на Россию не мог даже предполагаться правительству России и тем более ее дипломатам.

Как известно, Турция выступила на стороне Германского блока в октябре 1914 г., что привело к образованию Кавказского фронта.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в своих мемуарах отмечает: «Возвращаясь к вопросу о проливах, я не могу не повторить еще раз, что если нам никогда не приходила в голову преступная мысль затеять Европейскую войну, чтобы разрешить ее в нашу пользу, то с другой стороны, русская дипломатия не могла, когда эта война была начата и при том не ею, не сосредоточить на ней свое внимание» [2; 296–297].

Это основательно подтверждает тот факт, что в России – имеется в виду и правительство, императорское окружение и естественно дипломатический корпус – занимались только тем, чтобы именно не допустить провоцируемую Австро-Венгрией и Германией Европейскую войну с целью передела мира не только на Балканах, но и в других регионах мира.

Не выдвигалось никаких территориальных претензий российскими дипломатами и в первые месяцы войны. Руководству страны было не до этого. Правящие круги России хорошо осознавали, что страну втянули в Европейскую войну в период еще незавершенной военной реформы. Военные возможности Германии оценивались высоко. И эта оценка была подтверждена быстрым проходом германских войск через Бельгию на Париж. Это заставило французское правительство в сентябре 1914 г. бежать из столицы в Бордо. И тогда безусловно никто не предполагал, что эта война кончится только осенью 1918 г.

Однако именно в сентябре произошло так называемое «чудо на Марне». На этой реке французские войска остановили немцев. В действительности никакого чуда не было. Французские войска избежали полного разгрома только благодаря начавшемуся наступлению русской армии в Восточной Пруссии. Немецкое руководство не ожидало, что мобилизация в России пройдет так быстро. Дело еще и в том, что русские войска перешли в наступление против Австро-Венгерской армии. Им удалось быстро захватить Львов, большую часть Галиции. Германское руководство было вынуждено, чтобы остановить русское наступление, снять с западного фронта 2,5 корпуса. Немецким войскам удалось нанести серьезное поражение русским войскам. Но Франция и Париж были спасены от разгрома немецкой армии, а план «Шлиффена» – план молниеносной войны – потерпел крушение. Теперь стало понятным, что война обещает быть затяжной.

В этих условиях под давлением Германии Турция вступает в войну против стран Тройственного соглашения, и у русской армии появляется на Кавказе новый фронт, который, безусловно, заставлял иметь здесь такое количество вооруженных сил, которое позволяло бы сдерживать турецкие войска.

В этих условиях не только дипломаты, но активная общественность стала обсуждать вопрос о проливах. «Вся Государственная

дума, – подчеркивает С.Д. Сазонов, – за исключением немногочисленных крайних элементов, среди которых преобладали инородцы, обнаружила к вопросу о проливах напряженный интерес с того момента, когда Турция вступила в ряды наших врагов, являясь верной представительницей настроения всей мыслящей России. При каждой встрече с членами Государственной думы мне приходилось выслушивать их расспросы о том, что намерено было сделать правительство в этом вопросе и горячие просьбы не пропустить благоприятно сложившихся обстоятельств для окончательного разрешения вековой и мучительной ближневосточной проблемы, тормозящей правильное развитие национальной жизни» [2; 298–299].

В то время, как русская армия предпринимала ряд операций для спасения своих союзников, иногда в ущерб своим интересам, как например при наступлении армии Самсонова, союзники не проявляли особого рвения в оказании помощи России, а иногда к её интересам относились просто небрежно. Так, союзный флот пропустил через Средиземное море два сильнейших германских крейсера: «Гебен» и «Бреславу». Совершенно непонятно, как это могло произойти. Дело в том, что Англия в Средиземном море располагала в четыре раза большим числом более сильных и быстроходных кораблей. Английский адмирал, преследовавший германские корабли, вдруг прекратил преследование. В угоду общественному мнению он был отдан под суд, который его оправдал [3; 90].

Эта небрежность союзников имела очень тяжелые последствия для России. В ноябре 1914 г. Турция объявила России войну. Русскому командованию пришлось быстро часть войск с австро-венгерского фронта перебрасывать на Кавказский. Но самым тяжелым для России было то, что Турция закрыла выход из Черного моря. Россия фактически оказалась блокированной.

Россия, аграрная страна, должна была вести войну машинами. Сама по себе это была задача невероятной трудности. Фронт потребовал такого количества всех видов технических вооружений, о котором до начала войны и не представляли. Эти трудности дополнялись еще тем обстоятельством, что Россия оказалась отрезанной от всего внешнего мира.

Главной причиной поражения Германии в этой войне считалась ее блокада с внешним миром. А о блокаде России почему-то никто

никогда не говорил. Между тем, блокада России была гораздо тяжелее, чем блокада Германии, она началась уже в первые месяцы войны.

Война с Германией и Австро-Венгрией закрыла для русской внешней торговли западные рынки. В Балтийском море господствовал немецкий флот. Союз Турции с Германией закрыл торговое сообщение с внешним миром через проливы Босфор и Дарданеллы. Швеция соблюдала строжайший и благоприятный для Германии нейтралитет. Железная дорога на Мурманск была готова только к ноябрю 1916 г.

Для внешних торговых и военных сношений с миром оставался только архангельский на полгода замерзающий порт. Транссибирская железнодорожная магистраль, растянутая на тысячи километров, связывала европейскую часть страны с Владивостоком. Причем Транс-иб не весь еще имел две колеи.

Берлин хорошо знал, что делал, вступая перед войной в тайный союз с лидерами Турции: Энвером Паши, Талаатом и Джемалем. Генерал Фалькенгайн, начальник штаба при Вильгельме II до августа 1916 года, в своей работе «Верховное командование» писал: «В случае если бы не удалось запереть для Антанты на продолжительное время проливы между Черным и Средиземным морем, Россия была бы освобождена от своей изолированности, столь чреватой последствиями. Именно это изолированность давала более верное обеспечение, чем военные успехи, того, что мощь исполинского государства должна иссякнуть, так сказать, сама собой... Россия не могла на долгий срок совмещать борьбу с центральными державами с ломкой всей своей хозяйственной жизни, вызванной внезапным отрывом от внешнего мира вследствие закрытия западных границ и Дарданелл». В книге «Воспоминания о мирной конференции» премьер-министр Англии Ллойд Джордж подчеркивал, что именно блокада была главной причиной русской катастрофы [4; 362–363].

Нападение Турции на Россию не было случайным. К 1914 г. Османская империя полностью находилась в зависимости от Германии. Усиление турецкого флота двумя крупными, самой современной конструкции, быстроходными крейсерами дало ему возможность войти в Черное море. Во главе турецкого флота стал немецкий адмирал Сюшон. 23 октября 1914 г., без объявления еще Турцией войны России,

германские крейсера под турецким флагом совершили нападение на русские приморские города.

После объявления войны России, в декабре турецкие войска под командованием Энвера-паши и германского полковника фон-Шилкендорфа двинулись на Россию. Сосредоточив большие силы, им удалось прорвать наш фронт и вторгнуться в пределы Кавказа.

Считая в начале войны Кавказский фронт второстепенным, русское Верховное командование имело там незначительные силы. Пополнение этого фронта шло за счет войск туркестанского и омского военных округов. Поэтому вначале положение на этом фронте сложилось настолько тяжелым, что командующий Кавказским фронтом, великий князь Николай Николаевич вынужден был обратиться к Англии с просьбой, чтобы ее корабли, для облегчения российских войск, нанесли удар по Турции в одном из наиболее для нее уязвимых мест.

Однако здесь следует подчеркнуть, что несмотря на огромное превосходство турецких сил, русские войска под командованием генерала Юденича в упорных и ожесточенных боях под Ардаганом и Сарокомышем наголову разбили турецкие войска. Остатки их армии были отброшены в горы, где лютые морозы и бездорожье дополняли их уничтожение. Это поражение оказало на турецкое командование такое сильное впечатление, что оно отказалось от военных действий на Кавказе. Русские войска в дальнейшем перенесли боевые операции на турецкую и персидскую территорию [4; 91].

Следует отметить, что после начала войны между двумя противостоящими блоками много стран сразу объявили о нейтралитете, в том числе и Турция. Однако 2-го августа правительство Турции подписало секретный договор с Германией, по которому обязалось выступить на ее стороне и передать свою армию в распоряжение Германского генерального штаба.

Уже в день подписания этого договора турецкое правительство объявило всеобщую мобилизацию и под прикрытием нейтралитета начало готовиться к участию в этой войне, естественно, на стороне Германии и прежде всего против России.

В правящих кругах Турции и в довоенный, и даже в военный период существовали колебания по вопросу прогерманской ориентации и вступления в войну. Однако имеющиеся противоречия между воюющими странами Тройственного согласия не позволили разрабо-

тать общую политическую линию для переговоров с турецким правительством.

Между тем давление Германии на Турцию продолжалось. Опираясь на наиболее влиятельную в турецком правительстве прогерманскую пантюркистскую группировку во главе с военным министром Энвером-пашой и министром внутренних дел Талаатом, немецкая дипломатия добилась быстрейшего вовлечения Турции в войну. В Стамбул из Германии непрерывно прибывали эшелоны с вооружением, боеприпасами, офицерами и военными специалистами.

Стремясь поставить страну перед свершившимся фактом, германские военные круги и их турецкие сторонники во главе с Энвером-пашой прибегали к провокации. 29 октября 1914 г. германо-турецкий флот напал на русские суда в Черном море и бомбардировал Одессу, Севастополь, Феодосию, Новороссийск. Таким образом Турция вступила в войну на стороне Германии [5; 144–147].

Вначале русские войска в течение ноября 1914 г. одержали определенные победы на Эрзурумском, Алашкертском и Ванском направлениях. Однако в декабре турецкие войска под руководством Энвера-паши и германских инструкторов предприняли крупную операцию в Сарыкамышском районе, стремясь разгромить сосредоточенные здесь силы русских.

Российские командиры провели перегруппировку своих сил и им удалось окружить турецкий корпус, а остатки его во главе с командиром корпуса и командирами дивизий капитулировали. 10-й турецкий корпус был также уничтожен. Потерпев поражение, турецкие войска отступили со значительными потерями. Таким образом, кампания 1914 г. на кавказско-турецком фронте завершилась крупными успехами русских войск.

Военные действия были перенесены на территорию Персии (Ирана). Несмотря на то, что персидское правительство сделало специальное заявление о нейтралитете, ни одна из воюющих коалиций не захотела с этим считаться. В ноябре 1914 г. турецкие войска одновременно с наступлением на Кавказском фронте вторглись в Иранский Азербайджан. Русская армия тогда вела ожесточенные бои на своем западном фронте и не могла быстро перебросить сюда значительные силы. К тому же против переброски русских подкреплений в Персию были союзники России по войне, и прежде всего Англия.

Английское правительство боялось, что успехи русских войск приведут к усилению позиций России в этой стране.

Наиболее четко это проявилось в подготовке и проведении союзниками дарданелльской операции.

После того как английское правительство признало претензии России на проливы справедливыми, ее военное командование вдруг начало готовить и осуществлять морскую и сухопутную операцию с целью овладения черноморскими проливами Дарданеллами и Босфором, а также Стамбулом. В предварительных переговорах с русским правительством по поводу этих операций союзники ссылались на необходимость установления сообщения между ними и Россией и отвлечения сил Турции от кавказского и суэцкого направлений. Кроме этого, они указывали, что удар по проливам и турецкой столице подорвет коммуникации германской коалиции с Ближним Востоком и выведет Турцию из войны.

Однако в действительности английские правящие круги и в особенности главный инициатор дарданелльской операции Уинстон Черчилль преследовали прежде всего свою политическую цель. Англия хотела захватить Константинополь и проливы до того, как они должны будут отойти к России, согласно тайному договору.

Вначале союзники России хотели захватить проливы только военно-морскими силами. 19 февраля 1915 г. начинаются боевые действия их флота у входа в Дарданеллы. Однако, понеся крупные потери, англо-французский флот был вынужден 18 марта отступить. Потерпев здесь неудачу, 25 апреля 1915 г. англо-французское командование провело значительную военную операцию на полуострове Галлиполи (Гелиболу). Но и здесь войскам союзников не удалось достичь успеха, и в конце 1915 г. англо-французское командование решило оставить Галлиполи и прекратить все операции по овладению проливами [5; 163].

Добиваясь от руководства Англии и Франции согласия на передачу проливов России после успешного окончания войны, русская разведка и дипломатия безусловно внимательно следила за действиями союзников на этом направлении. В феврале 1915 г. посол России во Франции Извольский сообщил в Петербург, что по полученным им частным путем сведениям, британское правительство приняло решение совершить прорыв через Дарданеллы к Константинополю.

Английское морское командование считало, что такую операцию можно провести успешно только при участии в ней сухопутных сил. Дело в том, что оборону проливов взяли на себя немецкие военные, и они 4 месяца создавали там укрепления. Военные специалисты считали, что необходимый десантный отряд мог быть собран и подготовлен к проведению операции не раньше апреля.

Однако британское правительство так торопилось, что решило действовать вопреки мнению морского командования и специалистов. Только накануне операции, 18 февраля британское правительство оповестило правительство России о том, что назавтра англо-французские морские силы приступят к операции по овладению Дарданеллами, чтобы принудить Турцию к капитуляции, и одновременно с этим для оказания помощи русской Кавказской армии.

Естественно, что правительство России опасалось, что Англия преследует какие-то свои, скрытые от России, цели. Захват Константинополя рассматривался как стремление Англии поставить Россию в трудное положение на предстоящей мирной конференции после окончания войны и победы стран Антанты.

Недоверие к английскому руководству происходило из того, что их действия были непонятны правительству России. Дарданелльская операция была начата через полтора месяца после того, как русская Кавказская армия перестала нуждаться в какой-либо помощи. К этому времени армия Энвера-паши была уничтожена и не было причин опасаться нового турецкого вторжения. И если эта операция преследовала такую серьезную цель, как вывод Турции из войны, то ее нужно было тщательно готовить в содружестве с Россией, а не втайне от нее.

Дело в том, что Англия всегда считала Средиземное море своим. Поэтому всегда, когда Россия начинала добиваться выхода из Черного моря в Средиземное, то она наталкивалась на энергичное сопротивление прежде всего Англии. Так было и в 1853–1856, и в 1877–1878 гг.

Но в 1915 г. для Англии победа над Германией стала важнее «ключей от Черного моря». Поэтому английскому правительству пришлось пойти на уступки России и русской дипломатии удалось добиться благоприятного решения вопроса о Константинополе и проливах. 12 марта 1915 г. между Россией и Англией был подписан соответствующий договор. Аналогичный договор был подписан и с Францией 24 марта этого года [3; 98–100].

Здесь надо обязательно подчеркнуть, что как только Россия оказалась ввергнутой в революцию, она потеряла для Англии военный интерес в борьбе с Германией и Англия не только порвала этот договор, но на международных конференциях, где решался вопрос о проливах, настояла на том, чтобы из всех возможных форм решения этого вопроса была принята для России самая невыгодная. И даже когда СССР в союзе с Англией успешно завершил победоносно Вторую мировую войну и внес решающий вклад в эту победу, ему не удалось изменить в свою пользу невыгодное для СССР решение вопроса о проливах.

Переговоры о проливах с Константинополем шли очень трудно прежде всего с дипломатами Англии и Франции, а затем и с их правительствами. Но в России не только дипломаты, но и вся образованная общественность были уверены, что проливы должны быть российскими.

Подобное настроение отвечало в полной мере и самому министру иностранных дел России. В своих воспоминаниях он подчеркивает, что процесс исторического развития русского государства не мог завершиться иначе, как установлением нашего господства над Босфором и Дарданеллами, являющимися самой природой созданными воротами, через которые непрерывным потоком выливались на Запад природные богатства России, в которых Европа ощущала постоянную потребность, и вливались обратно необходимые нам предметы ее промышленности. Всякая приостановка в этом обмене приводила к опасному расстройству в экономической жизни России.

Через эти же ворота вторгались в Россию и вражеские силы, внося войну и разорение в ее пределы. Наш единственный хороший порт в Черном море Севастополь не мог служить надежной защитой от этой опасности, находясь на слишком далеком расстоянии от Босфора и Дарданелл. Всякий, кто знаком с историей русского государства и кто смотрит беспристрастно на возможность свободного роста и развития нашего государства в тот период, самого многочисленного в Европе, должен понять, что этот народ не может оставаться бесконечное время в положении несравненно менее благоприятном, чем те европейские народы, которые не играют той исторической роли, которую Россия играет со времени Романовых, и эта роль проявилась не только в создании великой империи, но и в выполнении такой

огромной культурной задачи, как освобождение и признание балканских народов к свободной политической жизни и внесении гражданского порядка и цивилизованности во всех сферах жизни Северной и Средней Азии.

С.Д. Сазонов был в вопросах о проливах, как говорится, заодно с русским общественным мнением, хотя вначале их разделял вопрос о Константинополе, который русский народ называл Царьградом и окружил в своем воображении особым ореолом.

Для С.Д. Сазонова Царьград не представлялся органически связанным с Босфором и Дарданеллами. Ему казалось, что вопрос об этом городе затруднял разрешение вопроса о проливах с точки зрения наших интересов. Как сын православной церкви, он не мог относиться к колыбели своей веры иначе, как с чувством благоговения и благодарности, но политически он видел в нем некоторые помехи. Дело в том, что между Москвой и Царьградом не было племенной этнической связи, а духовная по мере развития нашей церковной жизни и политических судеб Греческой Церкви свелась к мало осязаемому единству догматического учения. Как ни ценны были наши отношения со Вселенской Патриархией, они не затмевали политических разногласий между русскими и греками, на которые Россия наталкивалась в вопросах восточной политики. Великое прошлое Византии и исторический блеск Константинополя создали для него обаяние, которого не могло разрушить даже его превращение в столицу Османских Халифов, основавших на крови и на костях восточного христианства государственную власть, с которой России приходилось вести двухвековую борьбу.

Сделавшись столицей Турции, Константинополь не утратил своего политического значения. Оно даже увеличилось благодаря тому, что он оставался центральным передаточным пунктом между Западом и мусульманскими странами, когда между ними установились нормальные торгово-экономические связи. Этим объясняется в значительной степени ревнивое отношение к нему наших западных соседей, которые старались упрочить в нем свое влияние как экономическое, так и политическое, в ущерб друг другу, в том числе и России как наиболее заинтересованной по своему географическому положению в судьбах Черного моря и проливов. В этом отношении главными нашими противниками здесь были долгое время англичане

и французы. В начале XX века России пришлось встретиться с новым и еще более опасным соперником в лице Германской империи, вступившей на путь колониальной политики и экономических завоеваний.

Нападение на Россию в 1914 году центральных держав и под их давлением Турции поставило Россию в необходимость выйти из роли внимательной наблюдательницы и поставить вопрос о проливах. Иными словами, о нашей безопасности в Черном море. Бомбардирование германскими военными судами под турецким флагом наших прибрежных городов еще раз доказало руководству России, насколько было шатко и опасно положение наших южных окраин. МИД России пришел к заключению о необходимости начать переговоры с нашими союзниками о признании наших прав на обладание проливами как единственного средства обеспечения нашей безопасности. Поступая таким образом, Россия становилась на путь, по которому раньше ее в других частях света вставали наши союзники и друзья, даже не дожидаясь вторжения в свои пределы неприятельских сил. Если бы правительство России не поступило так, оно не исполнило бы своего долга по отношению к родине и было бы достойно осуждения русским народом.

МИД России понимал, что в переговорах с французским и английскими послами их ожидали многочисленные трудности.

Несмотря на длительные двадцатилетние союзные отношения с Францией, российские дипломаты понимали, что достигнуть вполне согласованной политики на Ближнем Востоке, где французское правительство оберегало интересы своих подданных, вложивших крупные капиталы в различные финансовые предприятия как в Константинополе, так и в Малой Азии, будет очень трудно. Помимо этих реальных интересов, охране Франции подлежали и еще другие, унаследованные от времен весьма отдаленных – французской монархии. Эта охрана выражалась в покровительстве французского посольства многочисленным римско-католическим духовным учреждениям, независимо от того, боролось ли в данное время французское правительство у себя с римской церковью или нет. Охраняя эти разнообразные интересы, французское правительство имело в виду оберегать на Востоке обаяние французского имени и французской культуры от всяких враждебных течений.

На почве финансовых интересов между Россией и Францией не возникало недоразумений. В области железнодорожных концессий в Малой Азии России тоже без особого труда удавалось разграничить сферы взаимных интересов. Что касается религиозных вопросов, то здесь дело обстояло менее благополучно. Между православными и римско-католическими духовными учреждениями на Востоке и особенно в Палестине с давних пор существовало соперничество, приводившее иногда к открытым столкновениям, которые затем посольствам приходилось улаживать совместными усилиями.

Таким образом, Ближний Восток был той областью, где даже после вступления России и Франции в союзнические отношения им не всегда удавалось достигнуть полного согласования наших политических взглядов и целей. Так было всегда, когда возникали какие-либо международные осложнения. Эта несогласованность обнаруживалась определеннее всего в столице турецкой империи, где французские представители нередко проводили политику, направленную против России.

Что касается Англии, то отношение ее к нашим политическим целям в европейской Турции было пережитком старых времен соперничества и взаимной подозрительности, когда в Англии и у нас, хотя может быть и в меньшей степени, никто не допускал мысли, чтобы что-нибудь, могущее служить на пользу одной стороне, не представляло бы опасности для другой. Такой упрощенный взгляд, плохо служивший делу европейского мира, находил сторонников как в Англии, так и в России преимущественно среди лиц консервативного образа мыслей. Однако тогда английскому правительству во главе с Гладстоном удалось впервые порвать со старыми предрассудками и внести в оценку русской политики на Востоке более справедливую точку зрения. Этим объясняется та симпатия, которой окружена у нас до сих пор память этого государственного человека.

Со времени заключения соглашения между Россией и Великобританией в 1907 г. правительствам удалось к выгоде обеих сторон установить более дружественные и доверчивые отношения. Нахождение у власти в 1914 году либерального правительства с сэром Эдуардом, затем лордом Грэем в качестве министра иностранных дел, уже доказавшего в пору подготовки соглашения свое желание достигнуть в интересах укрепления мира сближения с Россией на по-

чве справедливого размежевания наших обоюдных сфер влияния в Средней Азии, давало русскому МИДу основание предполагать, что наши еще более важные интересы на Ближнем Востоке найдут у него такое же справедливое к себе отношение. Российские дипломаты знали, что нежелание англичан допустить установление русского влияния над турецкими проливами исходило не только из опасения перехода важного стратегического пункта в руки государства, которому общественное мнение Англии привыкло приписывать враждебные замыслы против ее владений в Индии, но также из убеждения, что на земном шаре не должно быть моря, доступ в которое мог бы, при известных обстоятельствах, оказаться закрытым для судов Великобританского флота.

В отношении к проливам и к Черному морю это убеждение не могло быть названо иначе, как политическим суеверием. Насколько понятно и законно желание Англии как первой морской державы мира, вынужденной оберегать политические и торговые интересы, раскиданные на обоих полушариях, обеспечить себе свободу плаванья на всех морских путях, настолько же малопонятным кажется ее опасение допустить превращение Черного моря в достояние России и соприбрежных с нею стран. Ожидать, что Россия, овладев проливами, стеснила бы свободный доступ в Черное море торговых судов западноевропейских государств, было совершенно неразумно. Почти вся русская вывозная и ввозная торговля производилась судами этих государств и все запретительные меры нанесли бы прежде и больше всего ущерб самой русской торговле.

Само собою разумеется, что европейские политики не могли руководствоваться подобными взглядами. Поэтому правительству России приходилось надеяться, что как во Франции, так и в Англии стратегическое значение проливов будет оцениваться выше торгового и только в смысле возможности нападения на Россию, поэтому тогда приписывать ей такие замыслы против морских держав Запада не имело никакого основания. Из всех европейских стран Россия наиболее континентальная, и какое бы развитие не получили ее силы, она никогда не могла бы стать самой могущественной морской державой. Стоит взглянуть на ее карту, чтобы в этом удостовериться.

Вначале министр иностранных дел С.Д. Сазонов решился взять на свою личную ответственность переговоры относительно проли-

вов в виде предварительного, совершенно частного обмена мыслями с английским и французским послами. Он не посвятил в свои намерения даже Совет Министров. Морской министр адмирал Григорович, к которому Сазонов относился с уважением и доверием, благодаря его прямому характеру и совпадениям политических суждений, был уже знаком со взглядами министерства иностранных дел по вопросам о проливах.

Что касается императора Николая II, имеющего очень живой интерес к вопросам внешней политики, то Сазонов знал, что эта инициатива будет им поддержана. Здесь естественно возникает вопрос: почему министр иностранных дел начинает зондирование очень сложных и весьма важных вопросов для страны, даже не уведомив об этом ни правительство, ни императора? Сам С.Д. Сазонов это объясняет так: «Я решился начать переговоры с союзными послами, не испросив предварительно его разрешения, то я сделал это на том основании, что мне не хотелось вмешивать государя в первоначальную стадию переговоров, исход которых мне не был известен. Беря на себя ответственность за их неудачу, я имел в виду придать моему почину чисто личный характер. Я был готов, в случае этой неудачи, понести все ее последствия, заявив государю, что дальнейшее мое нахождение во главе министерства иностранных дел было несовместимо с интересами России. В этом смысле я вполне откровенно высказался перед союзными послами не с целью произвести давление на их правительства, а только для того, чтобы не оставить в них сомнения в твердости моего решения уйти со сцены, уступив мое место другим лицам – а в желавших занять его не было недостатка – политическая ориентация которых была менее определена, чем моя» [2; 303–304].

Вместе с тем Сазонов сознавал, что для достижения намеченной цели необходимо было стать на путь уступок и возмещения союзникам за выгоды, которые должна была получить Россия для обеспечения ее важнейших экономических интересов и внешней безопасности.

В ту пору, когда Сазонов приступил к переговорам о проливах, Россия была еще здорова и политика, стремившаяся осуществить национальные цели, была возможна. По мере развития переговоров вера в их успех росла и скоро превратилась в уверенность. МИД ждал, чтобы выяснить принципиальное отношение союзных прави-

тельств к предмету переговоров, чтобы доложить императору об их результатах.

В конце второй половины октября 1914 года МИДу было ясно, что требование России на уступки ей проливов если и не встретили особенного энтузиазма и восторга парижского и лондонского кабинетов – этого трудно было ожидать, помня политику этих держав в течение всего XIX века – то будет, по крайней мере, признано законным и оправдываемым событием в условиях нападения Турции на Россию. Первое время в ходе переговоров речь о Константинополе шла только мимоходом и Сазонов не противился мысли придать его будущему устройству международный характер. Мысль об овладении Константинополем Сазонова не только никогда не прельщала, но он видел в ней, с точки зрения интересов России, больше отрицательных, чем положительных сторон. Превратить бывшую Византию в русский город, который поневоле занял бы третье место в иерархии русских городов, было очевидно невозможно, а сделать из него новую южную столицу России было нежелательно, а может быть и опасно.

Император России Николай II доклад Сазонова о проливах, как того и ожидалось, принял с чувством глубокого удовлетворения. Как пишет Сазонов, Николай II завил ему: «Я вам обязан самым радостным днем моей жизни» [2; 308]. Услышать эти слова в то время для всякого русского, взиравшего на своего императора как на носителя идеи национального единства своей родины, было само по себе большой наградой. Прирожденная в императоре Николае II крайняя сдержанность удваивала ценность этой награды. Представляя ему проект установления русской власти над проливами и устройства Константинополя на международных началах, Сазонов остановился подробно на доводах, которые побуждали его относиться отрицательно к мысли распространения на турецкую столицу русского владычества, мысли издавна дорогой многим русским сердцам. Сазонов боялся, что обаяние имени Царьграда и освященная веками мечта о водружении Россией православного креста на куполе святой Софии предрешили взгляд царя на вопрос о судьбе Константинополя.

Но этого не случилось, Николай II просто заявил, что не верит в возможность удержаться на позициях, занятой нами на первой стадии переговоров. Даже при соблюдении самого справедливого разграничения сфер интересов и влияния каждой из оккупирующей Тур-

цию сторон нельзя было не предвидеть неизбежных трений, которое должны были повести по законам всякого совместного владения к опасным столкновениям, последствия которых трудно было предугадать.

Вся зима 1914–1915 гг. прошла в подготовительных переговорах, и к марту 1915 года вопрос о проливах назрел настолько, что МИД России мог уже придать этим переговорам с союзниками определенную форму дипломатического соглашения. Это необходимо было сделать не только для того, чтобы закрепить их согласие на наше требование, но еще более для того, чтобы Государственная Дума и русская печать обнаруживали нетерпеливый интерес к этому вопросу. Этот интерес разделяли в неменьшей степени военные, помнившие горький опыт Крымской войны и находившиеся еще под свежим впечатлением прорыва германских судов в Черное море и бомбардирования наших незащищенных портов в октябре 1914 года.

МИД России было невозможно скрыть от Думы, что оно вело с союзниками переговоры об уступке России проливов и что Россия имела основание рассчитывать на благополучное разрешение этого вопроса. Военное и морское ведомства были, разумеется, вполне осведомлены о ходе переговоров. Именно под давлением Думы отношение правительства к вопросу о Царьграде стало постепенно изменяться. Проект международного устройства стал быстро отступать на задний план.

МИДу пришлось начать переговоры с союзными послами по вопросу об уступке нам Константинополя. Английское правительство первым заявило о согласии передать России проливы. Первого февраля 1915 года это согласие было официально подтверждено английским послом. Таким образом, не оставалось места никакому сомнению в дружественном намерении Англии считаться с желаниями России. Это дало МИД возможность сообщить в общих чертах наш взгляд на земельные присоединения, которые казались нам необходимыми для обеспечения нашей безопасности в Черном море. Требования России сводились к следующему:

- на европейском берегу должен был быть положен конец турецкому владычеству;
- линия Энос – Мидия, соединяющая Эгейское море с Черным, должна была служить границей между Россией и Болгарией;

• пограничная линия на азиатском берегу должна была проходить по реке Сакаоии и положение наше в проливах должно было быть обеспечено с южного берега Мраморного моря. Вместе с тем экономические интересы Румынии, Болгарии и остальной Турции, а также и интересы европейской торговли должны были быть приняты нами во внимание. В этом первоначальном проекте, как видно, Константинополь даже не упоминается, но взгляд русского правительства на судьбу этого города можно вывести косвенно из его намерения положить конец турецкому владычеству в Европе.

Наше положение в отношении старой союзницы Франции было менее определено и требовало пояснения и уточнения. Эту задачу решал русский посол в Париже А.П. Извольский. Парижские переговоры, несмотря на добрую волю правительства Франции и посла, продвигались довольно медленно. Убедить совет министров и французскую печать в необходимости встать на точку зрения России в вопросе жизненного значения для нее оказалось нелегко.

Несмотря на то, что переговоры велись одновременно с представителями обеих союзных держав и продолжали их параллельно в Англии и во Франции через послов, МИД вскоре убедился, что между обоими правительствами не существовало по вопросу о проливах тесного общения и согласованных взглядов. В то время, когда из Лондона уведомляли о принятии наших пожеланий, в Париже еще стояли на точке зрения нейтрализации проливов и устройства для Константинополя международного статуса. Из всех возможных решений вопроса о проливах нейтрализация являлось, с точки зрения интересов России, худшим вариантом. Русское правительство никогда не скрывало своего предпочтения сохранения над ними турецкого владычества.

Дело в том, как считали в России, что нейтрализация важных в стратегическом отношении мест допустима только при наличии военной силы, способной в нужную минуту обеспечить их неприкосновенность, это хорошо было видно на примере Суэцкого канала, оба берега которого, хоть и принадлежат Египту, находятся под контролем английских военных сил. Что касается турецких проливов, их нейтрализация представлялась бы совершенно призрачной и зависела бы от доброй или злой воли наиболее сильной морской державы. На эту роль, как известно, Россия никогда не претендовала да и не могла претендовать по своему географическому положению.

Если у нас в России были возможны колебания относительно политического положения Константинополя, то в вопросе о проливах русское правительство сразу заняло вполне определенное положение. Тем не менее все указывало на то, что в Париже неохотно и с трудом усваивали себе русскую точку зрения, расходящуюся с воззрением, укрепившемся за долгие годы политических разногласий, прерываемых иногда периодами открытой борьбы, которыми были отмечены отношения между Францией и Россией.

Признавая наличие значительных финансовых и культурных интересов Франции в Турции и Константинополе в частности, русское правительство при предъявлении своих прав на турецкое наследство в Европе заявило о своем намерении не только не посягать на эти права, но дать им новую гарантию в форме взаимного соглашения с французским правительством. Ценность такой гарантии была очевидна. Если в Турции было около четырех миллиардов французских денег, то в России их было вдвое больше, и пока существовала русская империя и с нею – национальное правительство, интересы наших иностранных компаний пользовались защитой государственной власти и закона и охранялись неослабно даже в самые тяжелые годы русской истории.

В конце зимы 1915-го года театр военных действий на Ближнем Востоке расширился вследствие компании, начатой англо-французскими войсками на территории европейской Турции в ближайшем соседстве турецкой столицы и Дарданелл, куда были отправлены значительные морские и сухопутные силы. Последние высадились на северном берегу Дарданелльского полуострова с расчетом, совместным движением на Константинополь и на проливы, завладеть ими и таким образом вывести Турцию из строя.

Цель эта была крайне заманчива и достижение ее должно было повлиять на быстрый и благополучный исход войны, отрезать Германию от Болгарии и Турции и обезопасить Сербию с юго-востока.

Галлипольская экспедиция развивалась медленно и неудачно, но ход ее не имел влияния на продолжение начатых осенью переговоров с Лондоном и Парижем. Их надо было продолжать, не теряя времени, до достижения намеченной цели – признания наших прав на проливы и Константинополь. Со своей стороны, Россия была готова ответить полной взаимностью на их требования территориаль-

ных уступок за счет общего врага, Турции, в тех ее частях, где были сосредоточены их главные политические и экономические интересы.

Постепенно вопрос об обладании Россией проливами и Константинополем созрел настолько в сознании английского и французского правительств, что МИД отправил 17 марта 1915 года русским послам в Лондоне и Париже телеграмму следующего содержания: «Ход последних событий привел Е.В. императора Николая II к убеждению, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен в смысле вековых стремлений России. Всякое его разрешение, которое не включало бы в состав Русской империи города Константинополя, западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а равно и южной Фракии по черту Энос – Мидия, было бы не удовлетворительно. Подобным же образом, по стратегическим соображениям, часть азиатского побережья, заключающаяся между Босфором и рекою Сакариею и между пунктом, подлежащим определению, на берегу Измидского залива, острова Имброс и Тенедос должны будут быть присоединены к империи. Специальные интересы Великобритании и Франции в означенной области будут строго соблюдены. Императорское правительство надеется, что вышеизложенные соображения будут благожелательно встречены обоими союзными правительствами. Эти правительства, в свою очередь, могут рассчитывать на благожелательное отношение императорского правительства при осуществлении своих видов в других областях Турции, а также и вне ее пределов» [2; 316–316].

При дальнейшем ходе переговоров этот проект был расширен и распространен на азиатские владения Турции. Настаивая на удовлетворении своих требований, назревавших веками и унаследованных от минувших поколений, Россия не могла противодействовать требованиям приращения территорий своих союзников в тех частях азиатской Турции, на которые они предъявляли свои права.

Для России было существенно установить русскую власть в той части Малой Азии, которая прилегала к Закавказским владениям России и которая по своему этническому составу была только в небольшой доле турецкой. Этот край был театром постоянных восстаний и невероятных по своей жестокости подавления их.

Россия не предъявляла особых прав и преимуществ. Она потребовала лишь неприкосновенности того положения, которого ей уда-

лось достигнуть в Палестине во времена турецкого владычества, и прежде всего – беспрепятственного допущения своих паломников к святым местам, независимо от того нового порядка, который должен был быть там установлен.

Весь март 1915 года протекал в переговорах между Петроградом, Лондоном и Парижем о проливах и Константинополе. Они шли вполне удовлетворительно, хотя и неровным шагом, причем Англия опережала союзную Францию. Англичане глубже сознавали, что требования России были справедливы и что наступала пора положить конец политике, которая держала великую и дружественную державу с населением в сто семьдесят миллионов жителей в мышеловке, откуда ей не было выхода, но куда врагам ее был открыт доступ.

К концу марта 1915 оставалось только оформить состоявшееся соглашение и закрепить его в виде письменного акта. К тому времени, когда было достигнуто удовлетворительное решение по коренному вопросу, союзникам оставалось лишь выяснить наше отношение к другому, существенному для них вопросу о гарантии русским правительством свободы торгового плаванья в проливах и Мраморном море.

Принципиальное согласие России на широкое обеспечение экономических интересов наших союзников и черноморских прибрежных государств, а также всех дружественных держав было выражено русскими дипломатами в начале переговоров. Выработка окончательной формулы этого обеспечения была отложена до момента составления текста мирного договора, в который наша гарантия должна была быть включена.

27 марта 1915 г. английский посол вручил министру иностранных дел Сазонову составленный им на основании инструкции из Лондона меморандум, в котором подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России проливов и Константинополя при условии, что война будет доведена до победоносного конца и что Великобритания и Франция осуществляют свои пожелания за счет Оттоманской империи и «некоторых областей, лежащих вне ее» [2; 318–319]. Условие «доведение войны до победоносного конца» было упомянуто в меморандуме, хотя было понятно, что без этого условия нельзя было говорить о приобретении каких бы то ни было частей турецкой территории. Вера в победу Тройственного согласия

над центральными державами была у русских людей с самого начала войны непоколебима. Тогда никто не мог предвидеть, что единственной из держав Согласия, не удовлетворившей этому основному условию, будет Россия, выведенная из строя революцией в то время, когда ей, наконец-то, удалось завершить свое вооружение и оставалось сделать последнее усилие, чтобы пожать плоды трехлетней тяжелой борьбы. Поэтому включение тогда в английский меморандум этого условия не имело для России практического значения. К сожалению, только русской революции было суждено вложить в эту оговорку реальное содержание.

В числе упомянутых в английском меморандуме пожеланий были еще и следующие:

1. Устройство в Константинополе вольного порта для склада и провоза товаров, имевших назначение в страны Малой Азии и юго-восточной Европы, кроме России;
2. Оставление Аравии и мусульманских святых мест под независимой мусульманской властью;
3. Подчинение нейтральной зоны в Персии английскому влиянию путем пересмотра русско-английского соглашения 1907 г.

На все эти пожелания Лондона и Парижа, русское правительство выразило свое согласие. Дальнейшая разработка и уточнение территориальных приобретений наших союзников за счет Османской империи были произведены позже, в личных переговорах между министром иностранных дел и их особыми уполномоченными. В апреле 1916 г. по окончании этих переговоров и выяснения пожеланий каждого из членов Тройственного Согласия министр иностранных дел России Сазонов сообщил в письме к союзным представителям в Петрограде о согласии при условии приобретения России в Малой Азии Эрзерума, Трапезунда, Вана, императорского правительства на предъявленные ими требования о присоединении Англией Месопотамии и Францией – Сирии и Киликии и Битлиса вплоть до Черного побережья. Часть Курдистана, лежащая на юг от Вана и Битлиса, должна была отойти к России, взамен чего Франция приобретала в Малой Азии значительную территорию с городом Харпутом. Вот в общих чертах это соглашение, к которому пришло русское правительство с уполномоченными Англии и Франции в 1916 г. Россия из-за постигшего ее внутреннего катаклизма не только не сделала новых

территориальных приобретений, но и потеряла немало старых. Нашим союзникам пришлось тоже отказаться от некоторых из намеченных ими турецких областей.

Таким образом, исходя из вышеизложенного материала, можно с убежденностью сделать вывод о том, что обвинить Россию в развязывании войны из-за новых территорий неправильно. Этот вопрос стал обсуждаться только тогда, когда Турция объявила войну России и активно участвовала в ней на стороне Германии. Каждая страна после победоносного участия в войне стремится улучшить свое стратегическое положение для улучшения ее участия в мировой экономике, и поэтому российская дипломатия была просто обязана поставить вопрос о проливах перед союзниками. И это было сделано. Союзники согласились с претензиями России. Эти претензии были оформлены договорами. И то, что эти договоры не были реализованы, не вина той России, которая была вынуждена вести отечественную оборонительную войну, справедливую войну.

Ответственность лежит на тех кругах российской интеллигенции, которая, используя тяжелое экономическое положение людей во время войны, решила изменить систему власти, порулить самим. А порулить не сумели и ввергли страну в хаос, в гражданскую войну, которая очень дорого обошлась русскому народу. И отголоски этого хаоса докатились и до наших дней, о чем ярко свидетельствует гражданская война в Украине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Фортунов В.В.* История : учеб. пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. – СПб. : Питер, 2012.
2. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. – Книгоиздательство Е. Сияльской. – Париж, 1927.
3. *Изместьев Ю.В.* Россия в XX веке. – Изд-во «Переклига», Нью-Йорк, США, 1999.
4. *Керенский А.Ф.* История России. – Иркутск, 1996.
5. *Всемирная история.* – Минск, Литература, 1997. Т. 19.

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.5)

А.В. Дулов

ПАМЯТНИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АДМИНИСТРАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЯМ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XX ВВ.

Статья посвящена истории появления в Восточной Сибири памятников административным, военным, общественным деятелям края XVII – начала XX века.

Article is devoted to emergence history in Eastern Siberia of monuments to administrative, military, public figures of edge of XVII – of the beginning of the XX century.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: памятники, монастырь, церковь, меценаты, просветители.

KEYWORDS: *monuments, monastery, church, patrons, educators.*

В Восточной Сибири, начиная с XVII в., стало традицией создавать памятники наиболее известным деятелям этого края. Самый ранний из них появился в Монголии – памяти Ерофея Заболоцкого, убитого вместе со своими спутниками-бурятами в 1651 г. В 1675 г. это место стало именоваться Посольским мысом; в 1681 г. там был основан Посольский мужской Спасо-Преображенский монастырь. Позже была поставлена часовня над его могилой.

Дулов Александр Всеволодович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ИГУ.

В одном из источников это событие описывается таким образом: «Во 159 году октябрь в 7 день сын боярский Ярофей Заблоцкой с сыном своим Кирилом, да подъячей Василей Чаплин, да казаки Васька Безносков, Тренька Соснин, Офонька Сергеев, Якунька Скороходов, да промышленной человек Сергушка Михайлов, всего 8 человек, вышед из дощаника, и отошли сажень со сто, расклали огонь, и у огня грелись. А толмач Панфилко Семенов и мугальский посол Седик да промышленных людей 12 человек от Ярофея с товарищи остались у государевы казны в судне. И того ж дни наехали на Ярофея с товарищи брацкие люди, а Тарукая-табуна ясачные люди, безвестно человек со сто, и Ярофея Заблоцкого, и сына ево Кирила, и подъячего Василья Чаплина, и казаков Ваську Безноскова с товарищи, и промышленного человека побили досмерти и ограбили, и ружье, что с ними было, поимали, и к Панфилку с товарищи к судну приступали, и из луков на дощаник по них стреляли. И толмач Панфилко от тех воров в дощанике отсиделись, и государево жалованье, что с ними послано к Цысану-кану и зятю ево Турукаю-табуну, уберегли» [1].

В путеводителе по Великой Сибирской железной дороге, напечатанном в 1900 г., говорится о Посольском монастыре, что монастырь этот обнесен каменною стеною; влево, на западной стороне, возвышается каменная часовня над могилою посла Заболоцкого.

В 1930-х гг. монастырь был разрушен. Недавно на музейное хранение был передан надмогильный железный крест с надписью: «Здесь покоится прах посла Ерофея Заболоцкого, коварно убиенного бурятами в 1650 году» и две памятные чугунные доски, на одной из которых сказано, что монастырь основан в память погибшего посла [2].

В 1895 г. отмечалось, что в Нерчинске, около старой церкви, «сохранилась могила воеводы Мусина-Пушкина, при котором был выстроен Нерчинский завод с плавкой серебряных руд». По словам современного историка, под руководством этого энергичного и способного человека строительство завода активизировалось с 1704 г. [3].

Весьма своеобразно была отмечена память об администраторах XVIII в. в Иркутске. За городской стеной, на Лютеранском кладбище, были похоронены три видных иркутских начальника.

Первый из них, шведский инженер-лейтенант Лоренц Ланг (или Ланге), поступив на русскую службу в 1715 г., много раз с успехом выполнял дипломатические поручения в Китае, дважды возглавлял тор-

говые караваны в эту страну. Известный исследователь записок иностранцев XVIII в. Э.П. Зиннер дает ему такую характеристику: «Лоренц Ланг – фигура во многих отношениях колоритная, человек недюжинного ума и большой предприимчивости. Он сыграл немалую роль в установлении дипломатических и торговых связей России с Китаем».

Русское правительство высоко оценивало деятельность Ланге, и в июне 1739 г. он стал вице-губернатором (правителем) Иркутской провинции, включавшей в себя территорию от границ нынешних Иркутской области и Якутии до Тихого океана. В Иркутск Ланг приехал 26 июня 1740 г. «Иркутская летопись» отмечает, что первоначально Ланг «усердно занимался делами управления, был снисходителен и добр ко всякому искавшему у него покровительства и защиты», а потом «предался бездействию» (может быть, из-за болезни?), в результате чего в провинции стали процветать взяточничество и казнокрадство, воровство и грабежи, казна терпела убытки. Умер вице-губернатор 26 декабря 1752 г., в возрасте 68 лет.

Спустя 12 лет Екатерина I превращает Иркутск в столицу губернии, границы которой совпадали с прежней Иркутской провинцией. Губернатором назначается генерал-майор Карл Львович фон Фрауендорф. Этот немецкий офицер перешел на русскую службу в 1731 г. В 1758 г. Фрауендорф в чине бригадира был назначен начальником Колыванской укрепленной линии. В этой должности он сделал очень многое для охраны южной сибирской границы, усиления крепостей, предотвращения набегов киргизских отрядов. Фрауендорф распорядился селить вдоль границы казаков с семьями, что послужило началом образования вдоль крепостной линии постоянных земледельческих поселений.

Приехав в Иркутск из Омска 15 марта 1765 г., новый губернатор сразу же принялся за благоустройство города. Раньше Иркутск строился без плана, улицы были кривыми, дома и заборы нередко выходили на улицу. Губернатор стремился их спрямить, руководил также чертежной частью. В 1763 г. был инициатором составления первого плана Иркутска, выполненного на математической основе в 1768 г. Помощники губернатора планировали прямолинейные улицы и кварталы. В городе впервые появились доски с указанием названий улиц.

Фрауендорф занимался с учениками Навигацкой школы, прекрасно знал математику, вел занятия по картографии, фортификации, архи-

тектуре. За короткий срок своей деятельности в Иркутске он укрепил границу с Китаем, стремился приобщить бурят к земледелию, уравнивал подати, взимавшиеся с коренного населения. Меньше стало при нем грабежей и разбоев. Умер К.Л. Фрауендорф 2 января 1767 г.

В 1789 г. на том же кладбище появилась могила обер-коменданта Иркутска И.А. Линемана.

В Иркутске не стали ставить почившему губернатору памятник, но небольшое лютеранское кладбище было обнесено каменной стеной (вероятно, в XIX в.). Однако в 1910 г., когда на кладбище еще сохранялись 7 могил, иркутский губернатор П.К. Гран распорядился сломать его каменную ограду. В советское время кладбище было окончательно разорено, а на его месте разбили сквер (пересечение нынешних улиц Ленина, Тимирязева, Красного Восстания). К сожалению, и до сих пор могила первого иркутского губернатора никак не отмечена.

В 1807 г. в Красноярске скончался посол России в Японию и представитель Российско-Американской компании Н.П. Резанов. Родился он в 1764 г. в Петербурге, позже отец его служил судьей, а с 1780-х гг. – губернским прокурором. Приехав в 1790 г. к отцу в Иркутск, Резанов познакомился с Г.И. Шелиховым и женился на его дочери. Вполне естественно, что он стал принимать участие и в торговых делах Шелихова в освоении Русской Америки. Будучи обер-секретарем Сената, Резанов стал одним из учредителей Российско-Американской компании и представлял ее интересы при дворе.

В 1803 г. в составе российской кругосветной экспедиции Крузенштерна-Лисянского Н.П. Резанов отплыл в качестве посла в Японию и ревизора дел компании в Америке. На кораблях «Юнона» и «Авось» он посетил почти все российские поселения в Америке, побывал в русской и испанской Калифорнии. Им был составлен проект реорганизации американских колоний, в котором говорилось о необходимости гуманного отношения к аборигенам, создании училища и библиотеки для русских алеутов, креолов. Поощрялись смешанные браки. Романтические отношения Резанова с дочерью испанского коменданта Сан-Франциско Консепсией де Аргуэльо были отражены во многих литературных произведениях, в том числе в популярной рок-опере «Юнона и Авось» (текст А. Вознесенского, музыка А. Рыбникова).

В конце 1806 г. Н.П. Резанов возвращался через Сибирь в столицу России. Простудившись в дороге, он более двух месяцев лечился

в Иркутске. Выехав из Иркутска 13 февраля 1807 г., он снова простудился и 1 марта 1807 г. умер в Красноярске.

Н.П. Резанов был похоронен в ограде собора. На могиле был поставлен небольшой каменный кирпичный памятник, а спустя четверть века он был заменен новым – в виде железной коринфской вазы на высоком гранитном постаменте. На прикрепленной к нему овальной чугунной плите, окаймленной лавровым венком, литая надпись-посвящение: «Лета 1831-го 16 дня воздвигнут иждивением Российско-Американской компании в ознаменование незабвенных заслуг, оказанных ей действительным камергером Николаем Петровичем Резановым...» [4; 171].

В советское время памятник был разрушен, но в 2007 г. был открыт новый, по совершенно иному проекту. Так же, как по отношению к особам царствующего дома, бывали случаи, когда памятники возводились с откровенно корыстной целью. Так было, если верить известному публицисту Забайкалья Д.И. Стахееву, с памятником Н.Н. Муравьеву-Амурскому, поставленному не только при его жизни, но даже в период его генерал-губернаторства.

Стахеев рассказывает, что кяхтинское купечество было встревожено слухами «о переменах, угрожающих кяхтинской торговле». Московские купцы, связанные с кяхтинской торговлей, написали кяхтинцам, что подают прошение императору с просьбой не допустить этих перемен. Тогда кяхтинские купцы тоже решили составить прошение: «А об чем генерал-губернатору-то писать? Один дает такую мысль: нужно написать, что торгующее на Кяхте купечество, в память покорения Амурского края и посещения Кяхты его высокопревосходительством, общем своем собрании положило соорудить по дороге на Усть-Керан памятник, который увековечит славу его высокопревосходительства – ну, а потом, значит, вот мол так и так, слухи мол ходят нехорошие, примите участие и т. д.» [5; 143].

Когда один из купцов спросил своих коллег, почему надо «за городом на дороге памятник строить», ему ответили: «Нельзя, политика того требует: там мы провожали генерал-губернатора на Амур, шампанское пили, в память, значит, события». Памятник, видимо, был поставлен, однако его никто не видел.

С разрешением свободной торговли с Монголией и Китаем путь на Чикой и Керан шел по монгольской земле, минуя Бургутуйский

хребет и памятник, построенный у подножия хребта в честь графа Муравьева-Амурского. Теперь мимо этого памятника никто не проезжает, так как дорога совершенно заброшена [5; 152]. Памятник появился, очевидно, в 1859–1860 гг., так как Аргунский трактат, передававший правобережье Амура России, был подписан в 1858 г., а Иркутск Муравьев покинул в 1861 г. Таким образом, история с памятником человеку, который в принципе его вполне заслужил, обернулась почти фарсом.

Кроме памятников, просветителям и выдающимся деятелям Восточной Сибири отдавали дань памяти и путем присвоения их имен пароходам: «Граф Сперанский» (Ангара, 1891 г.); «Генерал Корсаков»; «Генерал Синельников» (Лена, 1911); «Граф Игнатьев» (Лена, 1913 г.).

В Иркутске в 1910 г. на Иерусалимском кладбище похоронили Ф.В. Савицкого, который, будучи начальником каторги в Нерчинске, Александровском центре, смотрителем иркутской тюрьмы, занимался об улучшении условий жизни заключенных. На памятнике было написано: «Справедливому начальнику от признательных каторжников».

Значительно больше памятников, чем администраторам, поставлено общественным деятелям. Жители Красноярска высоко ценили первого учителя Красноярского малого народного училища Никиту Звонникова, умершего в период 1783–1796 гг. Директор народных училищ Колыванского наместничества Иван Ломачевский сообщал в официальном документе, что получил из Красноярска известие о его смерти и добавил, ссылаясь на смотрителя Красноярского народного училища: «...не только жители здешние, но и кочующие вблизи татары познали уже цену нового образа учения и для умершего учителя, любимого всеми, соорудили в благодарных своих сердцах памятник...» [6; 255].

Но памятник был поставлен не только «в благодарных сердцах». Современные исследователи установили: «...учителя похоронили на Всехсвятском кладбище (район фабрики «Квант»), положив на могильный холмик чугунную плиту с надписью: «Здесь покоится тот, которого и малые дети знают», и в конце XIX в. красноярцы помнили, что под этой плитой лежит «...всеобщий красноярский учитель, звание его неизвестного человек был безукоризненной нравственности» [4; 85].

В Красноярске, на Троицком кладбище, находится могила знаменитого купца и библиофила Г.В. Юдина. Геннадий Васильевич Юдин был сыном купца Тобольской губернии. Он окончил гимназию и с детских лет интересовался книгами, много читал. В 1857 г., когда ему было 17 лет, Юдин стал самостоятельным купцом, уже тогда собрал небольшую домашнюю библиотеку. В 1870-х гг. благодаря счастливой случайности купец по «внутреннему 5 % с выигрышами займу» получил огромную сумму – 275 тыс. рублей. Это дало ему возможность развернуть в больших масштабах торговлю. Он торговал вином, имел золотые прииски, несколько домов в Красноярске. Но коммерция не могла исчерпать всей энергии Г.В. Юдина. Значительную часть своего капитала он тратил на приобретение книг, газет, журналов, архивов выдающихся деятелей культуры.

Опасаясь пожара, поглотившего ряд кварталов Красноярска, он строит себе дом недалеко от города, в деревне Таракановке, а свою крупную библиотеку размещает рядом, в специальном доме. Им была собрана огромная библиотека в 90 тысяч томов. В ней были многие редкие издания XVIII в., комплекты русских журналов XVIII и начала XIX в., основные научные труды, посвященные России и Сибири, рукописи ряда крупных русских писателей.

В 1907 г., оказавшись в затруднительном положении, Юдин продал свою библиотеку библиотеке конгресса США за 300 тыс. руб. золотом. Но и в последние годы своей жизни Г.В. Юдин собрал вторую, хотя и менее крупную библиотеку, которая составила в дальнейшем основной фонд Красноярской краевой научной библиотеки.

«Могила Г.В. Юдина расположена в восточной части кладбища. Надмогильное сооружение – трехступенчатая четырехгранная пирамида. Постамент прямоугольный параллелепипед из черного мрамора. В верхней части памятника надпись: “Геннадий Васильевич Юдин. 1840–1912”» [7; 331].

Александр Игнатьевич Кытманов (1858–1910), сын золотопромышленника, родился в Енисейске. После обучения в красноярской гимназии поступил в Петербургский университет, окончив его в 1881 г. со степенью кандидата естественных наук. Вернувшись в 1882 г. в Енисейск, принимает участие в организации музея в этом городе и сдает в его фонд свои коллекции. Музей был открыт 1 октября 1883 г., и Кытманов был его распорядителем, а позже – заведующим этого музея.

А.И. Кытманов первым в городе стал читать публичные лекции на различные темы, им написаны многочисленные труды, посвященные Енисейской губернии: «Материалы к народной медицине Енисейского округа», «Лекарственные травы», «Материалы для флоры сосудистых растений Енисейского округа»; «Рыбный промысел и рыбная торговля в низовьях Енисея»; «Материалы для истории Енисейского округа» и др.

Кытманов был активным общественным деятелем Енисейска, работал в разных городских комиссиях, был членом городской управы, заменял городского голову, избирался председателем городской думы. Умер замечательный педагог, исследователь, общественный деятель в 1910 г. «На его могиле установлено надгробие из черного полированного мрамора, высотой 1,7 м, с выгравированным текстом-посвящением. Нижняя часть надгробия из серого гранита» [8; 52].

В Енисейске хорошо знали врача Юлия Николаевича Васильева, 15 лет служившего в этом городе. Больных, не имевших средств, он бесплатно обеспечивал медикаментами и питанием, причем из скромности заявлял, что все это делает за счет казны. Историк Енисейска пишет: «Васильев был свободомыслящим человеком, организовал союз учителей и распространял запрещенные книги, за что сидел в тюрьме. Жил он в неприглядной квартире без всякой обстановки и когда умер в 1911 г., то не на что было похоронить его. На Абалаковском кладбище был поставлен памятник: «Врачу-человеку от благодарных граждан города Енисейска» [7; 86–87].

В Минусинске большим авторитетом пользовался другой энтузиаст просветительской работы и краеведения Николай Михайлович Мартьянов (1844–1904). Родился он в семье лесного объездчика Виленской губернии, образование получил, трудясь одновременно в аптеке. В 1872 г. окончил Московский университет с отличием, получив звание провизира. С 1873 г. служил провизором в Казани, где написал свою первую научную работу. С 1874 г. Мартьянов живет в Минусинске, работает в аптеке и принимает активное участие в научной, просветительской и общественной работе. По его инициативе в городе возникает музей, распорядителем которого становится Н.М. Мартьянов. Затем он же предлагает организовать в Минусинске метеорологическую станцию и научную библиотеку и добивается успеха. Вскоре и музей, и библиотека становятся образцовыми

учреждениями. Мартянов способствует развитию музейного дела в других сибирских городах. В работе музея участвовали политические ссыльные, а в квартире Мартянова они иногда устраивали собрания. В 1898 г. замечательный краевед навестил в Шушенском В.И. Ленина, с которым познакомился в 1897 г.

В научных экспедициях по Енисейской губернии Н.М. Мартянов собрал богатый материал по ботанике, геологии и географии, опубликовав ряд научных работ. Наиболее важна из них «Флора Южного Енисея», увидевшая свет только в 1923 г. Тяжело болея с 1900 г., Мартянов не прекращал научной деятельности и умер, разбирая растения, привезенные им из экспедиции [7; 123]. Похоронен он на городском кладбище. В 1905 г. архитектором Д. Редольфи выполнен из лабрадорита обелиск выдающегося минусинца, установленный на его могиле.

Ставились памятники общественным деятелям и в Иркутске. В 1800 г. вдовой выдающегося промышленника и мореплавателя Г.И. Шелихова (1748–1795) был поставлен роскошный по тому времени монумент. Он представляет значительный интерес и в художественном отношении. Изготовленный в Екатеринбурге, памятник был по частям доставлен в Иркутск. На сторонах памятника – барельеф путешественника, изображение морской карты и штурманских инструментов. Существенной особенностью, придающей монументу широкое общественное значение, следует признать тексты, выбитые на памятнике, составленные лучшими русскими поэтами того времени Г. Державиным и И. Дмитриевым. Приведем текст, выбитый на южной грани памятника: «Как царства падали к стопам Екатерины, Росс Шелихов без войск, без громоносных сил, притек в Америку чрез бурные пучины, и нову область Ей и Богу покорил. Не забывай, потомок, что росс, твой предок, и на Востоке громок». Автором этого текста был И. Дмитриев.

На северной грани читаем: «Колумб здесь Русский погребен, преплыл моря, открыл страны безвестны, и зря, что все на свете тлен, направил парус свой во океан небесный искать сокровищ горних, неземных, сокровище благих Его ты, Боже, душу упокой. Гаврила Державин».

Памятник Шелихову своим великолепием так поразил иркутян, что его даже называли «мавзолеем», а архиерей возражал против того, чтобы его поставили в ограде монастыря, полагая, что такой

монумент не подобает ставить купцу. «Епископ Вениамин, излагая начальству свои опасения, указывал на то, что памятник этот выше алтаря и, стало быть, оскорбителен для церкви, а его украшения, особенно надписи, чрезмерно превозносят заслуги Шелихова. Назвать простого купца «покорителем народов», по рассуждению епископа, не значит ли оскорбить имперскую особу», пишет историк В.П. Шахеров [9; 251]. Один из учредителей Российско-Американской компании, Н.П. Рязанов, фактически контролировавший тогда ее деятельность, выступил в защиту монумента. Он заявил, в частности: «...Впрочем, когда в иностранных государствах ставят великим мужам, как-то: искателям, музыкантам и художникам – публичные монументы, то неужели сей росс, приведший в подданство многие народы, не заслуживает никакого на могиле своей надгробия?» [9; 251]. В результате Павел I дал разрешение установить монумент.

В 1876 г. в Иркутске скончался наш замечательный земляк, выдающийся российский историк-демократ А.П. Щапов, сосланный за свои политические взгляды на родину. По инициативе ВСОРГО иркутянами были собраны средства на установку памятника и, несмотря на возражения министра просвещения И.Д. Делянова, в 1886 г. на его могиле появился памятник с надписью: «Родина – писателю». Городская дума решила одну из городских стипендий для студентов Казанского университета, профессором которого был А.П. Щапов, назвать его именем. Однако Делянов в письме на имя генерал-губернатора Восточной Сибири писал, в частности: «Покойный Щапов, как известно, занимал в 60-х гг. кафедру русской истории в Казанском университете, проводил в среду молодежи весьма вредные мысли, подстрекающие их даже к противоправительственным действиям, а в литературных трудах своих обнаружил себя приверженцем партии с отрицательным направлением» [10]. Поэтому, хотя памятник и поставили, но стипендия имени историка не была утверждена, не удалось также устроить празднества по поводу открытия памятника.

На Иерусалимском кладбище появились два памятника выдающимся журналистам и общественным деятелям: В.И. Вагину (1823–1900) и М.В. Загоскину (1830–1904).

Родился Вагин в Иркутске 10 февраля 1823 г. в семье чиновника. Успешно окончив Троицкосавское училище, он в 1839 г. становится преподавателем этого училища, а с 1840 г. чиновником, служившим

в Иркутске, Чите, Томске, затем он 6 лет был окружным начальником Каинского округа, а в 1861 г. вышел в отставку и переехал в Иркутск. Здесь он в течение 15 лет занимался адвокатской практикой, с успехом вел как уголовные, так и гражданские дела, получил признание иркутской общественности.

С 1847 г. Вагин начал публиковаться в прессе. Он писал очерки, статьи, статистические обзоры, которые печатались в журналах Петербурга, Москвы, сибирских изданиях. В Иркутске В.И. Вагин становится совладельцем частной публичной библиотеки, принимает активное участие в общественной и научной жизни. С 1875 г. он редактор газеты «Сибирь». Газета демократического направления быстро превращается в популярное издание, дающее правдивую информацию о жизни огромного края, его нуждах, нередко критикуя местных чиновников, высказываясь за прогрессивные преобразования. Тираж газеты быстро увеличивался. В январе 1876 г. он достиг 750 экземпляров с 604 платными подписчиками. Оппозиционная газета подверглась цензурным преследованиям, сам Вагин считался подозрительной личностью, хотя участия в революционной деятельности не принимал.

Всеволод Иванович оставил большое творческое наследие. Л.Я. Подольская и Ф.М. Полищук выявили 383 его публикации, касающиеся самых разнообразных тем. Особое значение имеет его двухтомный труд «Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. 1819–1922», вышедший в 1872 г. в Петербурге. Эти два тома содержат более 1 500 страниц, насыщенных огромным фактическим материалом. Основные выводы и обобщения автора и в настоящее время не вызывают сомнений.

В.И. Вагин несколько раз избирался гласным Иркутской городской думы. Считая, что для Сибири очень полезны были бы гласность и самоуправление, он много раз выступал по этим вопросам, иногда резко критиковал как своих союзников по общественной борьбе, так и противников. Главными недостатками Думы Вагин считал не только незнание дела, но и «угодливость, низкопоклонство перед властями и богатством».

Умер В.И. Вагин 25 октября 1900 г. На похоронах присутствовало много его читателей; было возложено 11 венков. В 1901 г. рядом с могилой была построена небольшая часовня. Но ни часовня, ни могила не сохранились до наших дней.

Михаил Васильевич Загоскин родился 6 сентября 1830 г. в семье сельского священника Иркутской губернии. Как один из лучших выпускников духовной семинарии, был отправлен в Казанскую духовную академию. Завершив курс обучения в ней в 1852 г., Загоскин отказался от духовной карьеры, которая могла бы стать для него весьма успешной. Он преподает в Иркутской духовной семинарии и двух училищах. В эти же годы он знакомится с политическими ссыльными-петрашевцами, которые оказывают на него заметное влияние. С марта 1859 г. Загоскин начинает редактировать первую газету Восточной Сибири «Иркутские губернские ведомости», пропагандируя прогрессивные преобразования. С 1860 г. по 1862 г. он редактор первой сибирской частной газеты «Амур», в которой освещались вопросы Восточной Сибири и Амурского края, велся обзор иностранной политики. Газета была одной из самых острых в России, за что подвергалась гонениям местной администрации. Вскоре газету пришлось закрыть.

В 1870 г. была издана в качестве учебника для гимназий книга Загоскина «Иркутск и Иркутская губерния» – первый и весьма удачный образец краеведческой монографии, дававшей довольно подробный обзор географии, экономики, истории, этнографии губернии и ее центра. М.В. Загоскин был одним из самых деятельных сотрудников Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, редактировал его «Записки» и «Известия», в 1875–1879 гг. был даже правителем дел ВСОРГО. В 1876 г. в Петербурге был издан роман Загоскина «Магистр», в котором дана критическая оценка жизни бурсаков в духовном училище.

В 1877 г. Загоскин становится фактическим редактором газеты «Сибирь», ведя ее примерно в таком же духе, что и ранее Вагин. Знакомя читателей с богатым и разнообразным материалом, газета по-прежнему оставалась оппозиционной по отношению к правящим кругам. Она вновь подвергается преследованиям, а Загоскин в 1879 г. был даже арестован и некоторое время находился в тюрьме. Но он оставался членом редакции «Сибири», а с 1887 г. – газеты демократического направления «Восточное обозрение». Более 20 лет публицист вел преподавание в открытой сельской школе в деревне Грановщина.

Спустя 7 лет после смерти Михаила Васильевича, в 1911 г., на могиле его установили памятник. Автор проекта – инженер К.В. Ми-

таль, автор бронзового барельефа – скульптор И. Жуков. К счастью, памятник стоит и сейчас.

Рядом с М.В. Загоскиным был похоронен Антон Михайлович Станиловский. Родился он в 1876 г. Обучался в Казанском университете, за деятельность в студенческих организациях был сослан в Сибирь. С 1889 г. живя в Иркутске, активно участвовал в работе Географического общества, изучал местную флору и фауну, занимался геологией, был известен как увлекательный лектор. Иногда он исполнял обязанности правителя дел ВСОРГО, был членом его распорядительного комитета. 22 октября 1905 г. в Иркутске узнали о манифесте императора, в котором были обещаны некоторые права и свободы. И.И. Попов, бывший редактор газеты «Восточное обозрение», вспоминает: «После получения манифеста в первом часу ночи, А.М. вместе со знакомым зашел в ресторан. Оркестр играл «Марсельезу» и гимн. Часть публики сидела, другая вставала. Никто о не обращал на это внимания, пока не вошел А.М. Заиграли гимн («Боже, царя храни...») – он не встал. Какой-то офицер бросился на него с обнаженной пашкой, но товарищи остановили его. В это время грянул выстрел, и А.М. упал, убитый наповал. Оказалось, стрелял пьяный железнодорожный фельдшер, который, протрезвившись, горько раскаивался. Отдел Географического общества, Детская площадка, городская дума и другие учреждения торжественно похоронили А.М. В церкви и на кладбище говорились речи».

19 июля 1891 г. умер замечательный иркутский врач Михаил Яковлевич Писарев, в возрасте 45 лет. Первоначально он учился в духовной семинарии, затем перешел в гимназию. Пройдя курс обучения в Медикохирургической академии, Писарев несколько лет работает врачом в Усолье. Затем переехал в Иркутск и служил санитарным врачом. Он опубликовал много статей в газетах «Сибирь» и «Восточное обозрение» по общественной гигиене и медицинской статистике, избирался правителем дел ВСОРГО, секретарем Общества врачей Восточной Сибири.

В «Иркутской летописи» Н.С. Романова отмечена такая выдающаяся черта характера Михаила Яковлевича, как неисчерпаемая доброта и постоянная готовность прийти на помощь нуждающимся. У него было множество бесплатных пациентов. Другую выдающейся чертой его характера была правдивость и прямота, не знавшие

компромиссов. Эти качества приобрели ему глубокое уважение всех честных людей, но в то же время и много врагов и лично ему навлекали много горьких минут. За правду его любили, за нее же и ненавидели. На похоронах было много бедняков, которые пришли проводить «покойного, бывшего поистине врачом бедных».

На Иерусалимском же кладбище похоронен еще один врач – В. Николаев. В 1898 г., говорится в «Иркутской летописи» Ю. П. Колмакова, «...скончался врач Забайкальской железной дороги Венедикт Александрович Николаев, пользовавшийся широкой популярностью. На его могиле на Иерусалимском кладбище говорили речи начальник железной дороги В.В. Оглоблин, инженер Г.З. Андронников, доктор Н.Е. Маковецкий и редактор газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов. За гробом покойного шел почти весь город». А «Летопись» Н.С. Романова как бы дополняет это сообщение. Там написано, что 17 декабря 1899 г. был освящен приют «Ясли» для детей до 5 лет, на устройство которого железнодорожные служащие собрали 3 300 рублей в память о враче Николаеве.

В 1889 г., отмечая 50-летие со дня смерти русского реформатора М.М. Сперанского, общественность Иркутска выдвинула предложение поставить ему памятник. Главная площадь города тогда была названа именем Сперанского. По сообщениям «Иркутской летописи», 27 февраля этого года в домовый архиерейской церкви состоялась панихида по М.М. Сперанскому. Панихиду служил сам архиепископ Вениамин в присутствии генерал-губернатора графа А.П. Игнатьева, чиновничества и военных. Пред началом панихиды архиепископ произнес речь о заслугах Сперанского перед Сибирью, положившему начало новому сибирскому управлению. 26 апреля 1889 г. на заседании городской думы городской голова В.П. Сукачев прочел краткий очерк жизни и деятельности графа М.М. Сперанского и предложил собранию возбудить ходатайство перед правительством о разрешении открытия подписки на сооружение памятника графу. Тогда иркутская Дума единогласно согласилась.

Организаторы проекта сумели собрать значительную сумму на сооружение памятника: более 17 тыс. рублей. Очевидно, памятник Сперанскому был бы поставлен, но в дело вмешался субъективный фактор. В 1899 г. в Иркутск приехал новый генерал-губернатор А.И. Пантелеев. Он решил поставить в Иркутске памятник императору

Александр III. Власти занялись грандиозными работами и проблемами устройства монумента императору. Затем началась Первая мировая война и последующие бурные события. Человек, многое сделавший и для России, и для Иркутска, до сих пор ждет от потомков заслуженной оценки.

Не удалось поставить памятник и другой, вполне достойной личности – первому бурятскому ученому-энциклопедисту, археологу, географу, филологу, философу Доржи Банзарову (1822–1855). Он был похоронен на Тюремном кладбище в Иркутске; могила его затерялась. Г.Н. Потанин сообщал, что в Иркутске ведется сбор «на памятник ученому буряту Доржи Банзарову» среди бурят, но, очевидно, памятник не был поставлен [11; 243].

В начале XIX в., в 1804–1809 гг. в Нижнеилимске по инициативе и на средства волостного писаря М.И. Петрова была построена Покровская церковь. Будучи человеком талантливым, Петров, не имевший архитектурного образования, сумел с успехом довести строительство каменной церкви до конца. Несмотря на заслуги в сооружении храма, он был жестоко и несправедливо наказан губернскими властями: «Рассказывали, что на завершение строительства храма не хватило некоторой суммы денег, и тогда М.И. Петров, будучи волостным писарем, обложил население по несколько копеек с человека, чтобы окончить храм. За самоуправство губернские власти приказали наказать его пятьюдесятью плетями. Петров, не желая принять такой позор, отравился и был захоронен рядом с церковью» [12; 332]. Цени его труды, жители похоронили его в церковной ограде и поставили над могилой огромную каменную плиту.

В феврале 1902 г. сельский сход 75 домохозяев с. Култук по предложению священника Иннокентия Чуринова, пользовавшегося уважением прихожан, постановил просить руководство Иркутской епархии выделить средства для постройки в Култуке новой двухклассной церковноприходской школы. Вскоре школу возвели строители Кругобайкальской железной дороги. Современные исследователи пишут: «Здание школы имело большие окна и красивый парадный вход... У входа в школу был установлен памятный камень с надписью: «1902 г. при И. Чуринове» [13; 246]. Одним из преподавателей школы был И. Чуринов. В этом здании учились дети до 1980-х гг., когда ее разобрали из-за ветхости; памятный же камень хранится и

сейчас в културской школе № 7 как память об известном учителе и священнике.

В 1820–1846 гг. в Селенгинске и его окрестностях жили английские миссионеры, занимавшиеся распространением книг Библии и Священного писания, с переводом их на монгольский и бурятский языки. Они занимались также печатанием переводимых книг, обучением в двух училищах нескольких десятков бурятских детей, врачеванием местных жителей. «Миссионеры, – пишет современный исследователь, – потеряли в Забайкалье своих близких. В 1827 г. у Юилля в Селенгинске от эпидемии умрут жена (Марта Кови) и двое детей. Памятник-obelisk над их могилами, сложенный из естественного камня, сохранился до сих пор на краю территории, где располагалась миссия. Члены семьи Сталибраса умрут на Кудуне; по свидетельству А.В. Харчевникова, здесь в 1924 г. можно было еще видеть кирпичный памятник с двумя чугунными плитами: на первой имелась надпись о похороненной в 1833 году жене Сталибраса (Сара), на второй – об умершей при родах в 1832 году его жене (Шарлотта) и умершем вскоре новорожденном сыне. В 1930-х годах памятник этот был разрушен местными комсомольцами» [14; 98].

В Чите славился гуманностью и бескорыстием Иван Александрович Толмачев (ум. в 1876 г.). Он работал сначала нерчинским, а позже читинским окружным врачом. В начале 1870-х гг. он за свой счет организовал первую в Чите медико-хирургическую лабораторию. Отличался редкой отзывчивостью; готов был ехать к больному в любое время дня и ночи; платы за лечение не брал.

А.П. Першин, друг декабриста И.И. Горбачевского, называл его «истинно святым человеком». Е.Д. Петряев, из книги которого взяты сведения о враче, пишет: «Хоронили Толмачева на общий счет добротных жертвователей. За гробом его шла громадная толпа». «Такие проводы, такую сердечную печаль редко приходится встречать», писала газета «Сибирь». В день похорон Толмачева читинцы открыли подписку и на собранные деньги учредили стипендию его имени в местной гимназии [15; 106].

На побережье Ледовитого океана в устье р. Оленек были похоронены замечательные путешественники, Василий Прончищев и его жена Мария Прончищева. В. Прончищев с 1733 г. был начальником отряда Великой Северной экспедиции, описывавшей берега Север-

ного Ледовитого океане от устья Лены до устья Енисея. В 1736 . отряд Прончищева достиг восточного берега полуострова Таймыр. При возвращении В. Прончищев умер от цинги. Им открыты два острова. Мария Прончищева, также умершая в 1736 г., – первая полярная путешественница. Имя Василия Прончищева получили часть берега Таймыра и мыс на северо-восточном берегу полуострова; в честь его жены названа бухта у берега Прончищева.

Один из авторов книги «Живописная Россия» Ф.Ф. Миллер, участник экспедиции 1873 г., возглавлявшейся А.Л. Чекановским, рассказывает: «На последней скале, на правом берегу Оленека, почти у самого устья его, виднеется могила Прончищева и его мужественной жены, которая последовала за ним в эту пустыню. Могила эта запущена, поросла мхом и лишаями, один выветрившийся крест, с едва явственной надписью, напоминает еще героя. Быть может, другой век, обратив деятельное и просвещенное внимание на вопрос о судоходстве по Ледовитому морю, поставит этому заслуженному передовому бойцу достойный памятник на том месте, где он пал под тяжестью своего подвига» [3; 278].

Но в той же книге рассказывается, что в 1893 г. экспедиция под руководством Э.В. Толя изучала берега Ледовитого океана и оказалась у Болколаха, недалеко от устья Оленека. «Ясными днями, нужными для работ лейтенанта Шилейко, г. Толь воспользовался для экскурсий в окрестностях Болколаха. Он имел случай восстановить крест на могиле достопамятных героев большой экспедиции при Анне Иоанновне, лейтенанта Прончищева и жены, умерших здесь в 1737 году от цинги...» [3; 334].

В 1881 г. в Северном Ледовитом океане, недалеко от Новосибирских островов был раздавлен льдами пароход «Жанетта», на котором плыла под руководством лейтенанта де Лонга американская научная экспедиция. Некоторым членам экипажа удалось добраться до русских поселений. В 1882 г. несколько спасшихся матросов жили в Иркутске.

5 декабря 1883 г. на Якутской заставе в Иркутске представителями ВСОРГО и городской думы были торжественно встречены тела десяти членов экспедиции. На Тихвинской площади соорудили траурный павильон. На гробы от иркутян были возложены венки. 6 и 7 декабря в этом павильоне и на собрании Отдела Географического

общества были произнесены речи, в которых отдавались почести погибшим членам экспедиции, прочитаны стихи в их память. 9 декабря город провожал их тела до перевоза через Ангару, причем войсками были произведены три оружейных залпа.

В 1885 г. лейтенантом Шютце, представителем правительства США, на месте гибели экипажа «Жанетты» поставлен «громадный деревянный крест с надписью на нем лиц погибшего экипажа...» [16; 268].

Таким образом, нам удалось установить, что в регионе было установлено не менее 25 памятников общественным деятелям и 3 памятника административным служащим Восточно-Сибирского края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жалсараев А.Д. Православная церковь в Бурятии // Исторический вестник. – № 1 (12). – 2001 : Электронный ресурс: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2001/1_12/12_4.htm.
2. Демин Э.В. Посольский монастырь на Байкале. – Улан-Удэ, 2002.
3. Живописная Россия, т. 12, ч. 1. Восточное окраинье России. Восточная Сибирь. Спб.-М., 1895.
4. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII-XIX века). – Красноярск, 1990.
5. Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. – Спб., 1869.
6. Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII в. – Красноярск, 1981.
7. Памятники истории культуры Красноярского края. Вып. 4, кн. 1. – Красноярск, 1997.
8. Малютина А. Город Енисейск. Историко-краеведческий очерк. – Красноярск, 1957.
9. Памятники истории и культуры Иркутска. – Иркутск, 1993.
10. Кудрявцев Ф.А. Исторические памятники Иркутской области XVII–XIX в. – Иркутск, 1949.
11. Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды : сб. статей. – СПб., 1908.
12. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. – М., 2000.
13. Хобта А., Снопков С. Култук, село, разъезд, станция, поселок. Мозаика Иркутской губернии. Старинные селения Приангарья : очерк истории и быта XVIII – нач. XX в. – Иркутск, 2007.
14. Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий. Энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 2001.
15. Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. – Чита, 1954.
16. Люстрицкий Д.Г., Гимельштейн А.В., Ануфриев А.В. Губернатор Константин Светлицкий на государственной службе. – Иркутск, 2010.

УДК 625.11(510)(09)

А.В. Хобта

ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ В 1895–1896 гг.

Рассматривается история проведения секретных исследовательских работ на территории Китайской империи для выбора направления железной дороги. Указаны причины изучения местности соседнего государства. Представлены результаты работы изыскательских партий и расчёты выгодных вариантов.

The history of carrying out confidential research works in the territory of the Chinese empire for a choice of the direction of the railroad is considered. The reasons of studying of the district of the neighboring state are specified. Results of work of prospecting parties and calculations of favorable options are presented.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Маньчжурия, экспедиция, съёмка, местность, карта, рекогносцировка, географическая карта, направление, вариант, изыскания, хунхузы, топографы.

KEYWORDS: Manchuria, expedition, shooting, district, card, reconnaissance, map, direction, option, researches, hunkhuza, topographers.

Согласно первоначальным предположениям Комитета Сибирской железной дороги, Великий Сибирский путь должен был направляться от Читы, через Сретенск, по берегу реки Шилки к селу Покровскому и далее по северному берегу Амура на Хабаровск, до соединения с Уссурийской железной дорогой.

Хобта Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель директора музея истории ВСЖД – филиала ОАО «РЖД».

В 1894–1896 гг. выполнены изыскательские работы для Амурской железной дороги. Исследованы два направления: одно по долине реки Амур, а другое севернее первого по горной местности [1; л. 5].

Изыскания показали, что значительная часть проектируемой дороги по Амуру при крайне неблагоприятных климатических и топографических условиях представляла громадные технические трудности для строительства. Линия по долине Амура имела бы существенные недостатки: она делала бы значительное отклонение к северу и соединилась бы Уссурийской железной дорогой у Хабаровска почти под прямым углом, вследствие чего Великий Сибирский путь, получив характер ломаной линии, значительно уклонился бы от кратчайшего расстояния.

При взгляде на карту видно, что соединить эти две железные дороги можно было и по другому варианту – через территорию Китая. Об этом в своё время говорил вице-адмирал Н.В. Копытов. Но тогда железная дорога в Сибири ещё не начинала строиться, в 1895 г. уже шли изыскательские работы вдоль Амура.

Но главным аргументом в пользу маньчжурского варианта направления Сибирской железной дороги были политические и стратегические соображения.

Во всеподданнейшем докладе министра путей сообщения 12 мая 1895 г. М.И. Хилков изложил идею проведения рельсового пути по территории Китая.

Он писал: «Интерес исследования местности, по которой могут быть проложены железнодорожные линии кратчайших направлений, против Амурской линии, одинаково важен как для России, так и для дружественного нам соседнего Китая и потому, казалось бы, было весьма полезным для обоюдной выгоды обоих государств снарядить экспедицию для рекогносцировки части Китая с железнодорожными целями» [1; л. 5 об.].

В конце 1894 г. по распоряжению Приамурского генерал-губернатора была произведена подполковником Генерального штаба Стрельбицким рекогносцировка пути по тому же направлению, по которому могла бы строиться железная дорога, но исследование делалось исключительно с военными целями, имея в виду условия следования войск. Тем не менее, было обращено внимание и на возможность строительства железной дороги по исследованному на-

правлению, и в депеше к министру путей сообщения от 16 февраля 1895 г. генерал-лейтенант Духовской сообщил, что на линии Цурухайтуй – Благовещенск или несколько севернее постройка железной дороги не встретила бы никаких серьёзных затруднений, точно так же относительно более южного направления дороги через Керулен, Хайлар, Цицикар, Бодухе, Хуанчензы, Гирин, Хунчун. В депеше к военному министру от 9 февраля 1894 г. сказано, что на пути Цурухайтуй – Цицикар дорога вполне доступна колёсному движению и перевалы незначительны [1; л. 6].

Такие общие указания не могли дать возможности судить сколько-нибудь верно о местности с целью прокладки железной дороги, для чего необходимо было произвести барометрические съёмки и выполнить ряд других исследовательских наблюдений. Это могла сделать только экспедиция из инженеров путей сообщения.

М.И. Хилков, докладывая императору, руководствовался показаниями только географических карт. Они, естественно, «говорили», что ни одно из направлений, намеченных на карте, не должно представлять серьёзных технических затруднений, вроде тех, которые встречались в восточной части Забайкальской железной дороги. По мнению М.И. Хилкова, каждое из двух направлений доставило бы серьёзные экономические выгоды [1; л. 6]. Так, южное направление Чита – река Онон – Цурухайтуй – Цицикар – река Гирин-Яла – Гирин – Владивосток имело протяжение около 2200 вёрст и давало сокращение в расстоянии между Владивостоком и Европейской Россией около 700 вёрст. Сокращение стоимости составило бы 35 – 40 млн руб. Северное направление Чита – Онон – Благовещенск давало сокращение в длине около 250 вёрст и в расходах около 15 млн руб. [1; л. 6 об.]

Для выполнения рекогносцировки местности южнее российской границы М.И. Хилков предложил командировать с Амурских изысканий несколько инженеров, которым поручить выполнить работу «без всякой огласки, в положении частных людей, путешествовавших по своим надобностям» [1; л. 6 об.].

Всего предстояло произвести 3,5 тысячи вёрст рекогносцировочных исследований, на это министр путей сообщения просил 100 тыс. руб., которые могли бы быть временно покрыты из кредитов, ассигнованных на производство изысканий Амурской железной дороги [1; л. 7].

По всеподданнейшему докладу министра путей сообщения последовало «высочайшее соизволение» Николая II на формирование негласной экспедиции для производства исследований части Китая с железнодорожными целями и на расходование 100 тыс. руб. временно из кредита, ассигнованного на изыскания Амурской железной дороги.

Министерство путей сообщения 26 июля 1895 г. просило министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского дать заключение о возможности производства на территории Китая подробной рекогносцировки [1; л. 13].

В это время в Иркутске работала комиссия по обследованию на месте дела сооружения Сибирской железной дороги во главе с заместителем министра путей сообщения Н.П. Петровым. 22 июля 1895 г. он телеграфировал М.И. Хилкову, что рекогносцировку от устья Онона (в Забайкалье) до Владивостока и Бодуне – Ляодунский залив поручил А.Н. Пушечникову. В пределах России рекогносцировка намечалась с разбивкой линии, с инструментальной съёмкой и барометрической нивелировкой [1; л. 14]. В пределах Китая – без разбивки линии и без инструментальной съёмки, но с барометрической нивелировкой перевалов, так как подробную рекогносцировку Китая, требовавшую устройство просек, установки вех, инструментов, измерений, Н.П. Петров считал рискованной без соответствующего разрешения.

Поскольку во всеподданнейшем докладе речи не было о рекогносцировке на Ляодунский полуостров (около тысячи вёрст), а в задании Н.П. Петрова оно появилось, то отпущенных 100 тыс. руб. было недостаточно.

Осенью 1895 г. для выполнения работ командированы четыре изыскательские партии под руководством Г.З. Андронникова, И.И. Мрозовского, Н.С. Кругликова и Н.С. Свягина [2; л. 47].

Партия инженера И.И. Мрозовского произвела исследования от станции Усть-Онон до станицы Цурухайтуйской (442 версты) на реке Аргунь, партия Г.З. Андронникова далее до Цицикара (552 версты), партия Н.С. Кругликова далее до пересечения линией реки Миданьцзяна, близ Нингуты (660 вёрст) и партия Н.С. Свягина далее до Никольского (170 вёрст) [1; л. 127].

Одна из четырёх партий Маньчжурских изысканий, пройдя от Цурухайтуя до станции Забайкальской железной дороги Устье Оно-

на, закончила работы на протяжении 440 вёрст с промером линии лентой и с нивелировкой. Участок оказался горным, местами допущены горные уклоны (0,017) на прямых отрезках. На водоразделе бассейна Аргуни и Онона требовался тоннель длиной 600 саженей [1; л. 22].

Н.С. Кругликов из Маньчжурии 3 ноября дошёл до села Кана-чи, перевалив пустынный, покрытый лесом хребет Ляолин шириной 100 вёрст. Китайские власти встречали дружелюбно, делали подарки, выставляли караулы, давали обед от имени своего императора. Всего было пройдено 185 вёрст на восток до Нингуты. Проведение дороги с уклоном 0,017 на прямых не представляло затруднений. Люди, лошади были здоровы, кроме доктора Руднева, вывихнувшего ногу и оставленного в Нингутае [1; л. 22]. 27 ноября Н.С. Кругликов из Атехе сообщил, что за невозможностью переправы Сунгари работы остановились на несколько дней [1; л. 28].

Партия Г.З. Андронникова прибыла в Благовещенск, сделав подробную рекогносцировку на Рухоту и Цицикар на протяжении 540 вёрст. При переходе Большого Хингана встретились большие трудности. Уклоны составляли 0,017. Причём запроектированы три тоннеля общей длиной 2100 саженей. При сочувствии китайских властей партия Г.З. Андронникова прошла Цурухайтуй – Хайлар – Цицикар через Нерген и через Благовещенск вернулся в Читу [1; л. 23, 40].

Общее протяжение участка Никольское – Муданзан (Мудань-цзян), которое прошёл Н.С. Свиягин, составляло около 270 вёрст. Местность сплошь горная, грунт – камень, много крупных земляных работ. Уклоны горные (0,017) [1; л. 24].

Г.З. Андронников и И.И. Мрозовский выполнили исследования очень подробно (с промером линии, нивелировочными работами, что позволило построить план в горизонталях). В то время как Н.С. Кругликов и Н.С. Свиягин свою часть работы выполнили без подробностей (только с барометрической нивелировкой, и то на части участков), так как была очень сложная местность [3; л. 27].

Подготовку экспедиции Н.С. Свиягин описал в своих воспоминаниях: «Тревожное сомнение в успехе дела пробудилось у меня при ближайшем ознакомлении с условиями снаряжения и действия бывших раньше в китайской Маньчжурии русских экспедиций. Подозрительная придирчивость и противодействие китайских чиновников и

бродящие по стране шайки хунхузов, судя по слышанным в Хабаровске рассказам, могли поставить нас в условия, при которых производство составлявших цель экспедиции наблюдений и исследований оказалось бы совершенно невозможным» [4; 2].

Во Владивостоке 15 дней ушло на снаряжение экспедиции, подбор личного состава, приобретение инструментов, лошадей и снаряжение обоза. Предусмотрели всё до мелочей, чтобы в течение двух месяцев можно было спокойно путешествовать и работать, ни в чём не нуждаясь. Фураж на всё время работы экспедиции не мог быть взят и поэтому рассчитывали на косьбу травы. Запаслись также подарками: сладостями, биноклями, алкогольными напитками и оружием [4; 8–9].

За это же время были выверены все приборы: барометры-анероиды связали с показаниями ртутного барометра Владивостокской метеорологической станции.

Н.С. Свиягин вспоминал: «Наибольшие затруднения при организации путешествия представлял выбор спутников, которые были бы и полезными сотрудниками и хорошими товарищами. Соблюдение последнего условия имеет весьма существенное значение для путешествия в чужой и пустынной стране, где путешественникам приходится делить и труд, и лишения, и опасности. При этом часто неудобные в общении черты характера некоторых ведут к недопониманиям, отражающимся на успехе дела. Я благодарю случай, который дал мне возможность иметь в лице Григория Алексеевича Мосина переводчика, прекрасно владеющего китайским языком и знакомого с обычаями страны, куда мы отправляемся. С добрым чувством вспоминаю я доктора Павла Stanisлавовича Тенчинского и остальных спутников, специализировавшихся по занятиям топографическими работами» [4; 9–10].

22 сентября 1895 г. экспедиция Н.С. Свиягина собралась в селе Никольском.

Работа началась с обследования части государственной границы между 44 и 45 градусами северной широты с целью поиска седловины в хребте, разделявшем две страны.

Врач экспедиции Н.С. Свиягина, старший врач Владивостокского лазарета П.С. Тенчинский сообщил, что экспедиция прошла в санитарном отношении совершенно благополучно, благодаря разум-

ному снабжению экспедиции съестными припасами, хорошей тёплой одежде и обуви, правильному распределению труда, поддержанию дисциплины и хорошему питанию. Люди экспедиции даже «значительно» поправились и имели прекрасный «вид здоровых упитанных людей» к концу экспедиции [1; л. 151].

Работа русских инженеров в Китае выполнялась без разрешения местных властей. Много информации о Маньчжурской экспедиции шло в зашифрованном или секретном виде [1; л. 17, 19, 41, 49].

Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков сделал распоряжение о запрещении печатать в изданиях о железнодорожных изысканиях в Маньчжурии и предлагал сделать такое же распоряжение в Иркутском генерал-губернаторстве [1; л. 35].

Во второй половине января 1896 г. М.И. Хилков приехал в Красноярск, куда А.Н. Пушечников, по его указанию, привёз материалы по изысканиям в Маньчжурии [1; л. 36]. Рекогносцировка была произведена по кратчайшему направлению от строившейся Забайкальской железной дороги через Маньчжурию до Владивостока. Исследовано одно из возможных направлений этой железнодорожной линии, а именно: от станции Усть-Онон на Забайкальской железной дороге до станции Никольской Уссурийской железной дороги.

Длина всех исследованных линий – 1924 версты, не считая вариантов. Хотя все партии возвратились в пределы России, только две, доехавшие до Иркутска, предоставили отчёты, о результатах же работы остальных двух партий, прибывших лишь в Читу, имелись только краткие телеграфные сведения. При съёмке линии и прилегающей местности применялись угломерные инструменты. В равнинных местах дорогу трассировали с уклонами 0,008 в совмещении с радиусами 250 саженей, а в горных – 0,015 при радиусах 125 саженей. Количество вёрст равнинных и горных распределилось так: равнинных – 1393 версты, горных – 531 верста [1; л. 127].

На линии проектированы следующие главнейшие сооружения: а) мосты отверстием от 10 до 80 саженей – 24 штуки; мосты от 80 до 240 саженей – пять штук, б) тоннели – семь штук, общим протяжением 2570 саженей.

За неполучением точных сведений от двух партий могла быть названа только примерная стоимость проектированной линии – 116 млн руб. [1; л. 127]

А.Н. Пушечников рассчитывал, что в дальнейшем, при дополнительных изысканиях, можно было значительно улучшить линию и сократить её стоимость [5; л. 136–142].

Проект Восточно-Сибирской железной дороги по рекогносцировке 1895 г. включал следующие материалы [1; л. 117]:

- а) пояснительная записка;
 - б) 40-вёрстная карта с указанием направления;
 - в) предварительная расценочная ведомость;
 - г) программа производства топографических работ в 1896 г.
- и другие документы (карты, планы перевалов, продольные профили) [1; л. 117].

В то время железную дорогу по территории Китая инженеры-изыскатели называли Восточно-Сибирской. Она так называлась в «Пояснительной записке к проекту Восточно-Сибирской железной дороги от станции Онон Забайкальской железной дороги до станции Никольское Уссурийской железной дороги длиной 1920 вёрст» [6; л. 1].

Таким образом, в 1895 г. силами Управления по постройке Забайкальской железной дороги была произведена рекогносцировка и выяснена приблизительная стоимость работ. Наиболее подходящими пунктами на границе считались, соображаясь с топографическими условиями местности, станции Онон Забайкальской железной дороги и Никольское Уссурийской железной дороги [7; л. 1].

В 1895 г. было установлено [7; л. 1]:

1) что «Восточно-Сибирскую дорогу» можно построить при технических условиях, принятых для участков Сибирской дороги, хотя местами (при пересечении Нерчинского хребта гор Большого Хингана и горных хребтов, расположенных между долиной рек Сунгари и уссурийской железной дорогой) исследованное направление представляет значительные трудности (большие и дорогие работы) для постройки линии при упомянутых технических условиях;

2) длина проектированной линии составила 1920 вёрст, на 837 вёрст короче проектированной линии через Сретенск, Покровку, Благовещенск и Хабаровку до Владивостока (Онон – Покровка – 513 вёрст, Покровка – Благовещенск – 787 вёрст, Благовещенск – Хабаровск – 841 верста, Хабаровск – Никольское – 616 вёрст, всего 2757 вёрст [7; л. 1].

Проект и расценочная ведомость, составленные по исследованиям 1895 г., не могли быть признаны выгодными [7; л. 12]. По этой

причине стоимость без рельсов и подвижного состава 130 млн руб. (с подвижным составом 158 млн руб.) признали предельно большой.

В виду неточности 40-вёрстной карты, по которой Управлением была составлена программа, и малого времени в партиях (4 – 5 месяцев) исследования 1895 г. нельзя было признать выгодными из всех возможных, поэтому в 1896 г. на линию командировали пять партий топографов с двумя производителями астрономических работ для съёмки труднодоступных мест.

К началу 1896 г. изысканиями Амурской железной дороги установлено окончательное направление участка от Зеи до Хабаровска на протяжении около 600 вёрст, а на участке от станицы Покровской до Зеи протяжением около 530 вёрст произведены лишь рекогносцировочные исследования [1; л. 45]. Но проект не мог быть представлен. По предварительным данным длина Онон – Никольское (по российской территории) составила 2434 версты, а стоимость – 149 млн руб., не считая участки Онон – Сретенск и Хабаровск – Никольское [1; л. 129].

Следовательно, выполненные работы не могли считаться законченными, но, тем не менее, давали возможность, в случае если бы в этом представилась надобность, составить для участка Зея – Хабаровск профиль и проект дороги и определить стоимость этого участка на основании подробных данных, и лишь для участка Покровская – Зея таковая стоимость могла бы быть определена только на основе рекогносцировочных данных [1; л. 45].

М.И. Хилков просил разрешения на производство в 1896 г. изысканий по Маньчжурской линии [1; л. 130].

Между тем продолжать работы по изысканиям Амурской железной дороги, в том случае, если ставилась задача направить железнодорожный путь от Забайкальской к Уссурийской железной дороге через Китай, представилось лишним [1; л. 45].

М.И. Хилков предлагал до решения вопроса об окончательном направлении линии остановить предварительные изыскания Амурской железной дороги на всём протяжении и окончательных изысканий на участке от Сретенска до Покровской не проводить. Часть служащих на этих изысканиях должна быть расформирована и оставлена за штатом [1; л. 46].

К упомянутому служащим, оставленным за штатом, министр путей сообщения признал справедливым применить те льготы, которые

были разрешены для служащих при постройке Сибирской железной дороги, увольняемых от службы ранее окончания сроков постройки, по причинам, от их воли не зависящим, а именно пособие на обратный проезд: семейным по пять месячных окладов, одиноким – по три месячных содержания, и сверх того, прогоны на обратный проезд на основании высочайше утверждённых правил 13 июня 1886 г. [1; л. 46]

Рекогносцировочные изыскания в Маньчжурии были проведены, но сведений для составления подробного проекта всё-таки было недостаточно. Требовались дополнительные исследовательские работы, которые, в свою очередь, требовали точных топографических съёмок местности.

Чтобы иметь более точные и определённые исследования местности, по которой сделаны изыскания в Маньчжурии, от устья Онона до Владивостока, М.И. Хилков предложил командировать в Маньчжурию, по согласованию с военным министром, партии топографов для производства, на основе инструментальной подробной съёмки местности, вариантов линии в горных местах, хотя и с увеличением длины, но с устранением дорого стоивших тоннелей и подъёмов. А.Н. Пушечников по заданию министра путей сообщения должен был телеграфировать, в каких местах и на какой площади необходимо было это сделать в течение лета 1896 г. [1; л. 57, 127]

Начальник Управления по постройке Забайкальской железной дороги 22 февраля 1896 г. из Читы телеграфировал, что необходимы съёмки Большого Хингана, на водоразделе Хайла и Ялуян (Ялухэ) и Чол, притоков Ноны, важна съёмка на пограничной части с востока, с запада, меридианом Хуланчен (Харбин), расположенной вдоль параллели Нингуты, шириной к югу 40, к северу 13 вёрст. Желательно было, по его мнению, выполнить съёмки по меридиану устье Онона – Аргунь [1; л. 58].

Во всеподданнейшем докладе 1 марта 1896 г. М.И. Хилков, доказывая необходимость проведения топографических съёмок, предлагал взять средства из кредита на строительство Забайкальской железной дороги на 1896 г. [1; Л. 74]

13 марта 1896 г. министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский в связи с шедшими уже переговорами с правительством Богдохана о строительстве Маньчжурской железной дороги и в связи с тем, что русский посланник в Китае обратился с ходатайством,

просил М.И. Хилкова безотлагательно командировать в Пекин опытного инженера, который мог бы служить посланнику советником по технической части. При этом гофмейстер граф А.П. Кассини предположил для выигрыша времени назначить визитером из одного из находившихся во Владивостоке инженеров [1; л. 84].

М.И. Хилков для помощи по технической части при переговорах с правительством Богдоханом о постройке Маньчжурской железной дороги посланнику графу А.П. Кассини назначил инженера путей сообщения Н. Толпыго [1; л. 96].

Начальник Военно-топографического отдела Генерального штаба И.И. Стебницкий составил список командируемых в Китай астронома и военных топографов в составе трёх партий [1; л. 96]. 22 марта 1896 г. министр иностранных дел просил этот список для графа А.П. Кассини [1; л. 98].

11 мая 1896 г. А.Н. Пушечников при обсуждении с военными топографами и начальниками партий вопроса о топографической съёмке выяснил невозможность выполнить в лето пятью партиями двухвёрстную съёмку в установленных границах длиной 2 991 верста. В связи с этим он предложил поручить съёмку широкой полосой по необходимости по направлению, с которым совпадало направление линии. Чтобы командировка инженеров путей сообщения принесла пользу, А.Н. Пушечников предложил назначить в партию топографов по одному инженеру путей сообщения, а это выполнить было невозможно как по недостаточности суммы, так и за неимением пяти опытных инженеров, которых можно освободить от дел на Забайкальской железной дороге. Командировка одного инженера не принесла бы пользы при отсутствии почты и телеграфа. От этой мысли пришлось отказаться.

Работать партиям на протяжении двух тысячи вёрст, с разъездами только при усиленном конвое, со скоростью 50 вёрст в сутки было трудно.

Чтобы выйти из создавшегося положения, А.Н. Пушечников составил инструкцию чинам Корпуса военных топографов, полагая, что они самостоятельно способны выполнить поручение, так как многие уже принимали участие в железнодорожных изысканиях [1; л. 105].

Взамен прогонных денег чинам Корпуса военных топографов выдавались столовые, добавочные, квартирные деньги от Иркутска

до места работ. Выдавал их А.Н. Пушечников лично по списку, утверждённому военным министром [1; л. 106].

М.И. Хилков просил А.Д. Горемыкина командировать безотлагательно, снабдить денежным довольствием, оказать помощь военным топографам [1; л. 106].

Нельзя не отметить такой факт. Несмотря на сложность формирования и проведения изыскательских работ, М.И. Хилков просил А.Н. Пушечникова, согласно ходатайству императорского русского Географического общества, прикомандировать члена Общества В.Л. Комарова и горного инженера Э.Э. Анерта за счёт Общества к одной из партий инженеров, производивших изыскания по Маньчжурии. Они в то время были в Благовещенске и ставили целью геологическое и ботаническое изучение местности [1; л. 109].

4 июля 1896 г. Министр финансов в секретном письме сообщал М.И. Хилкову, что он со своей стороны вполне разделял мнение о необходимости произвести точные изыскания направления Маньчжурской линии, ибо, рассматривая имевшиеся данные и результаты расценок, он находил их поверхностными: нивелировка выполнена не на всём протяжении и была не двойная, промеры выполнены не по всей длине (шагом), продольный профиль составлен не по всей линии (для участка Цицикар – Муданьцзян на протяжении 600 вёрст промера не было) [1; л. 132]. Всё это объясняется недостатком времени для производства работ (3–4 месяца) при большой длине линии и отсутствии карт.

Требовались подробные изыскательские работы. Официальное разрешение от китайских властей ожидалось нескоро. «Пока же можно быть уверенным, – писал С.Ю. Витте, – в том, что Китайское правительство не будет препятствовать производству изысканий. Со своей стороны я сделаю всё зависящее, чтобы обеспечить пока молчаливое согласие китайского правительства на их производство» [1; л. 132].

М.И. Хилков в телеграмме А.Н. Пушечникову выразил некоторое недоумение по поводу представленных им расценочных ведомостей и записки о строительстве Маньчжурской линии. Необходимо было получить более точные данные до начала работ, поэтому министр путей сообщения требовал срочно произвести окончательные изыскания. Он предлагал организовать три партии инженеров: одну

из персонала Уссурийской дороги с востока, другую – из состава инженеров, имевшихся у Б.У. Савримовича, третью, с запада, – из персонала А.Н. Пушечникова [1; л. 135].

На изыскания, по подсчётам министра путей сообщения, требовалось 900 тыс. руб. [1; л. 138]. С.Ю. Витте был согласен на выделение 442,4 тыс. руб., из них 40 % или 185 тыс. руб. – в 1896 г., остальные – в будущем [1; л. 139].

М.И. Хилкова такая сумма не устраивала. «Я не могу согласиться с мнением Вашим относительно возможности произвести изыскания Маньчжурской линии за 450 тыс. руб., – писал он С.Ю. Витте, – так как даже рекогносцировка обошлась в 100 тыс. руб. Тем не менее, 180 тыс., на которые Вы согласны, достаточны, чтобы начать исследования» [1; л. 158].

А.Н. Пушечников докладывал, что карта неточна, направление невыгодно. Для выбора направления необходимо более подробное топографическое ознакомление с местностью. Хотя весной 1896 г. уже были командированы пять партий топографов, но это не позволяло охватить всю линию. Надо было отправить ещё одну партию для местности Колостуевский караул – Хайлар [1; л. 196]. А.Н. Пушечников считал, что для изысканий нужны 600 – 700 тыс. руб. и две или три экспедиции [1; л. 153].

А.Н. Пушечников не соглашался с тем, что надо срочно проводить изыскания, как этого требовал М.И. Хилков. Партиям пришлось бы делать не окончательные изыскания, а рекогносцировку по направлениям с целью улучшения топографических условий местности.

Невыгодность немедленных изысканий заключалась в том, что инженеры путей сообщения не могли воспользоваться результатами топографических работ, что партиями будут исследованы те местности, исследования которых возложены на топографов [1; л. 196].

Наконец, сама организация партий занимала несколько месяцев (2–3), таким образом, сами изыскания могли начаться в конце октября – начале ноября [1; л. 197].

Исходя из этого А.Н. Пушечников предложил:

- подождать окончания работы топографов;
- на основании карт выбрать направление;
- направить партии для изыскания направления в апреле 1897 г.;

– в случае недостатка топографических данных в апреле 1897 г. направить партии военных топографов в помощь [1; л. 197].

Для изысканий надо было организовать 18 партий на сезон, а работы рассредоточить на два года [1; л. 198].

Такова была принципиальная позиция А.Н. Пушечникова.

В 1896 г. была сделана рекогносцировка силами Министерства путей сообщения по направлению Хайлар – Цицикар – Хуланьчен. Руководствовались, главным образом, всё тем же принципом: найти кратчайшую линию между Забайкальской железной дорогой и Владивостоком.

Исходя из проведённых рекогносцировочных исследований и картографического изучения территории, инженеры видели два направления будущей железнодорожной линии: северное (Цицикар – Хуланьчен) и южное (на Бодунэ /Цяньгочжэнь/ и Нингуту /Нинъань/). Начальная и конечная точки линии на русской границе в обоих случаях оставались почти одними и теми же.

Северное направление более или менее совпадало с результатами исследований Н.С. Свиягина и теоретически представлялось легче осуществимым по сравнительной краткости в нём горных участков (в три раза менее, чем на южном направлении), кроме того, выигрывалось около 150 вёрст на общем протяжении линии.

Но предпочтение всё-таки было отдано южной линии. Основание – большая заселённость (что в действительности не подтвердилось), а следовательно, более широкая сфера влияния в Маньчжурии. Сильным и деятельным сторонником этого направления был товарищ председателя правления Общества Китайской Восточной железной дороги инженер С.И. Кербедз. По поводу заявления о почти очевидной невозможности найти удобный перевал через пересекавший восток Маньчжурии горный хребет Джан-Гуан-Цай-Лин, инженер С.И. Кербедз настоятельно рекомендовал обратиться к содействию небезызвестного в ту эпоху железнодорожного исследователя Н.А. Тихонова, хотя и не имевшего инженерного диплома, но опытного самоучки-практика, который должен был решить эту проблему. Его в итоге и пригласили на выгодных условиях для выполнения изыскательских работ от Никольска-Уссурийского на Нингуту (Нинъань) и далее на запад [8; 41].

Таким образом, оказалось, что при осуществлении Маньчжурской железной дороги расстояние между Владивостоком и Европей-

ской Россией сократится на 514 вёрст, вместо предположенных 700 вёрст, и сбережение составило бы всего 15 млн руб., что было тоже меньше предполагавшегося. Объяснялось это тем, что предполагавшиеся цифры длины были основаны на неточной карте 40-вёрст в дюйме.

Что касается амурского направления Онон – Сретенск – Покровская – Хабаровск – Никольское, то оно было на 548 км или 26 % длиннее Маньчжурского. При этом строительная стоимость Амурского направления от Сретенска до Хабаровска протяжением в 1667 вёрст оценивалась в 149 млн руб. (89 400 руб. на версту), или почти на 15 млн руб. дороже Маньчжурского.

Таким образом, хотя Маньчжурское направление, (участок, подлежавший сооружению) был длиннее Амурского направления, но сооружение Маньчжурской линии обходилось дешевле. Ввиду того, что повёрстная стоимость Маньчжурской оценивалась на 22 % дешевле повёрстной стоимости Амурской линии, у С.Ю. Витте были основания полагать, что на сооружение Маньчжурской линии потребовалось бы не больше времени, чем на строительство линии по долине Амура.

Кроме вышеприведённых экономических расчётов, маньчжурская линия имела, согласно представлению С.Ю. Витте, следующие дополнительные преимущества.

По Маньчжурскому направлению значительно сокращался, а значит, и удешевлялся пробег транзитных грузов. Эта линия намечалась южнее Амурской, местами до 600 вёрст, в местности с лучшим климатом и с «большой производительностью почвы». В долине Сунгари, которую линия пересекала, производили в изобилии хлеб. Линия железной дороги по Маньчжурскому направлению проходила на значительном расстоянии от Амура, вследствие этого водный путь не терял своего значения как дешёвого пути в Приамурском крае, а значит, на реке развивалось бы частное пароходство. При проведении Маньчжурской дороги на Владивосток этот город становился главным портом для большей части Маньчжурии, за исключением самой южной её части, непосредственно прилегающей к Жёлтому морю. Соединение Маньчжурии посредством железной дороги с одной стороны с русским портом на Тихом океане, а с другой – с Сибирью и с Европейской Россией представляло благоприятные условия для

русской торговли, облегчали её развитие как в Маньчжурии, как и в других районах Китайской империи. Наконец, С.Ю. Витте стремился предвидеть возможность сооружения в будущем новых ветвей от Сибирской магистрали вглубь Китая. Если бы их пришлось вести от Амурской железной дороги, то ветви эти надо было бы строить большего протяжения, нежели в том случае, если бы они отходили от Маньчжурской линии, причём в первом случае надо было бы пересекать Амур дорогостоящими железнодорожными мостами. И самое главное, в результате избрания маньчжурского направления Владивосток был бы соединен с Европейскою Россиею двумя паровыми путями: а) непосредственно железнодорожным через Маньчжурию и б) через Амур, Уссурийскую железную дорогу и сретенский участок Забайкальской железной дороги, что представлялось очень выгодным для государства.

Словом, железнодорожная линия по долине Амура делала бы значительное отклонение к северу и соединилась бы Уссурийской железной дорогой у Хабаровска почти под прямым углом, «вследствие чего Великий Сибирский путь, получив характер ломаной линии, значительно уклонился бы от кратчайшего расстояния» [9; 2–3].

Таким образом, в строительном, эксплуатационном и экономическом отношении Маньчжурское направление представляло значительные выгоды перед Амурским. Не менее важным аргументом в пользу Маньчжурского варианта направления Сибирской железной дороги были политические и стратегические соображения. Китайско-Восточная железная дорога должна была пройти по территории Маньчжурии, которая тогда состояла из трёх провинций: Амурской с центром в городе Цицикаре с населением 70 тысяч жителей, Гиринской с центром в городе Гирине на реке Сунгари и населением 270 тысяч жителей, Мукденской с центром в городе Мукдене, представлявшей собой территорию с захоронениями императорской династии.

Итак, во исполнение высочайшего повеления, последовавшего по докладу 12 мая 1895 г., в том же году экспедиция инженеров путей сообщения произвела исследования части территории Китая с железнодорожной целью. Перед этими исследованиями ставилась цель получить такие сведения, по которым можно было бы судить об общем характере местности, по которой предполагалось вести линию железной дороги. Между тем, для выбора выгодного направления требова-

лось ещё много работы, в том числе военных топографов. Эти работы были продолжены в последующие годы.

Изыскательские работы 1895–1896 гг. на территории Китайской империи не только позволили выбрать направление будущей Китайской Восточной железной дороги, но и стали основой для детальных изыскательских работ по этому направлению.

С другой стороны получилось так, что правительство забросило съёмки собственной территории и занялось съёмками местности соседнего государства. Это можно было оправдать только стратегическими и политическими целями.

В то же время русские инженеры продолжали предлагать свои варианты трассирования линии железной дороги.

Страстный защитник линии по берегу рек Шилка и Амур Г.В. Адрианов ещё надеялся, что его вариант будет принят к исполнению. 20 сентября 1896 г. он составил смету на производство изысканий для продолжения Сибирской железной дороги от станции Шилка (Усть-Онон) к Тихому океану, всего на протяжении 2300 вёрст (с вариантами – 2800 вёрст) в сумме 1800685 руб. По смете предполагалось экспедиция из двух партий в составе 13 человек [1; л. 201–210].

Инженер Толмачёв 18 января 1897 г. предложил вести линию до Жёлтого моря или заливов Корейского или Ляодунского [1; л. 226], то есть не только через Маньчжурию, но и через Корею [1; л. 162], так как Владивосток, по его мнению, из-за замерзания вод не мог быть конечным пунктом Сибирской железной дороги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. РГИА. – Ф. 364. – Оп. 6. – Д. 198.
2. РГИА. – Ф. 446. – Оп. 30. – Д. 1.
3. РГИА. – Ф. 364. – Оп. 6. – Д. 57.
4. *Свиягин Н.С.* По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты. – СПб., 1897.
5. РГИА. – Ф. 446. – Оп. 30. – Д. 2.
6. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 32.
7. РГИА. – Ф. 350. – Оп. 61. – Д. 2222.
8. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896 – 1923 гг. По поручению правления Общества и под редакцией специальной комиссии составил агент правления Общества Е.Х. Нилус. – Харбин, 1923.
9. Китайско-Восточная железная дорога: Исторический очерк, составленный канцелярией правления Общества Китайской Восточной железной дороги. Т. 1. 1896–1905 гг. – СПб., 1914.

УДК 625.1(47)(09)

Н.В. Никифорова

ИЗ ИСТОРИИ ПОЕЗДКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ США ПО ЖЕЛЕЗНЫМ ДОРОГАМ СССР В 1930 ГОДУ

В статье рассматривается поездка представителя американских железных дорог в 1930 году прошлого столетия. Целью этой поездки было не только знакомство, но и обследование советских железных дорог, а также выработка рекомендаций для их развития на основе увиденного.

The article deals with a trip representative of American Railroads in the 30-ies of the last century. The purpose of this trip was not only familiar, but also a survey of the Soviet railways, and to make recommendations for their development, on the basis of what he saw.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Ральф Бадд, Кругобайкальская железная дорога, советские железные дороги, рельсы, вечная мерзлота, тоннель, галерея, ручей, рекомендации.*

KEYWORDS: *Ralph Budd, Circum-Baikal Railway, Soviet railroads, rails, permafrost, tunnel, gallery, stream, recommendations.*

Поездку Р. Бадда по советским железным дорогам можно отнести к одной из страниц истории сотрудничества Российской империи, Советского Союза и Соединённых Штатов Америки в области железнодорожного транспорта. Таких «страниц» было несколько. Примеры сотрудничества можно видеть и в период Первой мировой войны, когда Россия заказала в США подвижной состав, и в период Великой Отечественной войны, когда Советский Союз вновь обратился к пра-

Никифорова Наталья Владимировна, соискатель кафедры философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения.

вительству США за помощью, заказав рельсы и паровозы.

И вот в 1930 г. по приглашению советского правительства в СССР приехала американская железнодорожная делегация во главе с президентом железнодорожной компании Great Northern Railway («Великой Северо-Американской железной дороги») Ральфом Баддом. В составе делегации были: Генри Дуган, Вильям Вуд, Джон Бадд, Гомер Бассет.

Путешествие Р. Бадда с коллегами продолжалось с 9 июня по 20 августа 1930 г.

Знакомство началось с осмотра Московского железнодорожного узла. 20 июня Р. Бадд отправился в Харьков, Днепропетровск, Красный Лиман. Затем он посетил Ростов, Кисловодск, Владикавказ, Тифлис, проехал по железной дороге Средней Азии. На несколько дней останавливался в Ташкенте, Новосибирске, Омске, Самаре, Пензе. Съездил в Ленинград.

Целью поездки было и обследование советских железных дорог, а также выработка рекомендаций для их развития.

Была организована поездка американской делегации в Ленинград.

Выводы Р. Бадда были принципиальными. Для того, чтобы иметь наиболее совершенный транспорт с возможно низкими затратами, железные дороги СССР должны были провести, по мнению комиссии, многие усовершенствования [1; 141]. Прежде всего необходимо было ввести автоматическую сцепку на всех вагонах и паровозах [1; 2; 113], оборудовать воздушными тормозами подвижной состав [1; 1; 2], заменить вагонный парк вагонами большой грузоподъемности [1; 1; 6], применять паровозы большой мощности. Железнодорожный путь требовал кардинального улучшения. В СССР лежал путь лёгкой конструкции. Требовалось усилить его количеством и увеличением размеров шпал, применением рельсов рационального сечения, использованием усовершенствованных накладок, болтов, подкладок, стрелок и крестовин. Путь требовалось выправить в плане и профиле, придав возвышение наружному рельсу в кривых, важно было смягчить уклоны. В США железные дороги проектировались и строились с меньшими уклонами, чем в СССР.

В США ещё в 1910-е годы в пути лежали рельсы типа Р-44 (в одном метре 44 кг), а в 1930-е гг. они были заменены рельсами Р-64

кг [1; 2; 113]. Поэтому уже в 1930-е гг. в США скорость поездов доходила до 60–65 миль в час, причём в кривых 1910 футов, а в СССР она составляла 30–40 миль в час [1; 1; 6].

Комиссия Р. Бадда предлагала развить станции, переоборудовать мастерские и депо и сократить количество железнодорожных управлений в стране.

Только тогда советские железные дороги можно было сравнить с дорогами США.

Американские специалисты выступали против широкой электрификации железных дорог СССР. Они считали это нерациональным. По их мнению, можно было электрифицировать только небольшой участок около Ленинграда для пассажирского сообщения и расширить электрифицированное пассажирское движение вокруг Москвы [1; 1; 2].

Во время изучения советских железных дорог Р. Бадд сделал интересное предложение. Он предлагал услуги американских специалистов для совершенствования советских железных дорог. В отчёте комиссии написано: «Железная дорога и принадлежащие ей имущества составляют такую сложную организацию, что было бы весьма затруднительно ввести новую систему эксплуатации железнодорожной сети большого протяжения без помощи эксплуатационников и инженеров, имеющих опыт в новой системе эксплуатации. Мы признаём весьма желательным, чтобы руководители центральных железнодорожных управлений пользовались консультацией таких экспертов по стандартам, правилам эксплуатации, методам работы и практическим приёмам. Если бы вдобавок к этому эксплуатация одного участка советских железных дорог, примерно в 300 миль, могла бы находиться под непосредственным руководством американских служащих, то пример управления американскими железными дорогами был бы более наглядным и имел бы больше практического применения системы управления Соединённых Штатов на советских железных дорогах» [1; 1; 3].

После осмотра железных дорог в Европейской части, Закавказье, Средней Азии, Западной Сибири, комиссия Р. Бадда отправилась в Восточную Сибирь и на Дальний Восток.

9–12 августа 1930 г. был осмотрен участок Забайкальской железной дороги от станции Иркутск до станции Сковородино.

Станция Иркутск произвела на Р. Бадда хорошее впечатление. Кроме двух главных линий на станции имелось ещё 17 путей. Главный путь находился прямо перед станцией, без всяких боковых приёмочных путей. На каждом конце станции имелись переезды из брусчатого настила. Гидравлическая колонка находилась между главными путями, так что паровозы могли брать воду, пока производилась станционная работа. Товарный склад и пути, обслуживающие его, находились вблизи пассажирской станции со стороны главного пути. С другой стороны парка, прямо напротив пассажирской станции, имеется товарный склад с путями, обслуживающими его и гужевой путь. С правой стороны парка имелся вагонный парк, мастерские располагались с противоположного от товарного склада конца станции [1; 2; 73].

Путевые рельсы использованы, как и везде, вдоль края станционной платформы, а на станции имелись габаритные столбы из рельсов.

Р. Бадд видел на многих советских станциях такое расположение, когда станция находилась не на главном пути, а разъездные пути располагались между главным путём и станцией, и где поезда, когда они должны подойти к станции, шли по стрелкам и переводам с крутыми кривыми для того, чтобы они могли ближе подойти к станционной платформе, или же где пассажирский поезд подавался среди нескольких промежуточных путей и пассажирам и другой публике разрешалось перелезть через пути и высокие вагоны для того, чтобы попасть к поезду.

Поэтому на комиссию Р. Бадда произвело хорошее впечатление в смысле простоты, удобства и доступности устройство станции Иркутск. Станция была чистая, тракционные (деповские) пути имели лёгкий поверхностный слой гравия [1; 2; 73].

9 августа комиссия Р. Бадда осмотрела участок Кругобайкальской железной дороги от Иркутска до станции Мысовая. Было сделано несколько остановок в наиболее сложных и опасных местах, связанных со скальными обвалами, а также был показан тоннель, доставлявший много проблем железнодорожникам.

Р. Бадд заявил, что в условиях Кругобайкальской железной дороги для укрепления скальных откосов он предпочитал наиболее надёжным средством использование опорных стенок, каковые на

Кругобайкальской железной дороге имелись, но не в достаточном количестве. Он считал, что нужно было идти более усиленными темпами в устройстве опорных стенок и тем предупреждать дальнейшее разрушение откосов. Кроме того, Р. Бадд считал, что в местах, где падение камней происходило с высоких скал, надо было ставить галереи с наклонными крышами, которые не допускали бы падения камней на путь, сбрасывая их через рельсы, то есть галереи должны быть построены с достаточно большим наклоном [2; Л. 45]. (Такие галереи уже были на Кругобайкальском участке).

В наиболее опасных местах на Кругобайкальском участке были установлены круглосуточные дежурства сторожевой охраны. Р. Бадд считал, что этот способ недостаточно гарантировал безопасность движения, и он рекомендовал установить в таких опасных местах сверху над путями проволочные сетки, которые должны быть связаны с блок-постами с обеих сторон опасных мест. В случае падения камней сетка разрывалась бы, происходило замыкание электрического тока, и вход на опасный участок закрывался с обеих сторон автоматически. Этот способ Р. Бадд считал более безопасным для движения поездов.

Не могли железнодорожники не показать расположенный на 123-м километре тоннель № 18-бис. Это было самое «болезненное» место не только на Кругобайкальском участке, но и всей Забайкальской железной дороге.

Поезд с комиссией Р. Бадда остановился у тоннеля № 18-бис, внутренняя обделка которого была совершенно мокрой и который, как ему сказали, был особенно мокрым несколько месяцев в году, а зимой в нём образовывалось обледенение.

Сегодня это место известно многим путешественникам под названием «123-й километр» или «Киркирей». Здесь туристы любуются не только и не столько красотой байкальских пейзажей, сколько восхищаются и удивляются необычности инженерных решений. Одно из них заключалось в том, что ручей Киркерей был переброшен через галерею тоннеля (не сам тоннель, а именно галерею). Это самое сложное и одно из самых опасных мест на Кругобайкальском участке с момента строительства второго пути и, можно сказать, до сегодняшнего дня. Вода, текущая через галерею – это только часть «айсберга». Большая часть воды просачивается по трещинам в горных породах и попадает в тоннель, образуя там в зимнее время серьёзные наледи.

Несомненно, причиной этого явления являлся ручей. Для дренажа этого ручья был устроен водоспуск, который отводил эту воду, переходя железнодорожный тоннель. Р. Бадд справедливо считал, что, по-видимому, некоторая часть воды не попала в этот водоспуск. При этом его уверяли, что последнее не имело места. Р. Бадд предлагал исправить это положение путём укладки дренажных труб для подвода воды к канаве из разных источников. Или же пудлингованием верховьев ручья, откуда она просачивается в трещины. Этот вопрос на месте обсуждался с представителем Забайкальской железной дороги [1; 2; 73].

В районе станции Танхой комиссия Р. Бадда осмотрела место, где путь сильно пучился. Зимой пучины достигали 35 см [1; 2; 73]. Это опасное явление для эксплуатации железной дороги.

На участке Танхой – Мысовая, где имелось большое количество ручьёв, Р. Бадд сделал заключение, что нижний слой полотна состоял из глинистого грунта, каковой являлся основной причиной больших пучин. Р. Бадд считал, что помимо углубления кюветов, которые были вдоль полотна и которые в данных условиях очень мало помогали, необходимо было пойти на расходы по изъятию глинистого балласта из-под рельсов с заменой его песчаным. Он заявлял, что он на месте советских инженеров «не постеснялся бы большими расходами по замене земляного полотна, так как это в ближайшее время окупится».

При проезде по Томской и Забайкальской дорогам Р. Бадд обратил внимание на непонятное для него устройство вторых мостов, которые устроены на некотором расстоянии друг от друга, в результате чего все подходы к мостам сделаны на кривых. Р. Бадд рекомендовал во многих местах эти кривые изъять путём приближения мостов друг к другу или же врезать более пологие кривые [2; л. 45].

Дирекцией Забайкальской железной дороги перед Р. Баддом был поставлен вопрос о порядке обслуживания паровозами длинных плеч. Забайкальская железная дорога в 1929 г. имела неудачный опыт вождения товарных паровозов с длиной плеча в 500 км, причём в 1930 г. работники Забайкальской дороги хотели повторить этот опыт.

Р. Бадд высказался категорически против применения такого метода в условиях Сибири и Дальнего Востока. По его мнению, это было абсолютно недопустимо. Такой метод влиял на ухудшение состояния паровозного парка и эксплуатационных показателей [2; л. 45 об.].

Во время проезда по Забайкальской железной дороге Р. Бадд и вся американская комиссия заинтересовались условиями вечной мерзлоты. Р. Бадд очень подробно ознакомился со всеми явлениями вечной мерзлоты и старался получить максимум сведений из опыта эксплуатации Забайкальской дороги. Р. Бадду показали Черновские копи, где американцы воочию убедились в наличии в слоях угля льда и мёрзлых слоёв земли. Для них это было в диковинку. Дальше Р. Бадду были показаны развалившиеся от влияния вечной мерзлоты депо Зилово, Могоча, разрушаемые деревянные здания от громадных пучин и другие объекты, построенные в конце XIX в. в условиях вечной мерзлоты. Р. Бадд был растерян. Он сказал, что так как не имел опыта, он не мог давать никаких советов [2; л. 45 об.].

Р. Бадд заявил, что это единственный вопрос в железнодорожной практике, где он чувствовал себя беспомощным. Он поручил своему сыну Джону – инженеру – для получения диплома в Америке изучить проблему вечной мерзлоты в Сибири и просил дать все данные, какие могут быть в распоряжении инженеров и практиков Забайкальской железной дороги [2; л. 45 об.].

При подъезде к реке Селенге Р. Бадд и его спутники осмотрели железнодорожный мост. Наши современники при взгляде на искусственные сооружения, построенные в царский период на железной дороге, всегда с изумлением и гордостью говорили, что, мол, вот строили: сто лет простояли сооружения и нечего им не сделалось. На самом деле это обманчивый взгляд на вещи. Многие искусственные сооружения после нескольких лет эксплуатации необходимо было ремонтировать. Например, в 1926 г. были замечены небольшие трещины в пролёте моста через реку Селенгу. Это исправлено путём наклёпывания новых уголков [1; 2; 75].

Путешествие комиссии Р. Бадда закончилось 19 августа 1930 г. во Владивостоке. Отсюда на следующий день комиссия отправилась к себе на родину.

Поездка американских специалистов по кругобайкальскому участку не осталось только экскурсией. Многие замечания и пожелания комиссии Р. Бадда были взяты на вооружение, во всяком случае, на Забайкальской железной дороге, и стали воплощаться в жизнь.

Так, на 145 км между тоннелями была подвешена специальная металлическая сетка, предупреждавшая о падении камней. На многих

потенциально опасных участках были построены бетонные и каменно-бетонные подпорные стенки. Где путь подвергался пучению, глинистый балласт был заменён на шлак (Р. Бадд рекомендовал песок, но песок необходимо добывать и советские специалисты пошли более дешёвым и не менее надёжным путём – заменив песок на шлак, который был в изобилии на дороге в отвалах рядом с железнодорожным полотном). Что касается ручья Киркирей, то ещё в 1920-е гг. геолог А.В. Львов с помощниками проводил опыт определения источников притока воды в тоннель № 18 бис. И в 1930-е гг. тоннель не оставался без внимания учёных, которые пытались найти причину попадания воды вовнутрь сооружения [3].

Эта поездка американской делегации явилась как бы продолжением сотрудничества российских и американских железнодорожников, которое существовало с середины XIX века. Американские железнодорожники принимали участие в сооружении железной дороги Петербург – Москва. Перед сооружением Великой Транссибирской железнодорожной магистрали, десятки российских инженеров путей сообщения были командированы в США для изучения строительства железных дорог в этой стране. Российские инженеры были знакомы с американской железнодорожной техникой, так как Россия в годы Первой мировой войны заказывала часть подвижного состава в США. США в годы Гражданской войны в России сами поставляли свою технику в Сибирь. Это и позволило тесно сотрудничать в сфере железнодорожного транспорта в годы Второй мировой войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бадд Р., Дуган Г., Вуд В., Бадд Д., Бассет Г. Отчет о железных дорогах СССР. В 2-х т. – М. : Стеклография Ц.Б.Ш.О. НКПС. Б/г.
2. РГАЭ. – Ф. 1884. – Оп. 29. – Д. 3.
3. Архив ВСЖД. – Оп. 206. – Д. 4. – Л. 53 – 54 об.

УДК 17.024.1

А.В. Егоров

**СОВЕСТЬ КАК «ВЕЩЬ В СЕБЕ» И КАК
«ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ ЯВЛЕНИЕ»**

К юбилейной дате И. Канта (1724–1804)

В статье рассматривается проблема совести в этике И. Канта. Совесть Кант отсылает в трансцендентное поле, она своеобразный дар Бога человеку. Она заложена в человеке изначально, это внутренний голос свыше.

In article the conscience problem in I. Kant's ethics is considered. Kant's conscience send in a transcendental field, it sobrazny gift of God to the person. It is put in the person initially, it is an internal voice from about.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *Априорность совести, трансцендентный голос, категорический императив, «вещь сама по себе».*

KEYWORDS. *Apriority of conscience, transcendental voice, categorical imperative, phenomenon essence, «thing in itself».*

Совесть, по Канту, – это априорное понятие в познании самого себя и оценки своих поступков. Априорность совести означает, что она не имеет прямого непосредственного отношения к жизненному опыту, а благодаря особым познавательным способностям человека присуща ему изначально. По Канту, априорные знания – это знания,

Егоров Александр Владимирович, доцент кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения.

полученные независимо от непосредственного опыта, они как результат своеобразной способности разумной природы человека. «... Совесть не есть нечто приобретаемое, и не может быть долгом приобретение её, каждый человек как нравственное существо имеет её в себе изначально» [1; 335].

Кант считал, что вещи, воздействуя на нашу чувственность, пробуждают одновременно и некую внутреннюю активность человеческого познания. По Канту, опытное знание образуется от воздействия воспринимаемых нами предметов (вещей самих по себе) и способности нашего сознания к чувственным впечатлениям. Такой совокупный процесс и дает нам не только опытное, но и внеопытное познание. Знание, предшествующее опыту и независимое от него, Кант называет априорным.

Человек и его совесть, по Канту, рассматривается с позиции двух истин: как явление и как «вещь сама по себе». Совесть, по Канту, представляет свободу человека, который способен выбирать свои поступки, обладая свободой воли, он может отходить и отклоняться от нравственного императива.

По Канту, в мире явлений, в причинной цепи действий человека нет вольного, свободного поступка, словом, здесь господствует жесткая необходимость. Человеческие действия и поступки на уровне явленной чувственности строго детерминированы и обусловлены. Как видно, мир явлений, по Канту, имеет важную особенность, он поддается теоретическому изложению, теоретической деятельности. Совесть как явление человека, как проявление его чувственного качества нельзя познать с позиций только чистого разума. Нам известно, что совесть как явление раскрывается в мире поступка человека, которому свойственно чувственно-разумное переживание мира.

Человек как «вещь сама по себе» свободен, он наделен свободой воли. А любая свобода должна быть культурно-ответственной, она не должна выходить за рамки культуры общества и совести личности. В таких условиях необходим нравственный закон, нужно его свободное и добровольное выполнение без всяких эмоций и предпочтений. В этом случае необходим, по Канту, внутренний повелитель – совесть, которая раскрывает человека изнутри как субъекта. Переживания, которые возникают в человеке в связи с невыполненным требованием морального закона-долга и упрёки со стороны внутреннего судьи-об-

винителя, «...приговоры той удивительной способности в нас...» [2; 427] Кант называет совестью.

Кант говорит о наличии совести человека как о доопытном явлении, что совесть – это божий дар, но Бог ее только заложил в человека, а человек должен открыть, развить и воспитать ее в себе. Воспитание совести, как и добра, всегда было социальным явлением, оно отражало специфику исторических общественных отношений.

Общественные отношения Германии строились при жизни Канта на основе унижительной регламентации абсолютистско-политического режима. Немецкие философы в то время трудились над проблемой «доброй и злой воли», отсылая ее в мир божественного провидения, они старались обезопасить свое социальное положение, найти «в чистой метафизике» практическую философию для жизни и службы народа. Но каждая историческая эпоха нуждается в здоровых нравственных отношениях. И Кант находит решение данной проблемы, он создает учение о категорическом императиве с его нравственным повелением.

В практической философии, то есть в этике, Кант нашел необходимый и всеобщий закон. И таким законом становится долг, выступающий в форме категорического императива. Совесть, по Канту, как и долг, является всеобщей и необходимой нравственной формой отношений между людьми. Но совесть, по Канту, не только требование общества, но и Бога.

Естественно, совесть как явление должна иметь исторические границы. Она должна служить людям, должна стать из вещи в себе вещью для человека, необходимой и всеобщей вещью для человечества, иметь носителя и выполнять функцию регулятора. Она должна стать нормой для каждого из нас, а для этого нужны социальные условия. Совесть и долг не могут быть «сверхопытными», они должны быть социально-естественным фактом отношений между людьми. Совесть и долг могут быть доопытными, априорными, как определенная нравственно-волевая установка человеческих отношений в обществе.

Нравственная воля человека не должна никогда пользоваться им только как средством, она должна рассматривать его как самоцель. А совесть – это и есть цель в себе самой, своеобразный фактор реализации самоцели.

Кант рассматривает совесть как «вещь сама по себе», она есть трансцендентное проявление идеального. Кант не допускает понятие совести в рамки чувственного мира, она находит свое место в сверхчувственном мире вещей. Он уводит совесть из реальных практических отношений в область идеальную, определяя ей место наряду с бессмертием души, свободой, богом.

Человек – это активный субъект, наделенный волей, практическим разумом. Кант, говоря об априорности знаний по своей форме, все же ссылается на то, что их содержание в конечном итоге зависит от опыта. Из всех априорных знаний Кант выделяет «чистое априорное» знание, к которому совершенно не примешивается ничто эмпирическое и которое имеет всеобщий и необходимый характер – это законы и категории. Априорны эти знания лишь по своей форме, но их содержание проистекает из опыта. Априорные формы чувственности и рассудка человека организуют, придают связность и упорядоченность хаотическому знанию, полученному из опыта.

Кант очищает нравственный долг от всех чувств, эмпирических склонностей при его выполнении. Если в мире есть необходимость и всеобщность общественных отношений, их соответствующие качественные и количественные критерии, то эти отношения должны иметь всеобщую форму нравственного поведения людей. Отношения людей должны быть упорядочены по их содержанию, по их качеству, так же как должны быть упорядочены в соответствующие формы хаотические знания, полученные из опыта с помощью чувств.

Если всеобщей и необходимой формой чувственности, по Канту, является пространство и время, то априорной формой рассудка становятся нравственные категории долга и совести. Мир явлений упорядочен с помощью всеобщих и необходимых форм чувственного созерцания и категорий рассудка.

По Канту, рассудочные формы – это чистые рассудочные понятия и категории. Рассудок представляет собой способность создавать единство феноменов посредством правил. Совесть как проявление нравственности практического разума Кант относит к трансцендентному миру.

Совесть и долг есть определяющие формы морального поступка. Совесть – это тоже максима, которая должна быть нравственной необходимостью, законом, но осознанным и оценочным регулятором

поступков человека. Одни люди в своих поступках руководствуются, может быть, только долгом, не подразумевая, что существует совесть, другие различают долг и совесть, считая это единым целым, третьи не знают ни долга, ни совести. У Канта долг – это чистая форма, лишенная человеческих чувств и конкретно-исторических условий. А совесть как трансцендентное явление, недоступное теоретическому познанию, он относит к сфере веры и бога.

По Канту, категорический императив, исполнение долга вообще – это форма поступка, ничего не говорящая о его содержании, она важна сама по себе. Выходит, что Кант разрывает форму и содержание, теоретический аспект отрывает от практического, где теоретическое у Канта как результат осмысления являющегося мира, а практическое увязывается со сверхопытным, сверхчувственным, божественным постулатом.

Если совесть, по Канту, как вещь сама по себе не познаваема, она трансцендентна, то ее можно открыть, ощутить путем откровения, как божественную истину, но ведь не всем дан дар Божественного откровения. Реально к внутренней, нравственной культуре человек может прийти только путем самосовершенствования и процесса социализации.

Конечно, категорический императив – это только оболочка нравственных общественных отношений. По Канту, категорический императив не содержит в себе никакого условия, которым бы он был ограничен кроме самой всеобщности закона вообще. Но у Канта нет и конкретных указаний на то, какие именно максимы должны выступать в роли принципов всеобщего законодательства, и он не может окончательно отказаться от эмпирии, так же как не могут быть мысли без содержания и созерцание без понятий. Он вынужден дать такую формулировку категорического императива: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [3; 270].

Вот это исключительное соблюдение долга, нравственного императива включает в себя и совесть (внутренний императив), которая сливается у Канта с внешним долгом и исчерпывается им. Форма категорического императива подменяет совесть, тем самым лишая личность свободы практического выбора. Кант возводит беспристраст-

ную форму во всеобщий закон, дополняя «Метафизику» абстрактным всеобщим законом практической философии, то есть этикой. Но ведь любой правовой, нравственный социальный закон должен иметь свое содержание, а каждый исполняющий его – гамму чувств отношений к нему.

Если Кант нисходит до содержания закона, то оставляет ему малую толику – это быть и жить по категорическому императиву, то есть быть законопослушным, выполнять долг. Но ведь любой долг в государстве исторически конкретен, следовательно, выполнение долга во время жизни Канта – это соблюдение законов германского государства.

Разрыв формы и содержания связан с разделением явления и сущности. Явление реализуется в чувственности человека и находит свое отражение в гносеологии, в теоретическом изложении, а вещи сами по себе, которые существуют независимо от нас и нашего сознания, у Канта не познаваемы и закрыты. «Вещь в себе», по Канту, даже лишена материальной субстанции. Этот разрыв Канта связан с двумя видами познания: трансцендентальным и трансцендентным. Последний вид познания, по Канту, нуждается в вере, в постулате божественного провидения. Так, Бог есть непознаваемая вещь сама по себе.

Перенесение реальных этических, общественно-исторических противоречий в умопостигаемый мир являлось уровнем развития общественной мысли и требованием тогдашней господствующей идеалистической философии. Такая установка в философской мысли – плод немецкой действительности, которая не давала возможности практическому решению реальных противоречий общественной жизни, исключала даже возможность адекватного отражения этих противоречий в теоретической мысли.

Кант не мог выйти из сложившейся исторически-социальной колеи общественных отношений немецкого идеализма. Противоречия времени, которые переживает Германия, – это отражение противоречий во взглядах и теории Канта. Кант признавал неискоренимость зла, противоречия в общественной жизни и вместе с тем полагал, что в душе человека живет неистребимое желание творить добро, быть нравственным в поведении и поступках. Кант рассуждал, исходя из долга, что если в душе человека нет чувства любви, то пусть хотя

бы будет чувство уважения, а сама «ненависть к человеку всегда отвратительна» [1; 337].

Кант допускал наличие совести, нравственный миропорядок не в границах опыта, не в эмпирическом мире, а только в умопостигаемом мире. Проявление совести, по Канту, может быть достигнуто в постулируемом, идеальном мире. Практическому разуму может удасться решить эту задачу при условии, если разум способен привести сознание человека к непоколебимому убеждению в существовании свободы, бессмертия души и бога. При этом под свободой Кант понимает способность человека совершать нравственные действия независимо от объективных причин реального мира, а под бессмертием – бессмертие души и существование бога. Под вещами самих по себе понимает Кант особые объекты идеального мира: это бессмертие, свобода и Бог, они есть сверхприродная причина мира. Время, в котором жил Кант, настаивало, чтобы вера в их «бытие» не могла быть поколеблена никакой научной критикой, никаким прогрессом научного знания.

Понятие совесть Кант рассматривается как «вещь сама по себе» и постулируется как божий дар, он говорит о ней, что она присуща человеку как необходимое духовное начало. Выходит, что Кант рассматривает человека с позиций христианской культуры. А по христианской культуре нет человека вообще, а есть богочеловек, то есть человек как объект воздействия Бога и как активный субъект, наделенный свободой воли.

Человек как реальное явление наделен разумом, душой, любовью и совестью, а это есть высшие культурные ценности общества, которые человек должен не только познать, но и их соблюдать. Отсюда, нельзя убивать тело, осквернять душу, разум и совесть, что противоречит выстраданным общечеловеческим принципам и христианству.

Человек сам создает себя в результате самопознания и самосознания как социальное существо и как продукт этих отношений. Трудно сказать, что должно быть определяющим: человеческое или божественное. Божественное – это человеческий идеал, выстраданный всей историей человечества. Человеческое и божественное представляют единое целое как долг и совесть, как внешний, так и внутренний императив общества и человека. Не случайно человеческий гений создает богочеловека как идеальное существо.

Итак, у Канта просматривается двойственная позиция на понятие совести и ее проявление. Кант отличает природную необходимость от разумной свободы человека, отделяет сущность от существования, форму от содержания, совесть как проявление самосознания, как задаток, заложенный в человеке и развитый обществом, от совести трансцендентной, божественной.

Совесть как вещь сама по себе связана со свободой воли, с идеей Бога и бессмертия. На данном разумном уровне совесть у Канта является как постулат Божий, как Божий дар и как его Судья в человеке. Кант допускает постулат веры. Эту непознаваемость вещей самих по себе Кант перекрывает допуском веры, практическим разумом. Если люди верят, обращаются к Богу как к совести и выявляют свое самосознание, умирят себя и каются в своих проступках – значит, совесть существует. Совесть как проявление Бога нужна как Бог. По Канту, у некоторых она так далеко заложена, что подчас человеку не под силу ее обнаружить даже с помощью Бога.

Совесть, как и Бог, не подчиняется законам физического детерминизма, является невидимым двойником как субъекта, так и объекта. Кант не случайно вводит сферу ноумена, которая находится за пределами чувственного опыта. Понятие ноумена призвано ограничить возможности применения научного разума и тем самым сохранить пространство и место для религии и совести.

Трансцендентное в познании у Канта призвано ограничивать науку верой, а совесть Богом. Канту нужна была определенная смелость, чтобы изложить свою философию в таком содержании, сказать, что человек «есть цель сама по себе, то есть никогда никем (даже Богом) не может быть использован только как средство» [2; 465], Бог нужен нравственности, а не нравственность Богу.

У Канта идея Бога «...следует из морали и не есть ее основа» [4; 9]. В свое время Кант был предупрежден самим королем Фридрихом-Вильгельмом, что он принижает основные положения Священного писания и христианской веры. Можно сказать, что совесть у Канта есть противоречивое сочетание чистого и практического разума, как продукт проявления необходимости и свободы, земного и небесного дара. Абстрактное и в то же время аскетическое разрешение Кантом проблемы совести открывало новую критическую картину духовного мира человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Сочинения в 6-ти т. – М., 1963–1966. Т. 4. Ч.1.
2. *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях. Сочинения в 6-ти т. – М., 1965–1966. Т. 4. Ч. 2
3. *Кант И.* Критика практического разума. Сочинения в 6-ти т. – М., 1963–1966. Т. 4. Ч. 1.
4. *Кант И.* Об изначально злом в человеческой природе. Сочинения в 6-ти т. – М., 1963–1966. Т. 4. Ч. 2.

УДК 7.01

Ю.Н. Куленков

О ГРАНИЦАХ ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО

В статье раскрывается авторский взгляд на содержание и соотношение категорий «эстетическое» и «художественное», их значения в формировании образов прекрасного и совершенного.

In article the author's view of the contents and a ratio of the categories «aesthetic» and «art», their value in formation of images fine and perfect reveals.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эстетика, художественный образ, искусство, символ, художественная форма.

KEYWORDS: esthetics, artistic image, art, symbol, art form.

В этой работе затронуты традиционные вопросы эстетики. Изложение их выглядит как прохождение уже пройденного материала. Однако важным здесь является мое индивидуальное видение затронутых проблем. Поскольку я вижу расхождение с моей интерпретацией, постольку беру смелость высказаться об этом.

В опубликованной в 1965 году работе Г.И. Пospelова «Эстетическое и художественное» [18] правильно названы две сферы духовной человеческой деятельности. С одной стороны, это – эстетические свойства действительности, которые являются определителем эстетического познания, а с другой стороны, понятием *художественное* обозначены сущность и содержание искусства. Несмотря на недостатки этой работы, отрицающей ценностный подход к искусству и эстетическому отношению, границы эстетического рассматриваются в своих пределах.

Эстетическое в действительности выступает, – по мнению автора, – как предметно-чувственное проявление внутренней природы самих вещей. Их высокая степень структурной организованности становится эстетической ценностью. Но здесь, в определении, недостает второго компонента – субъекта, наделенного своим содержанием и воспринимающего объект с позиций своей целесообразности, интересов, вкусов и идеала. Поэтому в работе ценностно-ориентированное отношение художника к явлениям жизни весьма скромно названо «идеологическим мирозерцанием».

В это же время эстетическую теорию, базирующуюся на учении о ценностях и субъект-объектных отношениях в человеческой деятельности, разрабатывает М.С. Каган. И выдает ее вполне законченной в работе «Лекции по марксистско-ленинской эстетике» [11].

С тех пор подход к определению эстетических категорий существенно не изменился.

В «Большой энциклопедии» [4] эстетическое рассматривается как все относящееся к эстетике как науке. Объединяет познавательные и оценочные аспекты. Художественная деятельность, искусство является высшей формой эстетического.

В книге В.В. Бычкова «Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века» [15] категория «эстетическое» определяет духовно-материальный опыт человека, направленный на освоение внешней по отношению к нему реальности, и все поле связанных с ним субъект-объектных отношений. Опыт духовный назван чистым созерцанием. Опыт духовно-материальный – художественным творчеством, эстетической деятельностью. Однако под эстетическим созерцанием подразумевается еще «созерцание чистой духовности» – «состояние сущностного слияния с Универсумом и его Первопричиной» [15, с. 545]. Такое понимание эстетического созерцания предопределено мировоззренческой позицией автора. Также весьма проблематично считать, что эстетическое свидетельствует о сущностной целостности Универсума. Единичное, особенное и всеобщее существует в противоречивом единстве. Особенность эстетического отношения человека к миру заключается в его конкретно-чувственной форме восприятия отдельных, индивидуальных явлений. И через них постижение сущностей и закономерностей того мира, который благотворно, соразмерно и сообразно взаимодействует с человеком.

О СООТНОШЕНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО

Эстетическое и художественное как современные категории связаны с познавательной, предметнопреобразовательной и ценностно-ориентированной деятельностью человека. Они вышли из одного первобытного синкретического сознания. Оформились как самостоятельные виды деятельности. Их общей основой остается предметная чувственность воспринимаемой и изображаемой действительности. В результате эстетической и художественной активности образуются эстетические и художественные ценности. Они относительно тождественны. Имеют общий эстетический критерий оценки. Художественное как высшее качество искусства измеряется эстетической оценкой.

С чувственной формой восприятия художественного произведения связана эстетическая функция искусства, позволяющая ему на все времена запечатлеть в художественных ценностях памятники мировой культуры.

Эстетическое и художественное представлены в действительности как явления. Они доступны органам чувств и отображаются в сознании человека в виде чувственных образов. На этой чувственной основе идет в дальнейшем формирование эстетического отношения, а также познавательная и изобразительная деятельность художника. Со стороны эстетического отношения познавательный процесс сопровождается выявлением эстетических свойств в созерцаемом явлении, он может ограничиться созерцанием ценности и не идти дальше к ее преобразованию. Художественная деятельность изначально преследует иную цель: увидеть в изображаемом явлении его формально-выразительные свойства, выделяя которые с помощью символов-знаков, можно воссоздать искусственно это явление в слове, в звуке, в рисунке и т. п., то есть в художественном образе. Художественное познание направлено на отражение реальной действительности в новом конкретно-чувственном материале, каким является произведение искусства.

Таким образом, границы эстетического в предметно-чувственном мире определяются качествами самих вещей, которые обнаруживаются в их организации, в структуре и форме. Определенная организованность формально-выразительных свойств вещей и предметов составляет их эстетическую характеристику.

Эстетическое – категория, обобщающая другие категории и понятия эстетики. Она отражает на чувственной основе ценностное отношение между эстетическим субъектом и его объектом, а также выражает высшую степень проявления человеческой свободы и совершенства физических и духовных сил в его деятельности и в отношениях между людьми.

Понятие «художественное» относится непосредственно к искусству и рассматривает его природу в художественном образе и художественном произведении.

Здесь, видимо, необходимо остановиться на отношении между терминами «художественное» и «художественность». Принципиальной разницы между ними нет. Художественность есть эстетическое качество искусства, а термин *художественное* означает определенность искусства, то основное и существенное в его содержании, что отличает искусство как особую и самостоятельную сферу деятельности от всех других: от научного познания, нравственности, трудовой деятельности и т. д.

Искусство – сложная многоступенчатая структура. Ее можно определить формами деятельности субъекта, в которых с постоянной необходимостью будет повторяться одно общее качество – художественное. Оно появляется в форме художественно-образного познания мира и отражения его в образной модели художественного произведения. Оно, как знак и значение, начинает витать в воображении адресата, воспринимающего произведение искусства.

Произведение искусства представляет собой объект, преобразованный деятельностью художника. Эстетически созерцаемый объект предстает перед эстетическим субъектом как индивидуальное явление, в ценности которого субъекту следует разобраться. Эстетический объект отличается от художественного произведения тем, что он может быть лишен того субъективного произвола, который совершает художник над своим предметом.

Представим себе, что художник и эстетический субъект воспринимают один и тот же объект. Эстетический субъект познает свойства в созерцаемом объекте и формирует в сознании представление о нем как об эстетической ценности, испытывая при этом чувство удовольствия. В своей потребности он не идет дальше этого познавательного акта. Художник также воспринимает объект в форме представления, но он

не довольствуется познавательным актом и чувством удовольствия. Он стремится отразить реально существующий объект в своем сознании в форме художественного образа и воплотить его путем предметно-преобразовательной деятельности в произведение искусства.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И В ИСКУССТВЕ

Эстетические свойства обнаруживаются в созерцаемых явлениях в определенных сложившихся условиях. Гармония, соразмерность, ритм, единство частей и целого, пропорциональность – это все определенная организованность – механическая, физическая, биологическая – свойств и сторон единого организма-явления. Эстетические свойства рассматриваются в совокупности к созерцаемому явлению. Их качественная определенность, взятая в целостном единстве всех сторон и свойств явления, составляет эстетическую ценность.

Эстетические ценности имеют место в природе, в продуктах человеческого труда, в отношениях между людьми и т. д. Они реальны, как определенные свойства вещей и предметов.

При эстетическом созерцании мира мы обходимся чувственным восприятием и с помощью сознания, главным образом интуиции, угадываем, определяем эстетическую ценность. Однако эстетическое отношение больше, чем восприятие и наслаждение. Это также активная универсальная, предметно-преобразовательная человеческая деятельность. Она выстраивается как сознательное, свободное в гармонической и совершенной форме проявление физических, духовных сил и способностей человека.

Еще Ф. Шиллер [22] обратил внимание на универсальность эстетической деятельности, которая охватывает широкий круг активности человека. Шиллер выводит ее общую основу из разных видов деятельности и отношений человека к миру. Она получила название «эстетическое совершенство», которое в одинаковой мере может проявляться в области чувства, в морально-правовых отношениях и в художественном творчестве.

Особенность эстетической ценности заключается в том, что ее содержание должно быть выражено во внешних формально-выразительных свойствах объекта, даже если этим объектом становится че-

ловеческая личность и ее внутренний духовный мир. Внешне другого человека мы воспринимаем как объект, но его внутренний мир – чувства, мысли, побуждения, характер поступка и отношения к людям – рассматриваем в качестве субъекта деятельности.

В эстетическом отношении активность человека проявляется в его внешних формах и действиях. Для эстетического субъекта внутренний мир другого человека выступает во внешней форме. Только так, в его внешних физических и психических проявлениях могут раскрыться его внутренние субъективные духовные качества.

М.М. Бахтин [2, с. 353] пишет: «Великое дело для понимания – это вненаходимость понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять». Следовательно, надо рассматривать то, что хочешь понять, как объект. В таком случае произведение для адресата выступает в качестве объекта. В нем художник выразил свое субъективное отношение к миру.

Однако автор книги «Искусство видеть» С.М. Даниэль [9] считает, что между художником и адресатом возникает межличностная связь – субъект-субъектное отношение.

В искусстве форма общения устанавливается через внешний предмет – через объект – через произведение искусства. Для зрителя восприятие картины совершается как процесс познания. Субъективное содержание художника раскрывается зрителем через внешние предметные формально-выразительные художественные средства. Насколько искренно и точно в предметном материале выражены чувства, мысли и настроения художника, настолько он интересен зрителю как личность. Следовательно, его внутреннее содержание, субъективность постигается через внешние атрибуты художественного произведения. Художественное произведение, т. е. объект, становится выразителем личности художника и посредником между им и зрителем. Диалог между художником и зрителем совершается не напрямую, как отношение субъекта к субъекту, а через посредника, через объект – художественное произведение.

Эстетическое отношение не имеет своего специального объекта восприятия. Оно выделяет и оценивает в предметах особенные их качества – быть в такой организованной форме, которая соответствовала бы представлению человека о ценности.

Если начать исследовать формирование эстетического отношения, то мы придем прежде всего к предметной деятельности людей. Здесь впервые созерцаемый предмет получает эстетическую оценку. Это происходит не сразу. Проходит длительный путь познавательного и производственного усвоения отдельных свойств предмета, прежде чем он осмысливается в качестве эстетической ценности. Сначала надо заметить и выделить это свойство предмета, усвоив его в практической жизни, придать ему смысловое значение, обозначив его словом или каким иным знаком. А затем уже, сравнивая между собой множество подобных свойств, выделить из них наиболее совершенное, которое будет признано эстетическим.

Человек постигал полезность одной вещи по сравнению с другими и видел эту вещь как наиболее значимую в его жизни. Так познавались свойства вещей, приобретающих большое значение. Они отражали позитивный жизненный опыт людей и усваивались ими как наиболее совершенные представления об окружающем мире.

Сейчас мы хорошо чувствуем отвлеченную красоту форм: ритм, симметрию, гармонию, т. е. те формально-выразительные свойства предметного мира, которые приобрели для человека значение эстетической ценности.

Чувство симметрии и пропорции проявляется в предметах особенно живой природы. Тело животного симметрично. Несимметричны калеки. Самые первые орудия труда, домашняя утварь, оружие, изготовленные людьми, симметричны.

Плетёные корзины по требованию самой техники изготовления имели ритмичные прямые и переплетающиеся линии. Форма этих корзин была пропорциональна и симметрична. Таким путем достигалась устойчивость их и удобство в использовании.

У людей возникает понимание целесообразности и полезности формы предмета, в сознании складывается представление о совершенной форме предмета, вырабатывается эталон, каким должен быть хорошо сделанный предмет.

В сознании человека свойства эстетических ценностей обобщаются, абстрагируются, закрепляются в чувственных образах – в представлениях. Затем получают свое словесное обозначение в таких понятиях, как гармония, пропорция, органическое единство целого, соразмерность и сообразность и т. п. Эти понятия оторвались от сво-

их носителей – конкретных явлений действительности и превратились во всеобщие категории.

Исторически приобретенная культура общества и способность людей ориентироваться в текущих делах на эстетические ценности формируют в общественном сознании представление о существовании устойчивого и закономерно протекающего мирового порядка.

У каждого народа отложились в сознании универсальные критерии эстетических ценностей. Они побуждают людей совершенствовать свою жизнь и отношения с другими людьми.

Эстетическое отношение человека к действительности выступает в различных видах. Оно может ограничиваться одним чувственным созерцанием действительности, или приобретает характер эстетической активности в предметно-преобразовательных действиях человека, или внешне проявляется в отношениях между людьми как их эстетическое качество поведения или поступка.

Эстетическое как отношение или как ценность существует в предметной чувственной форме отдельного явления и воспринимается органами чувств. Для воспринимающего субъекта это – форма выразительных свойств созерцаемого объекта, будь то материальный предмет или духовное состояние человека, проявившееся в форме его поступка или поведения.

В искусстве эстетическое качество проявляется дважды: во-первых, совершенные художественные произведения являются эстетическими ценностями; во-вторых, в содержании художественных образов воплощены эстетические ценности самой жизни. Поэтому произведение искусства может быть прекрасным по форме и по содержанию.

Отсюда не следует, что эстетические ценности жизни являются предметом искусства. Не совсем прав В.С. Хализев [20, с. 33], когда пишет, что «предметом познания и воссоздания в искусстве становится жизнь в ее эстетических свойствах».

Искусство воспроизводит в своих образах окружающий мир, наделенный разными ценностями жизни, но при одном условии, что он чувственно воспринимаем человеком. Художник, изображающий антиценности человеческой жизни, делает это во имя отрицания их. В контексте произведения всегда чувствуется эстетическая позиция автора по отношению к изображаемому предмету. Образность, осно-

ванная на чувственном восприятии, позволяет художнику отражать жизнь, которая сама выражена в конкретно-чувственных вещах и предметах. Поэтому искусство способно воспроизводить эстетические свойства действительной жизни в ее чувственно-воспринимаемой форме. Через внешние формы совершенных предметов и вещей человеку открывается внутренняя организованность, согласие всех сторон и свойств, их гармоническая целостность и целесообразность.

Искусство, обладая эстетической функцией, имеет неограниченную возможность изобразить и выразить в своих произведениях широкий круг внешних действий людей, их виды общественной деятельности, и чувственно воспроизвести в своих образах глубокий и противоречивый мир духовной жизни человека, связанный с его переживаниями и размышлениями. Только в искусстве может вторично ожить исчезнувший мир прекрасных явлений и событий. Искусство на миг воссоздает наше прошлое в его эстетических свойствах. Оно как память общества, целого народа таит в своих запасниках лучшие образцы свершившихся событий.

Эстетическая функция искусства заключается в том, чтобы воспроизводить существующую жизнь в ее эстетических свойствах и оценивать весь изображаемый мир с позиции идеала, вкуса и чувства. Само художественное творчество организуется как процесс эстетической деятельности по созданию совершенного продукта. Труд художника превращается в эстетическую ценность. Художественность становится воплощением эстетических качеств в произведении искусства. Она определяется мерой совокупности сторон свойств и отношений в созерцаемом объекте. Знание, а точнее – чувствование этой меры служит оценкой произведения и суждением о нем.

Художественная оценка основывается на рассмотрении конструкции произведения данного жанра, на согласовании общей композиции с ее отдельными частями, на достоинстве стиля, на анализе технических приемов и т. д.; высшей оценке подлежит совершенство формы. Оформленность содержания знаменует зрелость в развитии искусства и мастерство в его исполнении.

Эстетические свойства в произведении искусства должны быть воспроизведены как совершенная организованность художественного образа и произведения, составивших единую органическую систе-

му, воспринимаемую как эстетическая ценность художником и адресатом искусства.

Народный поэт А.С. Пушкин вводит в художественное произведение уже освоенные эстетическим сознанием народа картины природы. М.М. Пришвин в своих картинах природы открывает читателю новые эстетические ценности «В стране непуганых птиц», в «Черном арабе», в повести «Жень-Шень», в «Корабельной чаще». В. Распутин в рассказе «Век живи – век люби» описывает сбор ягоды голубицы как эстетическое освоение трудового процесса, которое при обыденном созерцании в такой аналитической форме не происходит... Словом, художник выискивает формально-выразительные свойства изображаемого предмета. Воображение ему подсказывает аналогии, противопоставления, сравнения и т. п. Используются привычные для художника средства отражения действительности...

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КАК ЕДИНСТВО ОБРАЗА И ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Художественность в искусстве – качество весьма тонкое. Для его определения недостаточно разумных суждений о гармонии, органическом единстве целого и других измерений, выявляемых в созерцаемом объекте путем логических понятий. Подход к определению художественности со стороны объекта недостаточен. Он указывает на внешнюю организацию художественного произведения, на духовно-содержательную ценность его. А здесь от субъекта требуется оценка, опирающаяся на всю структуру эстетического сознания: на чувства, идеал и вкус. Следовательно, к понятию художественности надо подходить осторожно. В.В. Бычков [6] советует опираться не только на формально-логическую и структурную методологию, сколько на интуицию исследователя и его личностный опыт в восприятии искусства.

Термин «художественное» означает общую специфику искусства как сложной системы, функционирующей в органической слаженности ее сторон и соответствии их своему назначению. В момент познания и оценки художником действительности в его сознании формируется представление – будущий художественный образ, который с помощью предметных средств в преобразовательной деятельности воплощается в художественное произведение, доступное адресату в

качестве знаковой системы языка искусства и воспринимается им как художественный образ.

Так открытый для чувств и разума внешний и внутренний мир художника фиксируется в его сознании в форме художественного образа, а слово, музыкальный звук, хореографическое движение или фигура из мрамора становятся материальными носителями его. Следовательно, художественное заложено в произведении искусства в виде предметно-материальных средств, при помощи которых конструируется образ как идеальная модель. Художественная конструкция определена художественным образом и материалом искусства. В ней происходит переход идеального по содержанию образа в материальное явление – в художественное произведение.

Художественный образ может быть полноценным только в произведении. В период замысла он формируется в сознании, в момент дальнейшего творчества воплощается в произведении. О нем можно сказать, что он существует, когда произведение окончательно будет завершено. Следовательно, между образом и произведением существует неразрывное единство, заключающее в себе информационный знак и значение. Поэтому художественное нельзя определять как чисто идеальную сторону искусства. М.С. Каган [12, с. 64] называет художественное особой областью предметного творчества. Произведение искусства – духовный продукт, но создан на материальной основе. Его эстетическая ценность выступает как чувственная организованность предметных средств искусства определенного жанра и вида, с помощью которых духовный продукт – художественный образ – воплощен в произведении.

Это превращение идеи (жизненной реальности) в художественный образ, воплощенный в произведении, можно назвать предметно-преобразовательной деятельностью художника. Она сопровождается созданием внешней формы, в которой выражен образ. Так духовное и материальное сливаются в преобразовательной деятельности в момент формирования знаковой системы произведения. Предметно-преобразовательная деятельность в искусстве является средством создания эстетически совершенной формы, соответствующей своему содержанию – произведению искусства.

Произведение есть материальный носитель, подвергшийся художественному конструированию, благодаря чему оно стало вырази-

телем идей, побуждений, чувства и мысли. Произведение начинает самостоятельно существовать в своей знаковой системе, отделившись от творца.

А. Рапоппорт считает художественность нематериальным качеством: оно создается «в системе отношений человека к художественному произведению как условно отражаемому факты и жизненные явления, которые существуют самостоятельно от произведения искусства» [19, с. 27]. Однако создать живое произведение искусства зависит не только от воображения художника, а в большей степени от его производительной работы, от умения превращать костную материю в продукт творчества. Следовательно, в определении художественного нельзя останавливаться только на идеальном. Необходимо учитывать предметно-преобразовательную деятельность. Соотношение идеального как воображаемой картины и произведения как материального носителя знаковой системы составляет сложный процесс работы художника, где практические навыки и ручной труд сочетаются с развитым воображением и духовно-чувственным восприятием мира. В художественном произведении, как в фокусе, переплетаются все линии творческой активности, идущие от автора, а также – от исполнительских действий профессионалов и любителей искусств, и – от адресата – публики, воспринимающей произведение.

Свое окончательное завершение художественный образ приобретает, будучи воплощенным в произведении. И только в нем он может существовать как «вторая реальность», и в качестве информации быть доступным для публики. Таким образом, органическая целостность художественного образа и художественного произведения определяет художественную ценность искусства.

АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СО СТОРОНЫ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Переход к анализу художественного произведения со стороны философских категорий формы и содержания является общепринятым. Он дает возможность установить реальное соотношение в системе: художественный образ – художественное произведение.

Внутренний мир художественного произведения выстраивается автором в предметном материале искусства, соответственно своему

жанру и виду, по правилам, которые определяются единством формы с его содержанием. Например, в художественной литературе и поэзии автор в умопостигаемом слове и словосочетании изображает жизненную реальность. Она представляет смысл, содержание художественного произведения. А формой здесь становится словесная сторона – знаки, символы вещей, явлений и событий.

Идеологическая позиция автора, его идеал, вкус, потребность и мироощущение определяют отбор фактов жизни. Его сознание начинает формировать то, что становится художественным образом в подобранных словосочетаниях или в преобразуемом материале искусства. Художественное произведение всегда конкретно. И трудно определить в нем, где начинается содержание, а где форма.

Например, в повести Н.В. Гоголя «Нос» мы встречаемся с парадоксальным допущением перевоплощения. Нос – предмет для аналогий и сравнений человеческой заносчивости, превращается в самостоятельный образ – носитель самоуверенности и независимости. Этот нос занесся не по рангу своей службы. Этим он возмущает майора Ковалева.

В повести мы наблюдаем, какие «вольности» совершает нос. А с другой стороны, в отдельных эпизодах представлен быт городской России времен крепостного права. В газетной экспедиции, куда прибывает майор Ковалев, мы узнаем из объявлений, что «отпускается в услужение кучер трезвого поведения и дворовая девка...». Тут же сообщается «о молодой горячей лошади... семнадцати лет от роду»; о получении из Лондона семян репы и т. д. Побывав с майором Ковалевым в других местах города, мы знакомимся с тем, как частный пристав берет взятки. Квартальный «увещевал по зубам глупого мужика». Цирюльник Иван Яковлевич не может позволить себе скушать зараз свежесдобитый хлебец и выпить кофе, как не может свободно выкинуть завернутый в тряпочку нос, чтобы не привлечь внимание квартального. Лишившись носа, майор Ковалев чувствует себя ограниченным во всех действиях и поступках. Ему кажется, что он потерял свое лицо, свою персону. Он уже – ничто.

Гоголь обличает систему чиновничества. Живой человек ограничен социальными, служебными и даже семейными рамками поведения. Его общение с людьми предписано и ограничено регламентом и инструкциями.

В повести использованы средства иронии и сатиры, направленные на отторжение от здравомыслящего сознания картин обывательской жизни, полной предрассудков, дикости и пошлости, которые наполняют многие сюжетные линии. Нащупывается что-то общее между событием, произошедшим с носом майора Ковалева, и укладом жизни северной столицы. Напрашивается вывод, что нравственная, социальная сторона существования так же нелепа, как и история с носом.

Свободный нос в лице статского советника совершает в реальных обстоятельствах жизни самые обыденные действия. Но реалистический метод изображения здесь в том и заключается, что допущенные действия и поступки, совершаемые фантастической персоной, изображены средствами, взятыми из самой реальной жизни.

В повести «Нос» фантастический персонаж, как тип, противопоставлен по логике вещей типическим обстоятельствам жизни. Следовательно, автор создает заведомо ложные, неправдоподобные отношения между поступками персонажа и условиями, в которых он действует. По логике вещей, такого в реальной жизни не может быть. Вот это заведомо созданное противоречие между типическими условиями жизни и типом – фантастической персоной, есть метод критической неприемлемости изображаемой действительности автором. Жизнь в северной столице неприемлема для нормальных людей.

В повести «Нос» содержание органически сливается с формой его воплощения и представляет для читателя эстетическую ценность, которая с большим трудом поддается аналитическому исследованию.

В изучаемом предмете форма не есть что-то внешнее. Скорее всего предмет выступает внешне в явлении, а не в форме. Однако мы чаще употребляем выражение «формально-выразительные свойства предмета», когда имеем в виду его явление. Форма бывает настолько слита с содержанием, что их переходы в друг друга неразличимы.

В музыкальном искусстве форма является определяющей категорией. В ней бывают заключены и смысл, и содержание, и сущность, и закономерность художественного произведения. Но музыкальные произведения – это явления звуковых выражений, в которых заключены определенные смыслы: чувства, переживания, размышления авторов, музыкантов. Однако содержание музыкальных произведений «поглощено» их формой и определяется весьма широкой терминологией.

гией: рондо, каприччио, скерцо, менуэт, анданте, чардаш, вальс и т. д. Эти термины, определяющие форму музыкальных произведений, в то же время выражают их смысл, содержание.

В искусстве так исторически складывалось у разных народов, что форма становилась определяющим фактором. В ней заботливо вынашивается весь смысл произведения с его сложным и глубоким содержанием.

В книге «Музыка как вид искусства» В.Н. Холопова музыкальную форму называет монокатегорией [21]. Ее можно также назвать универсальной категорией, поскольку ее используют в качестве других категорий: содержания, смысла, сущности. Подобную манипуляцию с формой рассматривает автор книги, когда анализирует развитие исторически сложившихся музыкальных форм непосредственно в практике. Это происходит не случайно, и лишь подтверждает диалектическую изменчивость музыкального явления, когда выраженная в категории формы его структура, видоизменяясь, приобретает новые черты и качество, и уже воспринимается со стороны содержания или смысла.

В названной работе В.Н. Холопова обращает внимание на то, что в ранний период развития музыки ее жанры выступали как формы музыкальных произведений. Их содержание обозначалось формой. В этом историческом процессе развития музыки мы наблюдаем переход формы в содержание и обратно. Например, в траурном марше, или в менуэте, или в скерцо их содержание и форма неразлично слиты в музыкальном явлении. Но как жанровые формальные смыслы они своим содержанием наполняют лишь отдельные моменты звучания большого содержания, например, в симфонии. Таким образом, целые малые жанровые формы входят в музыкальное содержание больших форм.

Почему так происходит, и не только в музыке, но и в других видах искусства, когда форма одного малого произведения начинает выражать содержание в другом произведении? У А.С. Пушкина в «Капитанской дочке» есть эпизод, когда Емельян Пугачев рассказывает Гриневу сказку «Об орле и вороне», в которой выражает свой взгляд на жизнь.

Привлечение писателем в свое произведение народных пословиц и поговорок есть тот же самый прием цитирования, коллажа,

иных жанровых форм для выражения содержания. Нарботанные в музыкальной практике жанровые формы, а также содержательные смыслы, существующие музыкальные каноны, правила и приемы становятся для нового поколения музыкантов подсобным материалом в процессе поиска новых форм и содержания для своих сочинений.

В.Н. Холопова прямо не отвечает на вопрос: почему так происходит? Но из ее рассуждений следует, что для музыки характерно эстетическое качество формы. Эстетически организованные звуки сами по себе рожают в душе человека положительные эмоции. В этом отношении они содержательны и наполнены определенным смыслом. Например, ритм универсален. Он отражает объективное содержание природных, социальных и даже космических явлений. Он выражает глубоко внутренний мир человеческой психики, души и духа. Ритм по существу отразил всесторонне наш общественный и семейный быт, нашу трудовую и производственную практику. Он сопровождает человека всю жизнь.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

Художественный образ выполняет познавательно-информационную функцию искусства, художественное произведение становится средством объективации и передачи его содержания адресату. Если художественные произведения создаются из разного предметно-чувственного материала, то в образе сохраняется единая его сущностная основа во всех видах и жанрах.

Созидание образа происходит путем отображения в произведении искусства изображаемого предмета через другой предмет и его свойства. Другим может быть свойство, черта, определитель, тающий в самом изображаемом предмете, но по какому-то признаку подобным ему. Приемов образного отражения действительности множество, но все они сводятся к одному: изображается «одно через другое» [16, с. 252].

Образное знание есть сравнение того, что мы познаем, с тем, что уже знаем. Описать новое можно через нам известное. Художественный образ – это способ уподобления одного предмета через другой, кажущийся наиболее очевидным. Мы описываем одно через другое, доступное нам в воображении.

При этом приеме идут в ход сравнения, эпитеты, тропы, метафоры и прочие средства построения новой воображаемой картины существования. Наибольший эффект воплощения образа происходит, когда сравниваемые предметы по своим тождественным признакам как можно дальше удалены друг от друга. Например, прием метафоры таит в себе загадку – додумать и отгадать. С эпитетом – проще, но желательно ему быть свежим и органически подходящим к определяемому предмету.

Такое истолкование образа применительно к поэзии или художественной литературе. В живописи оно уточняется рассмотрением рисунка и колорита, в музыке – интонацией и звуковыражением. Образ питается зрительными и слуховыми представлениями. Они возникают в момент созерцания реальных явлений, которые необходимо запечатлеть и осознать. «Художественная литература осваивает умопостигаемую целостность предмета, – пишет В.Е. Хализев [20, с. 91]. – Ее словесные картины являются невещественными». Однако особенность восприятия образа ориентирует читателя на зрительные и слуховые представления. В результате прочтения литературного текста умопостигаемое содержание трансформируется в чувственно воспринимаемый образ.

В живописи художественный образ отражает реально существующий предмет с его признаками и свойствами. Музыкальное искусство в этом отношении можно назвать беспредметным. В редких случаях музыкальные звуки подражают звуковым проявлениям в природе.

В музыке художественный образ строится особым путем. Он основан на звучании предмета или созвучии их. Однако естественное явление звука – это еще не то «другое», которое лежит в основе музыкального образа. Естественный звук в природе или техносфере – это физический звук. Он естественен, материален, но имеет одну особенность: во взаимодействии с человеческим слухом превращается в знаковую систему, несущую информацию о своем предметном носителе. И вот в таком переработанном человеческим сознанием физические звуки превращаются в образы окружающей действительности. Эта способность человека перерабатывать звуковую информацию в акт сознания является предпосылкой художественного образа.

Характер звучания явлений живой и неживой природы музыкальное искусство с момента зарождения использует в качестве подражания природе путем воспроизводства их на так называемых музыкальных инструментах, вкладывая в эти звуки уже человеческий смысл. В музыкальном образе, вместо уподобления его внешней реальности, присутствует опосредованная связь объекта с его изображением. Музыкальные звуки отражают не сам объект, а выражают чувства и мысли автора по поводу переживания им созерцаемого объекта в виде явления или события. Автор выступает как бы в роли лирического героя: воспринимаемая объективная действительность им переживается и оценивается. И в форме чувств и мыслей преломляется в его сознании в музыкальные созвучия.

«Музыка, – пишет Б.В. Асафьев [1, с. 48], – такое искусство, которое переводит впечатления от действительности и воздействие действительности на композитора в организованные его волей звуко-соотношения, неуловимые глазом и осязанием».

Архитектуру как вид искусства мы воспринимаем подобно музыке. Ле Корбюзье пишет, что «эмоциональная форма архитектуры – это то, что видит глаз: поверхности, формы, линии [14, с. 76]. Задача в том, чтобы все части архитектурного сооружения слить в то основное, что определяет наши эмоции, т. е. в формы, которые их вызывают, одушевляют, создают между ними ощутимую связь, сообразуются с нашими чувствами». В музыке образными красками выступают музыкальные звуки. Они, сливаясь с нашими эмоциями, могут представлять одновременно «звучание» объекта и переживание его субъектом.

Замечательно рассуждение Б.В. Асафьева об озвучивании состояния сознания композитора [1, с. 202]. При музыкальном творчестве происходит «переход» состояния сознания на язык музыкальных инструментов, слышание сочиненного внутренним слухом и его техническая реализация. То же в момент музыкального исполнения. Музыкальный художественный объект становится достоянием общественного сознания.

Звуки музыкальных инструментов «выражают» определенные эмоции, воспринимаемые композитором и адресатом. Как интонация звучащего человеческого голоса улавливается слухом другого, так же искусственно организованное звучание музыкальных инструментов

позволяет композитору выражать внешне свои размышления и переживания, навеянные окружающей жизнью и своим субъективным состоянием.

Вот тут и начинается поиск того строительного материала, который войдет в определение образа. Обозначая одно через другое путем словесного описания, называя отдельные предметы или отдельные их свойства и качества, мы создаем в своем воображении картину того, что может стать образом в художественной литературе. В живописи художник добивается подобия живой натуре путем использования рисунка и игры красок. Для изображения объектов подбирается свой соответствующий способ объединения красок. «Для изображения световоздушной и предметной среды создается своя цветовая гармония. Цвет в живописи – это тот материал, который преобразует живой, объемный, движущийся и изменяющийся мир вещей и предметов» [8, с. 7]. В архитектуре, благодаря воображению, художественный образ проникает в объемно-пространственные и конструктивные сооружения, в пластику объемов, в фактуру и цвет материалов и т. д. В балете и хореографии он основан на сравнении черт, оттенков физических движений и положений человеческого тела с тем душевным и духовным состоянием человека и даже народа, которое и выражается в этих жестах и движениях.

Например, ритм, перенесенный в искусство из природных явлений, из жизнедеятельности людей в обществе занимает существенное значение почти во всех его жанрах и видах как неотъемлемый компонент художественно-образного отражения действительности. Наше представление о ритме в природе есть не что иное, как абстрактное отражение реальных и конкретных связей между предметами и их свойствами. Ритм в отвлеченной форме может отражать структуру, конструкцию целой системы или отдельную ее часть. Ритм в живой природе – это отражение в весьма отвлеченной форме физиологических, психических и других ее форм движения. Система, в которой мы обнаруживаем ритм, может быть механическая, или биологическая, или выражать движение человеческого сознания, а может представлять отношение между людьми.

Поэтому появляются невероятно широкие возможности в искусстве, чтобы использовать ритм как одно из средств художественной образности. Что мы наблюдаем в зодчестве при самой простой

кладке кирпича и камня в стенах здания, в расположении опорных колонн, оконных проемов, дверей и т. д.

В музыке образное уподобление строится на использовании интонации звуковых ассоциаций. Объективно существующий вокруг нас мир обладает звуковыражением своих предметов и явлений. Незначительную часть этих звучаний человек воспринимает органами чувств и главным образом слухом. Природная, техногенная звуковая информация наполняет пространство вокруг нас. Человек воспринимает ее в практической жизни в форме ощущений, восприятий и представлений. На этой чувственной основе формируются его звуковые образы действительности. В процессе эволюции человеческого общества происходит развитие и совершенствование его органов чувств и сознания. Накапливаются опыт и знание. Труд и трудовые навыки, членораздельная речь, игра и подражание живой природе побуждают людей к созданию искусственных звукопроявлений. Появляется музыка, зарождаются другие виды искусств. Существенным определителем искусства становится художественный образ. Его качественная устойчивость объединяет все виды и жанры в одном понятии – художественное.

Художественное тонко улавливает видовую и жанровую специфику образа. Например, басня существенно отличается от лирического стихотворения. Для басни характерен сюжет с каким-либо внешним событием. В лирическом произведении, если он и присутствует, то все равно это внешнее событие подчинено субъективным настроениям автора, который изображает себя в качестве лирического героя. И только так он может выразить свое внутреннее содержание в создаваемом образе. Для басни характерен иносказательный прием повествования. Лирический автор стремится проникнуть своим чувством в душевное состояние адресата и как можно точнее передать ему свое духовное содержание. Он чаще всего прямолинеен в суждениях, искренен в передаче чувств. Эстетический идеал и вкус прозрачны в его высказываниях. В басне звучит намек, ирония. Используется метод нарочито грубого, противоречащего уподобления одного другому. Недаром в басне персонажами вместо людей выступают животные, птицы, рыбы, насекомые. Сюжет басни выстраивается в определенном логическом порядке, с которым читателю или слушателю надо согласиться. Он обычно по-своему логичен и

прозрачен. Финал басни должен быть убедительным. В нем сосредоточено обобщение, итог и опыт для целых поколений.

Конечно, и в лирической поэзии возможно ироническое высказывание автора, но тогда существенно может измениться словесный материал произведения. Это предположение лишь подтверждает нашу мысль, насколько чувствителен термин «художественное» в определении образной специфики жанров.

А.В. Луначарский обращает внимание на широту и изощренность художественных средств в области поэзии [17, с. 410]. Здесь, — пишет он, — наблюдается тенденция к художественному синтезу, когда слово «устремляется, с одной стороны, к живописно пластической выразительности и, с другой стороны, к выразительности музыкальной. Слово стремится создать себе яркие, как бы вполне зрительно-тактильные иллюстрации и в то же время действовать на нервную систему силою ритма, тона, тембра, поднимаясь порою к мелодии».

Представители «формальной школы» в советской литературе 20–30-х годов прошлого века обращали все свое внимание на «самостоятельное» звуковыражение в поэтическом слове. И разрабатывали эту сторону словесного творчества. Однако парадокс заключался в том, что они не видели в звуках поэтического слова связи с художественной образностью искусства. Они отрицали существование художественного образа в поэзии. И в то же время успешно занимались исследованием звуковыражений в поэтическом творчестве, то есть, по существу анализировали формальную сторону образа, оставляя в тени его содержание. Поэтому они подвергались критике как формалисты, хотя и внесли существенный вклад в «эстетические принципы организации художественной формы» [7].

Если поэзия использует приемы музыкального искусства, то значит, она питается ее образностью, значит, звук в поэзии приобретает значение художественного образа. В поэзии он выступает как озвученное слово и дополняет содержание слов звуковыми выразительными средствами.

В стихах А.С. Пушкина «Обвал» мы чувствуем, как органично сочетается звук подобранных слов с их смыслом. Здесь звуковыражение слова усиливает смысловое содержание его. В самом названии этого стихотворения, в слове «обвал», звучит какой-то стихийный сдвиг огромной массы. Точность, лаконичность, стремительная ско-

рость изображения рождает переживание. В нем уживаются чувства бесстрашия, бодрость духа, свобода, суровость, ощущение дикости и беспощадности. Поэт использует слова, окрашенные чувственным тоном. Он расставляет их, придавая им особую выразительность.

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут сквозь волнистой мглы
Вершины гор.

Четыре строки соединены единой рифмой. Она объединяет глаголы всех строк, повествующих о напряженном моменте: «дробятся, шумят, пенятся, кричат, блещут». Три первых строки идут в одну рифму. Затем – четвертая связана с шестой: «ропщет бор, блещут вершины гор», пятая – с тремя первыми: «скалы – валы, орлы – мглы». Образуется крепкая звучная обойма, бьющая в упор по нашему сознанию шестистихотворной строфой, изображающей мгновение, предшествующее обвалу. Это еще не сам обвал. Хотя здесь и много глаголов, означающих действие, но они отражают общее состояние явления природы. Сдвиг (подвиг) в горах описан во второй строфе.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Опять повторяется одна звучная рифма, что усиливает впечатление от происходящего действия. Она оканчивается на букву «л», означающую законченное действие.

В поэтическом слове звуковыражения являются предметными деталями, из которых строится художественный образ. Г.И. Пospelов [18, с. 298] пишет, что художественные образы обладают определенными деталями своей собственной фактуры. «Это принципы и приемы экспрессивного использования тех свойств, которыми отличаются материальные средства воспроизведения жизни в том или ином виде искусства». В художественной литературе это – стилистическая детализация, экспрессивность отдельных слов, ритмическая экспрессивность, интонационно-синтаксическое сочетание слов.

Художник – мастер выразительности. Его художественность будет определяться способностью оформить материал, из которого состоит произведение, и воодушевить материал внутренним творческим переживанием.

Художественная природа искусства заключается в соотношении относительно самостоятельных факторов, которыми являются: 1. Художник, познающий жизнь в форме художественного образа и воспроизводящий ее в произведении, 2. Художественное произведение, воплотившее в своей знаковой системе художественной образ и существующее самостоятельно, и 3. Адресат искусства, воспринимающий произведение в форме художественного образа. Степень художественности искусства измеряется органической соразмерностью и согласованностью, которая установлена между художественным образом и произведением как между их содержанием и формой. Назначение произведения – выразить в своей предметности содержание образа. Образ, воплотившийся в произведении – это не та совокупность впечатлений и переживаний, которая теснилась в авторском воображении в момент замысла произведения. В процессе созидания произведения первичная форма образа переходит из идеального состояния (воображаемая действительность) в знаковую систему предметного материала, которая и выражает содержание самого произведения искусства.

В любом виде искусства система материальных средств направлена на гармонизацию художественного произведения. Воплощаемый образ может быть отвратительным по содержанию, а способ его воплощения должен быть совершенным, прекрасным, то есть – эстетической ценностью. В этом соотношении и согласии связующим звеном является художественный образ. Он формируется в сознании художника, когда тот познает окружающий мир. Затем витает в его воображении, когда создается художественное произведение. И, воплотившись в произведение, становится информацией для адресата.

Искусство воспроизводит и разыгрывает кусок жизни. Адресат становится соучастником приятного розыгрыша. Потребность в искусстве вызвана не только познавательным назначением, но и тем свободным побуждением человеческого воображения, которая дает возможность повторения в иллюзорной форме реальным событиям и явлениям жизни. Их вторичное созерцание, отвлеченное от случай-

ных деталей, становится предметом удовольствия и духовного наслаждения.

В.Б. Шкловский определяет цель искусства как возможность дать ощущение вещи как видения, а не узнавания [23, с. 15]. Искусство способствует пережить делание вещи и не только художником, но и в воображении – адресатом. Последний чувствует себя соучастником творческого процесса и, сопереживая, наслаждается этим. Потребление искусства есть сотворчество. Читатель при воспроизведении образа в своем воображении проходит тот же путь знакомства с отдельными сторонами явлений и событий, которые изобразил автор.

АВТОРСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИМВОЛ

В определении художественного образа мы обращали внимание на объективную сторону его содержания, на ту смысловую предметность, которая конкретно-чувственно выражена в образе как знаке или знаковой системе. Но в художественном образе воплощено еще субъективное содержание, то, что идет от самого автора: его ценностно-ориентационное отношение к изображаемому предмету, его личные раздумья и переживания. В произведении искусства в органическом единстве сливается объективное и субъективное содержание.

Уже само видение автором жизненной реальности, отбор фактов и деталей, усиление акцента на более значимом и тому подобные условности, зависящие от его вкуса и привычек – все это вносит субъективный момент в непосредственное содержание объекта изображения. Но есть еще и другая сторона проявления авторской субъективности – это произвол художника над предметным материалом, из которого возникает произведение.

Полноценный образ, рождаемый в слове поэта или в музыкальном звуке композитора, или в мазке живописца, по своей форме всегда отражает индивидуальность создателя. В нем обязательно скажется масштабность личности автора, его мироощущение и та культура общества, к которой он причастен. В нем также присутствует содержание, не поддающееся вербальному освещению, но явно находящееся в нем и наполняющее собой предметно-чувственную оболочку образа. Оно-то, даже бессознательно, интуитивно вкладыва-

ваемое в форму художественного произведения, составляет его авторское содержание.

Почему возможна беспредметная живопись? То, что мы наблюдаем у абстракционистов, изображающих содержание своих картин с помощью красок и линий на полотне? Здесь отсутствует внешняя жизненная реальность, но содержанием картины становится внутренний субъективный мир художника, преимущественно мир его чувств и душевных переживаний, выраженный при помощи красок и геометрических фигур, или – его представления о чувственно непознаваемом микромире, который тоже можно представить в чувственном материале живописи – в красках и линиях. Живописные чувственные знаки можно воспринимать как символы, указывающие на скрытый от обычного сознания загадочный мир, находящийся по другую сторону нашей земной жизни.

В.В. Кандинский в книге «Точка и линия на плоскости» удивляет романтическим восприятием мира на основе своей неудержимой фантазии [13]. Он что-то чувствует, он что-то по-настоящему извлекает из своего душевного содержания, когда объясняет восприятие различных цветов, цветовых соединений и оттенков, а также линий и геометрических форм на картине.

В. Кандинский приходит к выводу, что гармония красок, безотносительно их к предмету, целесообразно затрагивает человеческую душу. На этом можно построить живописные композиции, которые как музыкальные звуки, только на сочетании красок, воспринимаются зрительно. На таком живописном полотне мы не увидим традиционного художественного образа, но эмоции автора как-то сможем ощутить. Абстрактное искусство в живописи обедняет предмет изображения. Содержание в нем ограничено весьма неопределенной субъективной чувственностью. Оно не может отразить полноты человеческой жизни. Реакция художника на явления внешней жизни не выражена из-за отсутствия предметности в картине. Краски и линии воспринимаются на уровне чувств. И лишь разыгравшееся воображение автора и реципиента может увести сознание в иные фантастические миры.

Вот эта субъективность содержания в искусстве со всей очевидностью выступает в определении художественного символа. «Художественный символ, – пишет А. Белый [3, с. 115], – это символический

образ, как единство переживания, данное в средствах изобразительности... Работа представления образа и работа над материалом объединяются в основной форме всякого материала творчества». Вяч. Иванов [10, с. 372] обращает внимание на психо-физиологическую организацию личности поэта как на исток его авторской субъективности. Утончение внешней восприимчивости и внутренней чувствительности, – замечает он, – послужило цели опыта в поисках нового миропостижения. Познание призрачности явлений предстало как мировая трагедия уединенной личности.

Художественный символ отличается от художественного образа не просто полнотой и глубиной выражения своего содержания, а тем, из каких источников содержание укладывается в знаковую систему и как соответствует своей неотъемлемой форме. Содержание символа пронизано субъективностью автора. Оно – поток его чувств и мыслей. Это его переживание изображаемого предмета и сам предмет изображения, представленный в потоке чувств и мыслей.

Содержание символа выражено через предметность, как в любом художественном произведении. Ему придана форма объективности, которая воспринимается под покровом знака.

Художественный символ объективно предметен. В его содержании воплощается духовно-практический опыт сообщества, к которому принадлежит художник. Это субъективное содержание художника-творца реализуется в акте его творчества, реализуя предметный материал искусства в художественный символ, согласно чувству и миропониманию автора.

В.В. Бычков в статье «Символизация в искусстве как эстетический принцип» [5, с. 83] дает полноценное определение символизации как многозначному конкретно-чувственному выражению смысловой предметности, которая ведет к образованию художественного символа и определяет эстетическое качество произведения искусства, его художественность. «В акте символизации, – пишет В.В. Бычков, – раскрывается эстетическая достоверность мира».

В процессе художественной символизации можно выделить два истока в действиях автора. Первый связан с отражением объективных свойств жизненной реальности. Второй выражает авторскую субъективность. Эти два истока направлены к одной цели: выразить в художественном образе объективное жизненное содержание предмета

изображения и субъективное оценочное отношение к нему, идущее от личности автора.

У такого художника, как К.С. Петров-Водкин, картины дышат субъективной насыщенностью содержания. В них художественная символика передает эстетически освоенную смысловую предметность через манеру письма, выбор и расположение фигур на полотне, соотношение их масштабности, через свойственное только этому художнику яркость и сочетание красок и приложение мелких деталей к картине. Его художественная форма воплощения образа всегда определялась устоявшимся самобытным стилем, выражавшим его мироощущение. Символика его картин четко и ясно передает открытое для понимания зрителя содержание того, что автор пытался выразить. Картины Петрова-Водкина отражают эстетически освоенную действительность, ярко выраженную в материале искусства, на котором глубоко отразилась субъективность авторского содержания.

В картинах И.И. Шишкина «Лесные дали» активность художника направлена на выявление объективного содержания. Здесь присутствует эстетическая символизация, только выражена она иными средствами. Шишкин улавливает в самой натуре – в пейзаже совершенную гармонию расположения уходящих вдаль массивных лесных горизонтов. Он находит в натуре удивительную слаженность, где все естественно и на своем месте, что создает ощущение соразмерности и возвышенного впечатления от эстетически организованной природной среды. Здесь природа влечет за собой зрителя. Пейзаж лиричен и активизирует духовный опыт личности на переживание.

По логике вещей, «символизация» должна бы стать основой формирования художественного образа, выражать жизненную реальность в конкретно-чувственной форме знака. Однако символизация превращает образ в символ, вкладывая в него субъективное содержание, которое согласовано с мироощущением художника и реципиента. Художник, посылая свою символическую информацию, стремится сделать ее доступной адресату искусства; то есть он в своем представлении о мире опирается на общие представления, взгляды и суждения, которые уже витают в общественном сознании. В таком случае символ, переданный средствами искусства, доступен публике. Она чувствует смысл символа и откликается на призыв художника. В символическом произведении проявляется субъективность автора

и реципиента. Они связаны единством мироощущения, которое исходит из общих для них источников жизни.

Традиционно символ всегда загадочен и не вполне ясен по своему содержанию. Это связано с ограниченностью познания. Древнейшие цивилизации питались мифологическими представлениями об окружающем мире. Их символическое искусство служило отражением этих представлений. Знание оказывалось неполным и загадочным. Так оно вошло в художественный символ, как средство выражения непостижимой сущности предметов и явлений. Это свойство художественного символа сохранилось в современном искусстве. Оно проявляется в процессе работы автора над материалом своего произведения как романтическое и обобщенное его содержание. Когда у художника Петрова-Водкина на полотне появляется красный конь, вместо замороженной кобылы, с которой он написан, явно возникает желание уловить момент перевоплощения «одного в другое» под воздействием субъективных творческих сил художника, сумевшего воспроизвести нечто новое, неподдающееся списыванию с натуры. Однако это новое, романтическое уже привнесено в общественное сознание самой героикой революционных лет, которую выразил автор.

Художественный образ отличается от символа, изображая нечто скрытое от зрителя, делает его доступным пониманию. Он формируется в сознании реципиента признаками отображаемого предмета, которые ему близки и понятны, и вызывают в его воображении новые ассоциации. Художественный образ становится уподоблением жизненной реальности, которая в нем отражена. Художественный символ – напротив, затемняет в себе смысл изображаемого образа. Художественный символ есть особенный образ, а символизация – особый путь постижения художественного символа. В таком понимании этот термин может быть признан авторами разных мировоззренческих направлений.

С древнейших времен понятие символа формировалось в сознании людей на религиозной, мистической основе. С оттенком такого же понимания оно вошло в литературно-художественную теорию символистов конца XIX – начала XX века. Поэтому нет необходимости термин «символизация» воспринимать как всеобщий эстетический принцип в искусстве.

Истоки эстетического и художественного лежат в глубокой древности в культуре народов, когда у людей появилось эстетическое чувство к предметному миру и потребность выразить его в искусственном знаке во время общения. И только в сравнительно недавний период времени эти термины приобрели всеобщий характер и широкое применение в теоретической науке.

Категория «эстетическое» указывает на основной признак, характеризующий его специфику. Границы эстетического определяются особой организованностью самих свойств чувственно воспринимаемого объекта и ценностно-ориентационным отношением к нему субъекта. Эстетическое определяет сложный характер отношений человека к действительности. Особо организованные свойства объекта воспринимаются субъектом как эстетические ценности. В истории культуры они стали определяться целой системой категорий и понятий: гармонией, пропорциональностью, единством частей и целого, соразмерностью и сообразностью, единством формы и содержания и т. п. С помощью этих категорий и понятий человек мысленно стал называть эстетические ценности красотой и совершенством.

К категории «эстетическое» относится вся структура эстетического сознания с его понятиями: чувство, потребность, вкус, идеал, а также эстетическая и художественная деятельность человека по преобразованию чувственно воспринимаемого объекта в эстетическую ценность и произведение искусства; и отношения между людьми, чувственно воспринимаемые субъектом как эстетические ценности.

Категория «художественное» определяет особенность бытия искусства на всем его протяжении – от производителя до потребителя. М.С. Каган [11, с. 264] называет художественностью то единство его сторон, что объединяет искусство в целую систему, которой присуща особая форма практического действия, общения людей, познания и форма ценностной ориентации. Искусство – сложная система. Состоит из относительно самостоятельных структур, которые можно выразить словом – художественное. Например, художественно-образное познание и отражение действительности, художественно-творческий характер предметно-преобразовательной деятельности по созданию произведения искусства и художественно-образное его восприятие адресатом.

Звеном сцепления искусства в единую систему служит художественное произведение. В нем завершается формирование и воплощение образа в знаковый носитель и с него начинается восстановление образа в сознании реципиента. Художественное как эстетическое качество проявляется в произведении и всецело зависит от способностей автора-творца. Однако и адресату искусства необходимо знание художественной культуры для понимания произведения. Великие мастера, создатели новых направлений в искусстве бывают непонятыми публикой. Проходит определенное время, в течение которого общественное сознание осваивает продвинутую художественную мысль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Асафьев Б.В.* Избранные труды. Т. 5 : Избранные работы о советской музыке / Б.В. Асафьев ; редкол.: И.Э. Грабарь [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества : монография / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986.
3. *Белый А.* Символизм : кн. статей / А. Белый. – М. : Культурная революция : Республика, 2010.
4. Большая энциклопедия : в 62 т. Т. 61 : Эрш-Z / отв. ред. Е. Кириленко. – М. : ТЕРРА, 2006.
5. *Бычков В.В.* Символизация в искусстве как эстетический принцип / В.В. Бычков // *Вопр. философии.* – 2012. – № 3. – С. 81–90.
6. *Бычков В.В.* Эстетика и философия искусства / В.В. Бычков // *Вопр. философии.* – 2009. – С. 56–67.
7. *Бычков В.В.* Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению / В.В. Бычков // *Вопр. философии.* – 2007. – № 8.
8. *Волков Н.Н.* Цвет в живописи / Н.Н. Волков. – М. : Искусство, 1984.
9. *Даниэль С.М.* Искусство видеть / С. Даниэль. – М. : Амфора, 2006.
10. *Иванов В.И.* По звездам. Борозды и межи / В.И. Иванов. – М. : Астрель : Харвест, 2007.
11. *Каган М.С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике / М.С. Каган. – 2-е изд., перераб. – Л. : ЛГУ, 1971.
12. *Каган М.С.* Эстетика как философская наука : университетский курс лекций / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997.
13. *Кандинский В.В.* Точка и линия на плоскости / В.В. Кандинский – СПб. : Азбука, 2001
14. *Ле Корбюзье.* Архитектура XX века : сборник / Ле Корбюзье ; пер. с фр., под ред. [и с послесл.] К.Т. Топуридзе. – М. : Прогресс, 1977.
15. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Быčkova. – М. : РОССПЭН, 2003.
16. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Совет. энцикл., 1987.

17. *Луначарский А.В.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7 : Эстетика. Литературная критика : статьи, доклады, речи (1903–1928) / А.В. Луначарский ; ред.: У.А. Гуральник, И.С. Черноуцан. – М. : Худож. лит. 1967.
18. *Поспелов Г.И.* Эстетическое и художественное / Г.И. Поспелов. – М. : Изд-во МГУ, 1965.
19. *Раппопорт А.* Художественность в искусстве / А. Раппопорт // Творчество. – 1983. – № 10.
20. *Хализев В.Е.* Теория литературы : учеб. для вузов / В.Е. Хализев. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 2000.
21. *Холопова В.Н.* Музыка как вид искусства : учеб. пособие / В.Н. Холопова. – СПб. : Лань, 2000.
22. *Шиллер Ф.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 6 : Статьи по эстетике / Ф. Шиллер. – М. : Гослитиздат, 1957.
23. *Шкловский В.Б.* О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М. : Совет. писатель, 1983.

УДК 005.32

Е.В. Попыловская

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОАО «РЖД»

Статья посвящена анализу корпоративной культуры на железнодорожном транспорте на примере ОАО «РЖД». Проведенный в статье анализ развития корпоративной культуры позволяет оценить мотивационные структуры личности, идентификацию сотрудника с организацией, уровень принятия идеалов и готовность всегда поступать в соответствии с этими ценностями.

The article is devoted to the analysis of corporate culture on rail transport on the example of JSC «RZD». Carried out in the article the analysis of the development of corporate culture allows us to assess the motivational structure of the personality, the identity of the employee with the organization, the level of adoption of the ideals and willingness to always act in accordance with these values.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпоративная культура, ценности, мотивы трудовой деятельности, сплоченность коллектива, кадровая политика.

KEYWORDS: corporate culture, values, motives work, cohesion, personnel policy.

Корпоративная культура в современном мире выступает главным аспектом социальных связей организации, как внешних, так и внутренних, гармонизации интересов клиентов, партнеров и сотрудников. Корпоративная культура железнодорожного транспорта России переживает сложный и достаточно противоречивый период

Попыловская Евгения Валерьевна, аспирант кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения.

глубоких трансформаций. Происходит своеобразная мутация корпоративной культуры бизнеса и поиск жизненно способных форм. Корпорация «Российские железные дороги», с одной стороны, унаследовала многовековые традиции и нормы социально-трудовых отношений, укрепленные династиями железнодорожников, имеющие гордость к своей профессии и трудовую дисциплину, с другой стороны – «министерский» стиль управления не соответствует современному развитию экономики и требует рационального перераспределения кадровых ресурсов.

Разделение видов деятельности и оптимизация управления с использованием принципов и методов современной корпоративной культуры призвано повысить трудовую мотивацию работников, усилить в их среде конкурентные отношения, усилить внутреннюю мотивацию персонала, улучшить микроклимат в производственных коллективах, повысить уровень жизни и социальной защищенности всего персонала отрасли.

Развитие и укоренение профессионально-нравственных принципов, традиций и норм трудовой жизни работников ОАО «РЖД» помогут, как ожидается, ускорить идущие сейчас процессы трансформации отрасли, еще более поднять ее корпоративный дух и престиж в обществе [1].

По сути, стали сразу видны и распознаваемы корпоративные начала нового хозяйствующего субъекта, возникла естественная потребность определиться, какую культуру поведения избирать, на что руководству корпорации ориентировать своих нынешних и будущих работников. При этом присутствует специфический нюанс: преемственность, несомненно, важна, когда речь идет об устоявшейся, давней культуре отраслевых отношений. Это тот случай, о котором пишет В. Андрианов, подчеркивая изначальную диалектику идеологии изменений [2; 94]. По его мнению, изменения должны учитывать традиции производственной системы, ее культурные базовые принципы. Изменения, идущие вразрез с корпоративной культурой, трудноосуществимы, тогда как лежащие в ее русле проходят почти безболезненно. Но это один аспект. Второй же заключается в его противоположности. Требования единой и сильной корпоративной культуры без учета новых вводных могут оказывать не позитивный, а тормозящий эффект, негативно влиять на инициативу, генерацию идей и удовлет-

воренность работой, создавать трудности при адаптации организации и сотрудников к новым конфигурациям внешних и внутренних условий. И далеко не все корпоративные структуры способны вовремя осознать такого рода угрозы и, следовательно, предотвратить своеобразный «антиэффект».

Наличие подобных проблем подтверждают не столько теоретические выкладки, сколько практика. Но систематизировать «сигналы» практики без статистически достоверных цифр непросто.

Социологический анализ развития корпоративной культуры позволяет оценить мотивационные структуры личности, идентифицировать сотрудника с организацией, определить уровень принятия идеалов и готовность всегда поступать в соответствии с этими ценностями. Автором было проведено исследование (май – сентябрь 2013 года), в котором приняли участие различные группы респондентов, которые способны реагировать на инструментарий по-разному, 360 работников предприятия различных должностей – руководители, специалисты, рабочие. Интерпретация результатов исследования позволили оценить различные срезы уровня культурного развития предприятия.

Одним из основных элементов корпоративной культуры являются ценностные ориентации сотрудников, которые формируются под влиянием мотивационных структур работников и их внутренних личностных качеств. В первую очередь необходимо выяснить, каковы основные мотивы трудовой деятельности сотрудников, какие из них являются стимулом, а какие, наоборот, тормозящим фактором. Это позволит установить те ценностные ориентации сотрудников, которые активизируют либо тормозят трудовой процесс. Результаты опроса представлены на рисунке 1. Ответы работников исходили, прежде всего, из условий трудовой деятельности, сложившихся на предприятии. Полученные результаты позволили заключить, что в организации сформировалась дружеская атмосфера среди сотрудников, так как возможность общения с людьми в качестве мотива, стимулирующего трудовую деятельность, выбрали 89 % респондентов. Работники имеют возможность реализовать свои способности (79,68 %), их устраивает гарантия занятости, которую предоставляет организация (79 %), а также важным стимулом является общественное признание и приобретение статуса (83 %).

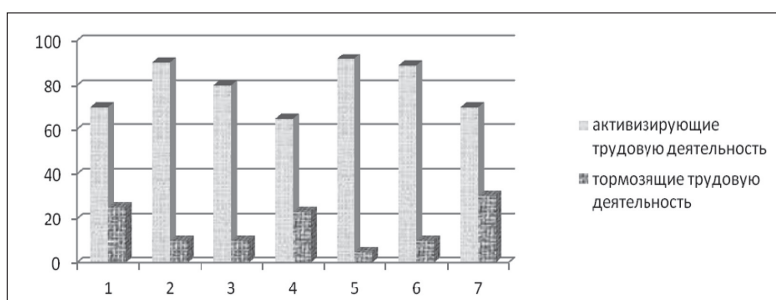

Рис. 1. Основные мотивы трудовой деятельности работников:

1 – заработная плата; 2 – возможность общения с людьми;
3 – реализация своих способностей; 4 – карьерный рост; 5 – гарантия занятости;
6 – общественное признание, приобретение социального статуса; 7 – стремление
получить экономический эффект для организации

Менее важными являются для респондентов такие мотивы, как стремление получить экономический эффект для организации (в 25 % это является мотивом, тормозящим трудовую деятельность), карьерный рост (в 27 % из 100 % тормозящий мотив). Главной же проблемой в организации сотрудники выделяют заработную плату, которую 30,6 % респондентов определили как мотив, тормозящий их трудовую деятельность. Для оценки корпоративной культуры не менее важно также выявить качества сотрудников, активизирующие либо тормозящие их трудовую деятельность. Распределение ответов представлено на рисунке 2.

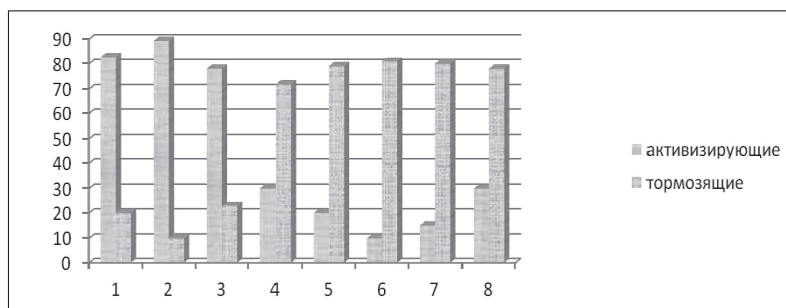

Рис. 2. Качества, которые активизируют или тормозят трудовую деятельность:

1 – склонность к нововведениям; 2 – инициативность, стремление решать трудовые задачи; 3 – честолюбие, желание сделать карьеру, 4 – настороженность к новому;
5 – зависть к успеху других; 6 – неуверенность в себе; 7 – лень; 8 – боязнь риска и ответственности

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что сотрудники в основном склонны к нововведениям (в 82,8 % – активизирующее качество), но относятся к ним с настороженностью (71 % ответили, что это тормозящее качество), инициативны, готовы решать трудовые задачи (89,32 %), желают сделать карьеру (78,26 %). Среди качеств, тормозящих трудовую деятельность, респонденты отметили зависть к успеху других (76,2 %), боязнь риска и ответственности (83,8 %), неуверенность в себе (91,8 %), а также лень, которая имеет высокий процент (92,4 %), что в принципе типично для работников российских предприятий. Представленные мотивы отражают потребности работников в использовании руководством тех или иных методов воздействия, на основе их знания предприятия необходимо выстраивать механизм социального воздействия на персонал.

Для оценки такого элемента социокультурных факторов, как система норм и стандартов поведения, респондентам необходимо было ответить на ряд вопросов: чувствуют ли ответственность за результаты деятельности предприятия сотрудники Вашей организации? Удовлетворены ли Вы отношениями с коллегами по работе? Как бы Вы оценили характер групповой сплоченности в организации?

Таблица 1

**Ответственность за результаты работы сотрудников
в разрезе должностей**

<i>ответы</i>	<i>в к общему числу ответивших</i>		
	<i>руководители</i>	<i>специалисты</i>	<i>рабочие</i>
да, полностью	77,34	43,85	22,48
частично	20,32	50	49,61
не чувствую	2,34	6,15	27,91

Полученные результаты свидетельствуют о слабой ответственности среди работников за результаты своей деятельности, руководители организаций в основном ответственны за результаты деятельности.

Рассмотрим удовлетворенность отношениями с коллегами.

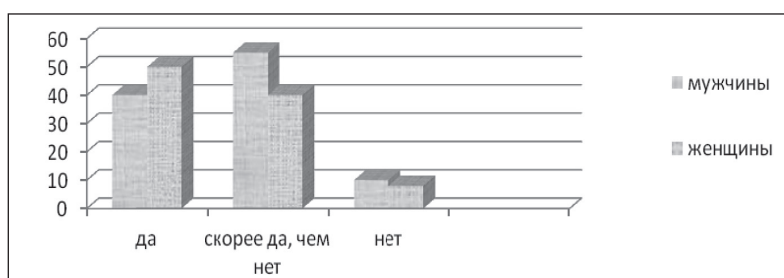

Рис. 3. Удовлетворенность отношениями с коллегами
(в % к общему числу ответивших)

Полученные результаты свидетельствуют о том, что отношениями с коллегами работники удовлетворены, причем половое различие, как выяснилось, не влияет на этот показатель: 41,67 % мужчин полностью удовлетворены личностными отношениями, и лишь 8,33 % из них дали ответ «нет». Среди женщин удовлетворенных отношениями составляют 47,3 %, не удовлетворены 7 %.

Настораживает разобщенный характер групповых отношений в коллективе (рисунок 4).

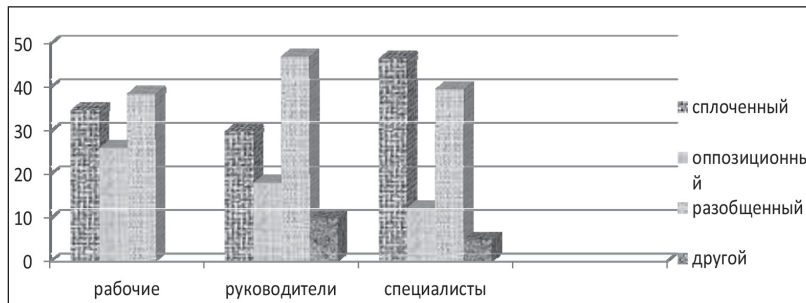

Рис. 4. Характер групповой сплоченности работников в разрезе категорий
(в % к общему числу ответивших)

Ответы респондентов позволили сделать вывод, что наиболее тесная связь групповых отношений наблюдается у специалистов (в 46,55 % респонденты охарактеризовали его как сплоченный, в 12,07 % – как оппозиционный, в 39,66 % – как разобщенный). Среди руководителей преобладает разобщенный характер отношений в группе (46,77 %). Это также можно отметить и для рабочих: 38,46 % отметили их разобщенность, 34,62 – сплоченность, 26,92 % – оппозиционность. Существующее состояние групповых отношений в кол-

лективе приводит к снижению эффективности коммуникационных связей, восприятия сотрудниками совместных ценностей, неидентичности индивидуальных целей с общими целями организации.

Принципиального отличия в ответах мужчин и женщин о характере групповой сплоченности работников не наблюдается, их ответы распределились в примерно одинаковой пропорции. Сплоченный характер отметили 41,1 % мужчин и 41 % женщин, оппозиционный характер – 13,7 % мужчин, 16,07 % женщин, разобщенный характер – 42,47 % респондентов мужского пола и 41,07 % женского пола.

Анализ отношений с руководством показал, что у специалистов и рабочих преобладают формальные отношения с руководителями, в рамках рабочего процесса (57,63 % и 50 % соответственно), меньший процент получили ответы о партнерских отношениях (32,2 % и 26,92 %), а также ответы о доверительных отношениях с руководящим составом (8,47 % и 7,69 %). У рабочих в 15,38 % респонденты отметили напряженные отношения с руководством.

Сами же руководители на своем уровне общаются как партнеры (37,78 %), 28,89 % имеют доверительные отношения, в 22,22 % поддерживают формальные отношения (рисунок 5).

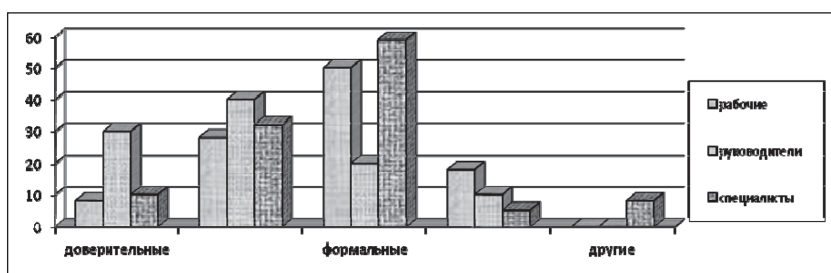

Рис. 5. Характер отношений с руководителями в разрезе категорий работников

Это свидетельствует о том, что предприятие не использует в своей деятельности партисипативное управление, работники не принимают участие в принятии управленческих решений. В отношениях с руководством работников при этом не устраивает необъективный взгляд на их вклад в конечный результат деятельности (42 %), в 19 % – равнодушие, в 8 % – грубость по отношению к сотрудникам, 31 % выбрали в качестве ответа другие варианты, связанные в основном с межличностными отношениями (рисунок 6).

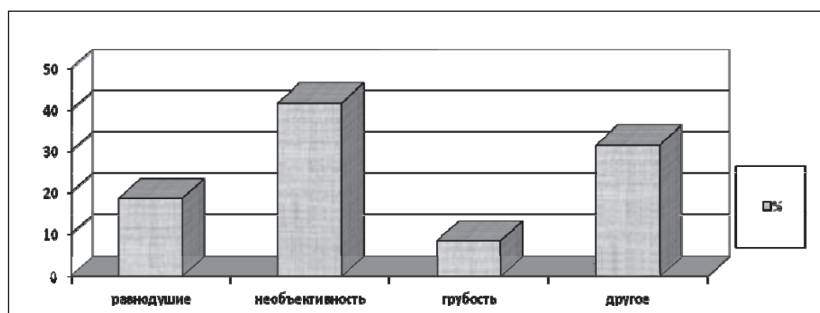

Рис. 6. Причины неудовлетворительного отношения с руководством
(в % к общему числу ответивших)

На основании полученных данных респонденты определили, какой тип начальника приемлем для них (рисунок 7). Эту информацию целесообразно использовать при выстраивании на предприятии надлежащего стиля управления.

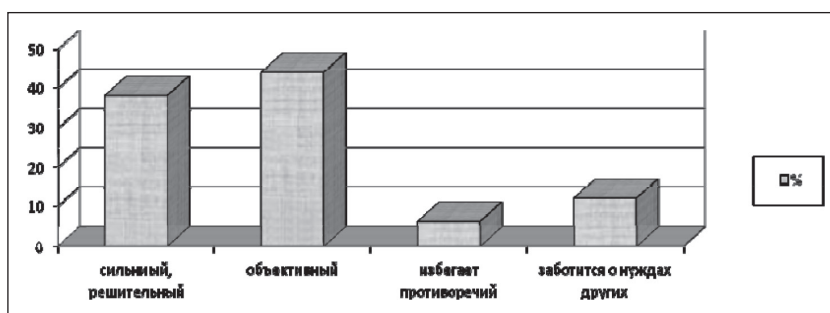

Рис. 7. Характеристика хорошего начальника
(в % к общему числу ответивших)

Сотрудники предположили, что хороший начальник – это объективный человек, избегающий использовать власть в своих интересах, требующий от подчиненных только то, что соответствует должностным обязанностям (44 %). 38 % хотят видеть своего руководителя как сильного, решительного и твердого, но справедливого человека, защищающего преданных подчиненных. Для 12 % хороший руководитель заботится о личных нуждах других, использует свое положение для обеспечения возможностей, стимулирующих работу подчиненных. Только 6 % ответивших желают иметь начальника, избегающего противоречий, легко поддающегося влиянию в вопросах, касающихся выполнения задачи.

Хороший же подчиненный, как считают респонденты в большинстве случаев (36,36 %), желает внести свой вклад в решение задачи, выдвигает идеи и предложения, тем не менее охотно уступает первенство другим, более компетентным и способным. Для 32,58 % хороший подчиненный – ответственный и надежный, выполняет свои обязанности и избегает действий, беспокоящих начальника. В 27,27 % подчиненного считают крайне заинтересованным в развитии своих потенциалов, нет предубеждений против получения помощи, учебы, уважительно относится к нуждам других, охотно помогает сам. И только 3,79 % считают, что подчиненный должен быть угодливым, трудолюбивым и преданным интересам своего начальника (рисунок 8).

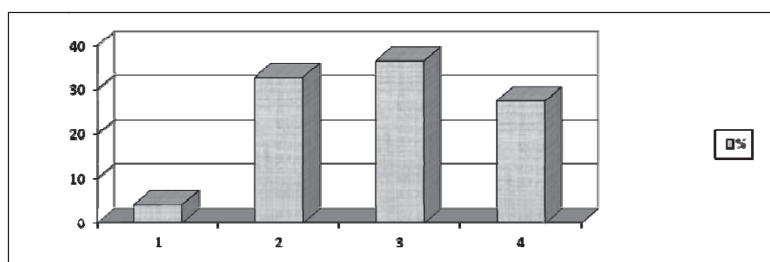

Рис. 8. Характеристика хорошего подчиненного

(в % к общему числу ответивших)

1 – угодливый, преданный интересам начальника; 2 – ответственный и надежный;
3 – желает внести свой вклад в решение задачи; 4 – заинтересован в развитии своих потенциалов

Подводя итог по оценкам респондентов относительно существующей системы управления, можно сказать, что она является удовлетворительной, но не разделяемой всеми членами коллектива. В целом респонденты оценили качество управления в организации следующим образом (рисунок 9).

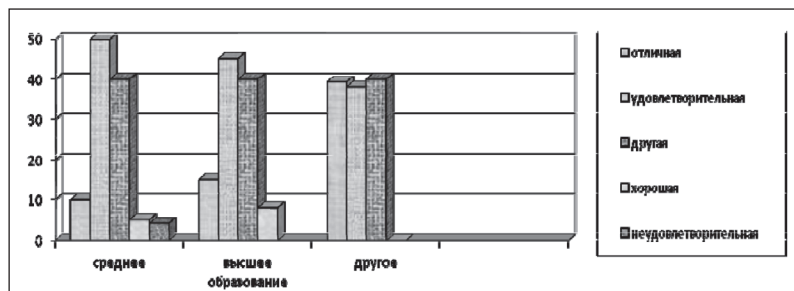

Рис. 9. Оценка качества управления в организациях

Оценка была проведена с помощью двумерного распределения в зависимости от уровня образования сотрудников. Работники со средним специальным и высшем образованием дали 50 % хорошую оценку качеству управления, в 35,71 % – удовлетворительную, в 7,14 % – неудовлетворительную, и только 4,76 и 7,14 % соответственно – отличную. Среди сотрудников с другим уровнем образования ответы распределились поровну на отличную, хорошую и удовлетворительную оценку по 33,33 %.

Следующий блок вопросов направлен на оценку кадровой политики организации. Он характеризовал такие ее элементы, как оплата труда, повышение квалификации, условия труда на предприятии. Его результаты позволили диссертанту сделать вывод о несовершенстве мотивационного механизма, которое выражается в неудовлетворенности существующей системой оплаты труда у работников и отсутствии должного внимания к повышению квалификации. Мотивационный механизм является основой кадровой политики предприятия и его корпоративной культуры, от правильности его построения зависит вклад работников в общий результат функционирования организации. По мнению работников предприятия, существующая система оплаты труда требует доработки, большой процент удовлетворенных оплатой труда приходится на работников, не имеющих специального образования (33,33 %), не удовлетворены своей оплатой труда чаще всего сотрудники со средним специальным образованием (40,48 %). Ответы на вопрос о повышении квалификации свидетельствуют о том, что работники, независимо от профиля своего образования, стремятся повысить свою квалификацию (41,03 % – экономический профиль, 69,75 – технический, 47,6 – другой). Наиболее высокий процент тех, кто не занимается самообразованием, приходится на сотрудников, имеющих отличный от указанных профиль образования (20 %).

Не совсем удовлетворяют работников и существующие условия труда. Работники организации оценили их следующим образом: 8 % как хорошие, 37 % – приемлемые, и только 10 % отличные, 5 % – плохие.

Следующая часть вопросов касалась информационной структуры и организационной структуры управления на предприятии. Информационная структура была представлена в четырех вариантах.

1. Приказ идет сверху вниз по простой иерархической лестнице; информация распространяется вверх посредством последовательных распоряжений. Такой вариант выбрали 43,85 % респондентов, это наивысшее значение.

2. Директивы распространяются сверху вниз, и информация идет вверх в пределах функциональных подразделений; власть и ответственность ограничиваются сотрудниками, расположенными выше в иерархии. Данный вариант информационной структуры отметили 34,62 % опрошенных.

3. Информация о требованиях, предъявляемых к задаче, и проблемах идет из центра, решающего задачу, вверх и наружу, причем те, кто понимает лучше всего проблему, определяют необходимые ресурсы и поддержку от остальной части организации. Наличие в организации такой последовательной передачи информации выбрали в 16,92 % ответов.

4. Информация и влияние идут от человека к человеку на основе связей, в которые свободно вступают ради работы, знаний, взаимной поддержки и удовольствия. Этот вариант получил самый низкий процент ответов (4,62 %).

Таким образом, можно сделать заключение, что в исследуемых организациях преобладает строгая иерархичность, информация передается от сотрудника к сотруднику в соответствии с существующей организационной структурой.

Гибкость и адаптивность структур управления в организации определялась на основе ответов на вопросы о проводимой реструктуризации. 57,69 % респондентов ответили, что изменения имели место, но носили различный характер. В 47 % случаев это выражалось в изменении состава элементов структуры, в 24 % – в изменении типа организационной структуры, 17 % – в сокращении числа уровней иерархии, в 12 % изменения носили отличный от выделенных характер.

Заключительный блок вопросов определял развитие культуры в организации. Исходя из полученных ответов, было сделано заключение об отсутствии четкого представления о корпоративной культуре среди работников предприятия. На вопрос о наличии культуры в организации в 44,96 % респонденты дали положительный ответ, 43,41 % опрошенных ответили, что присутствуют лишь некоторые элементы, а 11,63 % считают, что культуры в их организации нет. Данная ситу-

ация вызвана прежде всего тем, что на предприятии корпоративной культуре уделяется недостаточное внимание со стороны руководства, отсутствует пропаганда совместных ценностей и существующих норм и правил поведения. Респондентам предлагалось оценить выделенные элементы корпоративной культуры по пятибалльной шкале. Результаты представлены на рисунке 10. Полученная балльная оценка позволила сделать вывод о том, что наиболее развитыми элементами корпоративной культуры являются такие, как ориентация на потребителя (4,1 балла), ясность целей и ориентация на их достижения (3,7 балла), условия труда и трудовая дисциплина (3,6 балла), технический уровень производства (3,5 % балла), способность к разрешению конфликтов (3,4 % балла).

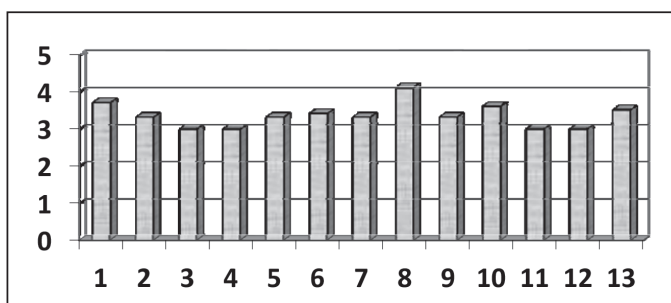

Рис. 10. Балльная оценка элементов корпоративной культуры:

- 1 – ясность целей организации и ориентация на их достижение;
2 – стиль управления; 3 – существующая система ценностей; 4 – преданность общим целям; 5 – эффективная коммуникация; 6 – способность к разрешению конфликтов; 7 – ориентация на персонал; 8 – ориентация на потребителя;
9 – ориентация на обучение и квалификацию персонала; 10 – условия труда и трудовая дисциплина; 11 – ориентация на изменения; 12 – система вознаграждения; 13 – технический уровень производства

Значение остальных элементов находится в диапазоне от 3 до 3,3 балла. То есть уровень развития культуры в исследуемой организации можно охарактеризовать как недостаточный, требующий изменений и корректировки.

Таким образом, существующее состояние элементов корпоративной культуры предприятия не соответствует запросам и современным требованиям работников. Такой уровень затрудняет ее использование как стратегического инструмента системы управления. Однако возникший «культурный разрыв» является управленческим резервом,

на основании которого можно производить преобразования, направленные на повышение уровня развития оцененной корпоративной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Левин Б.А., Галахов В.И.* Человек в транспортной среде. – М., 2001.
2. *Андреанов В.* Интеллектуальная модель управления в бизнесе (опыт компании) // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 3.

УДК 316.42

Л.Я. Сорокина

ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Одной из основных проблем современного общества является быстрая трансформация всех его составляющих. Этот процесс определяется как глобальный кризис, который чаще всего понимается как экономический. Однако, на наш взгляд, это только видимая часть кризиса. Природа его заключается в кризисе социальных ценностей, динамика изменения которых есть результат изменений ценностных ориентаций индивидов. Решение этой проблемы состоит в пересмотре главной парадигмы сегодняшнего гуманизма.

One of the main problems of modern society is the rapid transformation of all its components. This process is defined as the global crisis, which is most often understood as the economics. But this is only the visible part of the crisis. The nature of it is the crisis consists in social values, the dynamics of change which is the result of changes in the value orientations of individuals. The solution to this problem is reconsider the main paradigm of today's humanisms

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *социальные ценности, гуманизм, кризис, общество, цивилизация, личность.*

KEYWORDS: *social values, humanism, crisis, society, civilization, personality.*

Современное общество характеризуется гуманизацией социальных отношений. Это объективно-субъективный процесс. Объективность его состоит в том, что человеку как живому существу при-

Сорокина Лидия Яковлевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета.

сущ инстинкт самосохранения. Субъективным он является потому, что иерархию социальных ценностей общество создает на основе имеющегося на данный момент миропонимания и особенностей условий жизни в данном социуме. Меняется научное понимание мира, условия жизни общества – меняются и социальные ценности. Современная иерархия ценностей, например, базируется на имеющемся уровне научного знания, морали, эстетики и соответствующих им технологиях, нормах, образах, ментальных и психологических установках, которые лежат в основе современного уровня развития нашей цивилизации.

Можно согласиться с В.В. Орловой, которая считает, что ценности и потребности представляют собой две стороны одного целого. [1; 54]. Продолжая мысль В.В. Орловой, можно определить социальные ценности как материальное и смысловое выражение человеческих потребностей и интересов человека, группы или общества (Л.С.).

Мировая философская мысль всегда утверждала, что высшая ценность в человеческом мире – это жизнь человека. На этом основывается концепция современного гуманизма, который рассматривает человеческую жизнь как объективно-субъективную ценность. Практика общественной жизни показывает, что имеются ценности, которые лежат в основе развития нашей цивилизации в целом.

Сам человек представляет с одной стороны материальное (биологическое) образование, поэтому он органически связан с природой, с материальным в широком смысле слова. С этой позиции человек воспринимает ту часть реальности, которая укладывается в трехмерное пространство. Здесь ведущими мотивами выступают материальные блага, материальные условия существования и поддержания жизни и ее воспроизводства. Именно они составляют базовые потребности. Главная потребность человеческого индивида связана с сохранением его жизни. Она включает в себя потребности в питании, тепле, жилище и безопасности. Поэтому «разумность» человеческого бытия и его сознания начинается с решения именно этих проблем: создания охотничьих принадлежностей, средств защиты, создания жилищ. Накормить, одеть и предоставить жилище всем членам человеческого общества – эти идеи лежат в основе социального прогресса.

Условия, факторы, вещи, которые удовлетворяют эти потребности, выступают в качестве ценностей. Иерархия этих ценностей

весьма разнообразна. В обществе, где господствуют настроения потребительства, погоня за прибылью, вещизм, наиболее устойчивой формой ценности становятся деньги и их эквиваленты (драгоценности, нефть, меха и т. д.). Однако приоритет этих ценностей нивелирует другой тип ценностей – духовных. Происходит деформация базовых и социальных потребностей.

В целом фундаментальные ценности остаются неизменными во всех культурах и на всех этапах развития нашей цивилизации. Именно эти потребности и основанные на них социальные ценности остаются неизменными на протяжении всей истории развития человеческого общества и образуют стержень, вокруг которого формируются все остальные ценности. Назовем их *первичными* ценностями. Тогда все остальные ценности будут *вторичными*.

Вторичные ценности исторически изменчивы и, более того, имеют индивидуальное (различное) проявление и толкование, формируя культуру конкретного социума. Социальные ценности образуют стержневую основу культуры общества и личности, определяя мотивацию действий по достижению желаемых целей. Ценности создают возможность регуляции поведения личности, общества и человечества в целом. Наряду с обычными нормами, утверждавшимися внешними и внутренними обстоятельствами светской жизни, выделяются особые нормы, получающие высшую санкцию через механизм религиозной сакрализации или правовое требование.

Нормы «не убей», «не укради», «не лги» являлись священными за-претами, нарушение которых обрекало человека на тяжкое наказание, отторжение от общества или муки совести. Предписания «чти отца и мать», «поклоняйся Богу единому», «трудись в поте лица своего» становились теми позитивными заповедями, соблюдение которых повышало престиж человека в глазах окружающих и его самого.

Динамика изменения социальных ценностей есть результат изменений ценностных ориентаций конкретных индивидов, составляющих данное общество. Но изменения эти происходят в результате объективных и субъективных причин. Изменение социальных ценностей конкретного человека часто является результатом изменений условий его жизни. Необходимость приспособиться к изменившимся условиям часто оказывается сильнее моральных принципов, усвоенных ранее.

Так, например поколение, воспитанное в дореволюционной России, очень болезненно воспринимало нашествие сексуальной революции. Но инстинкт самосохранения требовал принятия изменившихся правил нравственности. Многие из тех, кто дожил до этого времени, смирились с ситуацией, не изменяя собственных моральных устоев.

Шкала ценностей человека составляет стержень его личности. Мы характеризуем человека как личность в зависимости от того, на какие ценности он ориентируется, и совпадают ли выбранные им ценности с теми, которые общество признает в числе наиважнейших. Прежде всего, это этические и религиозные ценности. Во всех культурах они всегда занимали верхнюю часть шкалы общественных ценностей. Вторичные социальные ценности биологически не наследуемы и усваиваются в обществе в процессе социализации личности. Развитая система ценностей личности – результат правильной социализации.

Для каждого конкретного человека ценностью является, прежде всего, его собственная жизнь и ее условия: внутренние и внешние. У каждого человека складывается свое, индивидуальное представление о том, что для него нужно и важно, своя система и иерархия ценностей. Для того, чтобы он мог жить, ему нужны его жизненные силы, способности, возможность действовать и удовлетворять свои потребности, т. е. такая окружающая среда, в которой он мог бы реализовывать свое личностное предназначение. На различных этапах жизни человека и при различных обстоятельствах те или иные ценности выдвигаются на передний план, из них складывается определенная иерархия, но при этом остается осознание своей жизни как высшей ценности.

Это обстоятельство, а также то, что соединение людей в общность порождает общие для всех потребности и интересы, общую систему ценностей – социальную, порождает необходимость социальной регуляции ценностных ориентаций и социального поведения людей в интересах сохранения их социального единства, самой социальной общности.

Избирательность освоения социальных ценностей обеспечивает индивидуальность и уникальность системы ценностей общества и личности, что в свою очередь определяет неповторимость и свое-

образии всего общества в целом. Например, нравственные ценности, которые связаны с репродуктивной функцией организма, начинают формироваться одновременно с ценностями благосостояния, т. к. они также связаны с инстинктом. На уровне общества это выступает как функция его биологического самовоспроизводства. Однако в разных культурах и на разных этапах развития общества существовало и существует разное представление о браке и табу на некоторые формы сексуального поведения.

Например, изначально имевшее место многообразие видов семейных отношений в древних племенах со временем привело к сексуальному хаосу в современном обществе. Причина в том, что, во-первых, человек – не моногамное существо; а во-вторых, человеку объективно свойственна тяга к изменениям, которая основывается на изменяющемся представлении об окружающем мире.

Секс – это не что иное, как извращенный вариант репродуктивной функции организма (Л.С.). Практика стран, переживших сексуальную революцию, показывает, что ее последствия являются катастрофическими, т. к. они подрывают биосоциальные основы общества, приводя к разрушению национальной культуры, института брака и семьи, сокращению рождаемости, и как следствие – демографическому кризису, который имеет место в настоящее время во всех развитых странах. Статистика говорит о том, что прирост рождаемости населения земли происходит за счет тех стран и регионов, которые не пережили сексуальной революции – это Китай, Индия, Южно-Африканские республики.

Общество, пережившее сексуальную революцию, утратило религиозные (в частности, для России православные) ценности. Старобрядцы Лыковы ушли в глубокую тайгу, добровольно изолировались от общества, чтобы сохранить именно православные ценности. В настоящее время носителем православных ценностей в России является только Церковь. Вернуть православие в России можно только в том случае, если вернется его основа – натуральное хозяйство и патриархальная семья. Но возможно ли это в обществе, находящемся в состоянии активной модернизации?

О том, что современная семья как социальный институт находится в состоянии распада, свидетельствует статистика расторжения браков и рождения внебрачных детей. Тем не менее, пассивное при-

нятие обществом изменившихся нравственных ценностей привело общество к моральной вседозволенности и деградации, от которой сегодня не выиграл никто, кроме тех, кто делает на этом деньги. Больше всего от этого пострадали дети, т. к. изменение нравственных ценностей пагубно сказалось на стабильности брака как социального института. Сиротство в современной России достигло такого уровня, какого не было даже во время Гражданской и Великой Отечественной войн.

Изменение или разрушение нравственных ценностей является ответом со стороны общества на переход от теологии к материализму, от высоких идеалов, олицетворением которых является представление о Боге, к атеизму, диалектике природы, от механической к органической солидарности с ее рационализмом, конкуренцией, либерализмом, где открыто появляется возможность достижения одной и той же цели различными путями. Крайнее выражение этой ценности – тезис «цель оправдывает средства». И в этом случае главная ценность человеческого общества – человеческая жизнь – утрачивает свою однозначность.

Например, именно это стало одной из главных причин поражения Белого движения в большевистской России, когда представители Белого движения, возглавляемого обученными и морально выдержанными людьми (А. Колчак, П. Сорокин и др.) не могли даже представить себе, до какой моральной низости может опуститься человек, добиваясь для себя все тех же материальных благ.

Считается, что в нормальном обществе шкала индивидуальных ценностей жестко не закреплена. Это значит, что ценности постоянно переходят с одного уровня на другой, что на одном уровне может находиться сразу несколько альтернативных ценностей. Эта многомерная шкала индивидуальных ценностей соответствует свободе выбора, предоставляемой открытым, демократическим обществом.

Изменение моральных ценностей – это объективный процесс, который является результатом изменения условий жизни общества. Еще в первой половине двадцатого столетия об этом писал П. Сорокин, говоря о культурных флуктуациях. Общеизвестно, что устойчивость социокультурной системы, а значит и цивилизации находится в прямой зависимости от ее способности реагировать и приспосабливаться к изменяющимся условиям. Закрытые и малоподвижные

системы обречены на скорое разрушение. Подвижные, способные к изменениям системы реформируются и продолжают существовать. Именно это придает устойчивость социальной системе. Но не до бесконечности. Наступает момент, когда движение по пути гуманизации доходит до абсурда. Жизнь современного общества изобилует такими примерами.

Модернизация общества, создание новых и новейших социальных технологий, основанных на открытиях в сфере естествознания и технических наук, имевшие место в последние десятилетия, привели к смене общенаучной парадигмы, в качестве которой более столетия выступала теория диалектики природы. Это породило изменение научных воззрений в гуманитарных и общественных науках. С точки зрения диалектики природы было все удобно и просто: человек – венец природы, существо разумное, природа призвана ему служить, возможности человека неисчерпаемы и его познание окружающего мира не имеет границ.

Но как ответить с точки зрения диалектики природы на вопрос: будет ли разумное существо разрушать среду своего обитания и себя самого? Проблемы, связанные с современным уровнем развития нашей цивилизации, подсказывают мысль о том, что человек – существо мыслящее, но разумное ли? Практика показывает, что в человеческом обществе все более широкое распространение получают девиантные формы поведения людей: алкоголь, наркотики, охота как удовольствие, умышленная вырубка лесов, поджоги тайги и тропических лесов, безграничная алчность и т. д.

Будет ли разумное существо доводить дело до абсурда (золотые унитазы, извращенные формы поведения «золотой» молодежи, некоторые формы искусства (например, некоторые представители современной эстрады, картины из голов животных, интернет забит этими извращениями и т. д.)? Общество оказывается бессильным перед натиском сегодняшних проблем и как результат – отчуждение людей друг от друга, легализация однополых браков, разрушение социального института семьи, утрачивание женщинами материнского инстинкта и т. д. Получается, что, двигаясь по пути гуманизации и демократизации человеческих взаимоотношений, общество легализовало те ценности, которые идут вразрез с принципами естественной природы человека?

Есть противоречие, которое человеческое общество пока еще плохо осознает. Суть его заключается в том, что то, что хорошо для одного человека, плохо для человека как биологического вида. Например, увеличение продолжительности жизни – для каждого конкретного человека – хорошо. Но когда это явление становится массовым, то оно начинает оказывать влияние на все другие процессы, происходящие в обществе: экономические, демографические, культурные и т. д., нарушая закон естественного отбора. В материалах Всемирной ассамблеи по проблемам старения населения Земли говорится о том, что человеческое общество уже никогда не будет таким как прежде, т. е. когда численность молодых людей превышала численность пожилых и престарелых.

Исходя из всего этого, сегодняшний глобальный кризис, который рассматривается, главным образом как экономический, по нашему мнению, необходимо рассматривать как кризис основополагающих социальных ценностей нашей цивилизации, когда деньги и материальные блага перестают выполнять функцию стимулятора социального прогресса. Банки переполнены деньгами, на исходе природные ископаемые, последние научные открытия опровергают казавшиеся незыблемыми законы природы, наука материализует абсолютно все, даже религию, то находя Бога, то отрицая правильность библейских писаний и т. д. У современной молодежи нет авторитетов, она ищет своего Бога, часто находя его в весьма сомнительных занятиях. В настоящее время все человечество как бы впало в состояние аномии. Даже наука выдвинула теорию «хаоса», которая лежит в основе развития Вселенной. Современное общество характеризуется нравственным вакуумом, когда никому не понятно, в каком направлении нужно действовать, чтобы решить все нарастающие проблемы.

Ученые всех стран сегодня серьезно озабочены этими проблемами. И, думается, что их опасения оправданы. На наш взгляд, решение всех этих проблем лежит в аспекте смены главной парадигмы сегодняшнего гуманизма, которая является стержневой парадигмой развития нашей цивилизации и которая гласит о том, что «самой главной ценностью является человек и его жизнь».

Этот тезис возник, когда людей на Земле было мало и им приходилось выживать в тяжелой борьбе с природой. В настоящее время ситуация диаметрально противоположная. Сейчас нас уже более

семи миллиардов. Если тенденция сохранится, то, как подсчитали демографы, к 2050 году на Земле уже будет девять миллиардов человек. Экосистема Земли уже сейчас не выдерживает натиска со стороны человеческого общества.

Выход из создавшегося положения, по нашему мнению, только один, и лежит он в плоскости изменения главной концепции гуманизма в сторону ее расширения. Новая концепция гуманизма должна *отражать интересы не только людей, но Земли как живого организма и всех без исключения ее обитателей (флора и фауна) в равной степени* (Л.С.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Орлова В.В. Традиции и ценности молодёжи / В.В. Орлова // Социологические исследования. – 2007. – № 6.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

УДК 342.725

А.А. Субачев

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБЪЕКТАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

В статье анализируются нормативные и правовые акты о языках в субъектах Российской Федерации Восточно-Сибирского региона, о роли русского языка в республиках и регионах, о равноправии всех языков разных этносов.

In article standard and legal acts of languages in subjects of the Russian Federation of the East Siberian region as Russian in the republics and regions, about equality of all languages of different ethnoses are analyzed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Федеративное государство, закон о языках, языковые отношения.*

KEYWORDS: *Federal state, law on languages, language relations.*

Являясь по форме государственного устройства федеративным государством, Россия может рамочно или напрямую предоставлять своим субъектам возможность нормативного регулирования тех или иных вопросов. Согласно ч. 2 ст. 68 Конституции РФ, республики в составе РФ вправе устанавливать свои государственные языки. В связи с этим законодательство ряда субъектов Российской Федерации содержит нормативные правовые акты о языках (законы о языках приняты в подавляющем большинстве республик – субъектов Федерации). Так, в Восточной Сибири подобные законодательные акты были приняты в Хакасии – Закон Республики Хакасия от 20.10.1992

Субачев Артем Анатольевич, старший преподаватель кафедры истории, философии и социальных наук МГЛУ ЕАЛИ.

№ 11 «О языках народов республики Хакасия» (с изменениями и дополнениями), в Республике Тыва – Закон Республики Тыва № 462 ВХ-1 от 31 декабря 2003 г. «О языках в Республике Тыва», в Республике Бурятия – Закон Республики Бурятия от 10 июня 1992 года № 221-ХІІ «О языках народов Республики Бурятия».

В то же время в Конституции отсутствуют нормы о государственных языках других «национальных» субъектов – автономной области, автономных округов, что объясняется, скорее всего, тем, что в них проживает небольшой процент граждан, относящихся к «титульным» этносам, давшим название соответствующим национально-территориальным образованиям [1, 598]. Тем не менее, у автономных округов был опыт регулирования языковых отношений. Так, 19 октября 2000 года Думой Усть-Ордынского бурятского автономного округа был принят Закон «О языках народов Усть-Ордынского бурятского автономного округа». Закон провозглашал русский язык государственным, закрепляя за языками других народов, проживающих на территории округа, статус языков общения. Предусматривались определенные, в том числе финансово-экономические, гарантии сохранения и развития национальных языков и реализации гражданами субъективного права пользоваться родным языком (обращаться в органы власти с заявлениями, жалобами на языках, которыми они владеют, в случае необходимости обеспечивать перевод). В ноябре 2009 года данный закон был признан утратившим силу.

Помимо этого, нормы о языках встречаются и в образовательном законодательстве субъектов РФ. Так, в восточносибирских национально-территориальных образованиях были приняты следующие законодательные акты: Закон Республики Хакасия от 24.10.2004 № 53 «Об образовании», Закон Республики Бурятия от 02.06.1993 № 338-ХІІ (ред. от 13.10.2011) «Об образовании» (принят Верховным Советом РБ 02.06.1993), Закон Республики Тыва «Об образовании в Республике Тыва» от 23 декабря 2010 года. Нормы о языках также могут содержаться в законодательстве о статусе коренных малочисленных народов: Закон Республики Хакасия от 16 ноября 2009 года № 125-ЗРХ «О коренных малочисленных народах Российской Федерации на территории Республики Хакасия», Закон Красноярского края от 1.07.2003 г. № 7-1215 «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов севера Красноярского края». Что касается иных

субъектов РФ – краев, областей и городов федерального значения, то государственный язык РФ является для них официальным, что, как правило, отражено в их уставах (например, ст. 27 Устава Красноярского края от 05.06.2009). В ряде случаев в уставах территориальных образований в составе Федерации закрепляются нормы, гарантирующие реализацию основных прав и свобод человека и гражданина на территории края, не допускающие дискриминацию в зависимости от национальности, языка, религии, пола, общественного, имущественного или должностного положения, а также других обстоятельств (ч. 2, ст. 2 Устава Красноярского края от 05.06.2008, ч. 4 ст. 1 Устава Иркутской области от 15.04.2009). В то же время в уставы могут включаться положения о языках и культурах автохтонных народов. Так, например, согласно ч. 1 ст. 17 Устава Иркутской области, органы государственной власти Иркутской области создают условия для сохранения и развития языков, культур и иных составляющих национальной самобытности бурятского народа и иных народов, традиционно проживающих на территории Усть-Ордынского Бурятского округа. Как мы отмечали ранее, в УОБАО был разработан и действовал Закон от 28.12.2000 № 150-ОЗ «О языках народов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа». Но в связи с объединением Иркутской области и округа данный закон утратил силу (Закон Иркутской области от 18 ноября 2009 года № 79/45-оз «О признании утратившими силу отдельных законов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа»).

Нормы, регулирующие языковые отношения и закрепляющие гарантии языковых прав, могут также содержаться в подзаконных актах. Так, в 2012 году была разработана долгосрочная целевая программа «О сохранении и дальнейшем развитии бурятского языка в Усть-Ордынском Бурятском округе» на 2013–2016 годы (утверждена постановлением Правительства Иркутской области от 20 июня 2012 года № 353-пп). Целью программы заявлено создание условий для дальнейшего сохранения, полноценного развития и популяризации бурятского языка в Усть-Ордынском Бурятском округе как главной составляющей этнической самобытности бурятского народа [15].

Анализ актов субъектов Федерации показывает, что они, как правило, содержат 4 группы положений:

1) Это гарантии реализации субъективных языковых прав. Так, в частности, согласно ст. 5 Закона Республики Бурятии «О языках на-

родов Республики Бурятия» граждане, проживающие на территории Бурятии, имеют право свободного выбора языка воспитания, обучения. Аналогичное положение содержится в ст. 7 Закона Республики Тыва: «Республика Тыва гарантирует гражданам, проживающим в республике, право на использование родного языка, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества».

2) Это нормы, закрепляющие статус языка в качестве государственного. Например, согласно ст. 2 Закона Республики Тыва от 20.10.1992 № 11 «О языках народов республики Тыва», государственными языками Республики Тыва являются тувинский и русский языки.

3) Это положения, регламентирующие использование языков в конкретных сферах общественной жизни. Так, ст. 12 Закона Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» говорит, что при подготовке и проведении выборов и референдумов Республика Хакасия наряду с русским языком вправе использовать хакасский язык и языки народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания. Или, например, согласно ст. 29 Закона Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» почтово-телеграфные отправления в республике производятся на русском языке, а при желании граждан в пределах республики и на бурятском языке.

4) Это нормы, касающиеся нарушения законодательства о языках народов республик. Так, например, ст. 31 Закона Республики Бурятия гласит: «Действия юридических и физических лиц, нарушивших законодательство о языках народов Российской Федерации и Республики Бурятия, влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Бурятия».

Схожую норму содержит ст. 20 Закона Республики Тыва: «Действия юридических и физических лиц, нарушающих законодательство Республики Тыва о языках в Республике Тыва, влекут за собой ответственность и обжалуются в установленном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Тыва». Здесь необходимо отметить, что положения законодательных актов субъектов РФ дублируют норму, содержащуюся в ст. 28 Закона РФ «О языках народов РФ». Вместе с тем, как отмечает Л.Н. Васильева, диспозиция данной нормы весьма расплывчата, поскольку в ней не установлены ни виды, ни основания ответственности за нарушения положений законодательства Российской Федерации о языках

народов России [4]. Принято считать, что институт ответственности за нарушение законодательства о языках является комплексным. Речь идет о возможности привлечения к разным видам ответственности в зависимости от квалификации совершенного правонарушения.

Исходя из принципа разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами, уголовная и гражданско-правовая ответственность предусматривается федеральным законодательством. Так, ст. 136 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за дискриминацию, под которой согласно диспозиции ч. 1 указанной статьи понимается, наряду с прочим, нарушение прав, свобод и законных интересов. Указанная статья предусматривает более суровую ответственность за то же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. В ст. 282 УК РФ установлена уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по ряду признаков, среди которых указана и языковая принадлежность, совершенные публично или с использованием средств массовой информации. Часть 2 данной статьи предусматривает повышенную ответственность за те же деяния, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения: лицом с использованием своего служебного положения; организованной группой. Кроме этого, согласно ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций СМИ, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их языковой принадлежности, является экстремистской деятельностью. УК РФ содержит три статьи, устанавливающие уголовную ответственность непосредственно за деяния, относящихся к экстремизму: ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» [3]. В ст. 52 Конституции РФ установлено, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом; государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

В силу того, что административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении России и субъектов Федерации (ст. 72 Конституции РФ), некоторые субъекты РФ предусмотрели административную ответственность за нарушение языкового законодательства. Так, Законом Республики Саха (Якутия) о языках установлена административная ответственность должностных лиц органов государственной власти и управления, учреждений, предприятий и организаций Республики Саха (Якутия) за несоблюдение требований Закона о языках Республики Саха (Якутия). В силу ст. 39 указанного Закона пренебрежение к любому языку народов Республики Саха (Якутия), нарушение прав граждан в выборе языка, дискриминация граждан по языковым мотивам признаются недопустимыми и влекут за собой судебную и административную ответственность в соответствии с законодательством.

В субъектах Российской Федерации законодательное регулирование вопросов использования языков пошло двумя различными путями. В республиках приняты законы, в которых законодатели стремились закрепить в большинстве своем нормы, конкретизирующие и развивающие положения федерального законодательства о языках народов России. В то же время в «территориальных» субъектах Федерации либо вообще не принято на данный момент никаких законов в развитие федерального законодательства о языках, либо данный вопрос регулируется косвенно немногочисленными нормами, содержащимися в нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности.

Говоря о праве республик на установление собственных государственных языков, следует отметить, что в литературе встречаются мнения, диаметрально противоположные проводимой в республиках политике. Так, отечественный конституционалист Иванов В.В. считает, что установление республиками собственных государственных языков противоречит как конституционным принципам равноправия субъектов РФ, так и принципу равноправия всех народов РФ, а также принципу равенства прав и свобод человека и гражданина, независимо от языка. Автор говорит: «Тем более, что как Россия не является «государством русских», так и республики не могут и не должны считаться ни государствами, ни даже «регионами» каких-либо народов» [8, 111]. Русский язык, который а priori давно

не является языком исключительно русского народа, объявлен Конституцией государственным языком РФ на всей территории страны, в то время как языки отдельных народов в отдельных регионах устанавливаются в качестве государственных. Иванов В.В. полагает, что такая ситуация приводит к ущемлению прав представителей других национальностей, поскольку они, составляя часть той или иной республики, лишены возможности пользоваться своим языком как государственным. К тому же из ч. 2 ст. 68 Конституции РФ не вытекает обязанности республик устанавливать государственные языки, а только право, которым республики в большинстве своем и воспользовались.

По мнению Васильевой Л.Н., не всегда целесообразно устанавливать в республиках в качестве государственного языка республики (помимо русского) исключительно языка этноса, самоназвание которого легло в основу наименования субъекта Российской Федерации: численность представителей такого этноса иногда не преобладает над численным составом остального населения. Было бы оправдано законодательное определение численного критерия для установления языка в качестве государственного. Более того, следует учитывать, что не все представители этноса, самоназвание которого легло в основу наименования республики, могут избрать родной язык для использования в официальных сферах общения [4]. По всей видимости, на повестке дня стоит официальное признание политики билингвизма, предполагающего легитимное равенство двух государственных языков в национальных республиках и расширение возможностей для реализации своего личного права на пользование родным языком для лиц, проживающих в других субъектах Федерации, что объективно ведет к лингвокультурной конвергенции, гармонизации социально-психологического климата общества и сглаживанию радикальных сепаратистских настроений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 1. – М., 2007.
2. Бердашкевич А. О государственной языковой политике России // Высшее образование в России, 2000. – № 6.
3. Борисов А.Н. Комментарий к Закону РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов РФ», 2007 г. [электронный ресурс]. – Подготовлено с использованием правовой системы «Гарант».

4. *Васильева Л.Н.* Комментарий к Закону РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов РФ», 2007 [электронный ресурс]. Подготовлено с использованием правовой системы «Консультант плюс».
5. Вестник Конституционного Суда РФ, 1998. – № 4.
6. *Воронецкий П.М.* К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений. – «Журнал российского права», № 11. – 2007.
7. *Доровских Е.М.* Правовые проблемы защиты русского языка // Государство и право, 2003. – № 2.
8. *Иванов В.В.* Автономные округа в составе края, областей – феномен «сложно-составных субъектов РФ». Конституционно-правовое исследование / под ред. С.А. Авакьяна. – Изд-во МГУ, 2002.
9. *Кленов А.Л.* Проблемы языкового равенства в решениях Конституционного Суда // «Конституционное и муниципальное право», 2010. – № 9.
10. *Мечковская Н.Б.* Социолингвистика. – М. : АспектПресс, 2000.
11. *Морозова Л.А.* Теория государства и права : учебник. – М. : «Юрист», 2002.
12. *Руссо Л-Ж.* Разработка и проведение в жизнь языковой политики / Языковая политика в современном мире. По материалам Третьего и Четвертого международных семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия. – СПб., 2007.
13. СЗ РФ. 2004. № 47. Ст. 4691.
14. *Сытинская М.В., Шкатулла В.И.* Комментарий к Закону РФ «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1, 2009 [электронный ресурс]. Подготовлено с использованием правовой системы «Консультант плюс».
15. www.irkobl.ru/sites/uobo/Programma/dcpobr.doc.

УДК 27

М.Е. Басько, Н.Ю. Куценко

ХРИСТИАНСТВО НИЦШЕ И ДОСТОЕВСКОГО

В статье анализируются основания духовной близости двух великих мыслителей – Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше через их отношение к христианству.

The article discusses the connection between the two great thinkers: F.M. Dostoevsky and F. Nietzsche through their relation to Christianity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия, христианство, творческие искания, религиозность.

KEYWORDS: philosophy, Christianity, creative search, religiousness.

О связи русской и западной философии и о двух великих мыслителях XIX в.: Фридрихе Вильгельме Ницше и Федоре Михайловиче Достоевском писали много. В свое время Л.И. Шестов написал книгу «Достоевский и Ницше», а было это в 1901 г., более 100 лет назад. Однако и сегодня отношение, например, к Ницше находится под гнетом стереотипов, из-за которых создается зачастую неверное представление и о мыслителе, и о проблемах, им поднятых.

В настоящей работе предпринята попытка посмотреть несколько с другого ракурса на отношение к христианству двух ярких представителей философии и культуры. Материалы, используемые для анализа, – это, в первую очередь, дневники Ф. Ницше. Читая эти дневники, мы с удивлением обнаруживаем, что на самом деле, важнейшими фигурами, повлиявшими на Ницше в период его работы над «Антихристом» и,

Басько Мария Евгеньевна, студентка Иркутского государственного университета путей сообщения.

Куценко Надежда Юрьевна, доцент Иркутского университета путей сообщения.

значит, мыслителями, идеи которых буквально лежали в основе данного произведения, являются Толстой и Достоевский. «Антихрист» великого Ницше написан под прямым воздействием двух русских мыслителей. Это действительно странно, что Ницше – философ антихристианского плана, и православный Достоевский – оказываются в очень тесной связи друг с другом. Кроме того, формируется убеждение, что Ницше глубоко христианский мыслитель, просто в его рассуждениях антихристианство до такой степени выдвигается на первый план, что становится и не до христианских мотивов, которые витают здесь же. И именно в данном ключе можно вспомнить стереотип, который преследует Ф.М. Достоевского – выставление его в стандартно православном виде. Читая романы великого писателя, мы вполне можем убедиться, что он не менее резкий критик, чем Ницше.

Главная идея «Антихриста», как правило, определяется просто и четко: «проклятие христианству», и осуждать за такое толкование бессмысленно, потому что это буквально вынесено в заголовок. И само слово «антихрист» – дьявол, противоположность Христу. Современные исследователи говорят, что перевод неверный, так как в немецком языке «антихрист» и «антихристианин» – совпадающие понятия, поэтому здесь мы нарушаем логику самого трактата, переводя таким образом. А если попробовать воспринимать без бесконечного эпатажа, которым Ницше окутан с ног до головы, без неправильных переводов и фраз типа «падающего подтолкни», которые в совокупности могут повергнуть в шок? Ведь на самом деле, изначально, в Заратустре это звучит как «Падающего подтолкни, чтоб он стал сильным» [2]. То есть, это попытка заставить человека стать сильнее, чем он есть.

Сам трактат состоит из трех частей; при этом заключение представляет собой проклятие христианству, а точнее христианской церкви, историческому христианству, которое мы в истории знаем под именем Христианской Церкви. А середина – что это? А это своеобразное толкование Иисуса Христа. Весь смысл в том, что Ницше противопоставляет два вида христианства: с позволения сказать подлинного христианства, Иисуса Христа и искаленного, перевернутого церковного христианства. А главная мысль, если взглянуть трезво, не оскорбляясь презрительными резкостями (а влюбленного в Ницше человека это оскорбить, конечно, не может), – это положительная оценка Ницше учения Христа. Учение он признает значимым, особой формой жизни,

если хотите, а церковь в его глазах – радикальное искажение святыни, чего оно достойно, если не проклятия? Вспомним момент с рассказом о разбойниках на кресте: в словах, обращенных к разбойнику на кресте... да в них, чуть ли ни все Евангелие! «Воистину, это божий человек, сын божий – сказал разбойник. – Раз ты чувствуешь это, – ответил спаситель, – значит ты в раю. Значит ты сын божий» [2]. О чем речь?.. Не важно, где ты: в теплой постели, на кресте или на проповеди в церкви... Если ты сумел раскрыть в себе ощущение единства с богом – ты в раю. Раскаившемуся разбойнику Христос не обещает рая, он говорит, что рай здесь. Никакого другого рая нет. Это чрезвычайно характерно для Ницше, он категорически отрицает всяческие попытки связать смысл человеческой жизни с чем-то неземным, трансцендентным. Мы – носители всего потустороннего и необъяснимого, оно в нас. Каждое мгновение должно быть раскрыто нами, и тогда мы осознаем себя абсолютным центром реальности. Во Христе Ницше опознает человека, выведшего свое учение, учение, с которым философ солидарен. И какой же он не христианский мыслитель?

Грех отделил человека от Бога, мы не способны на раскрытие в себе божественной глубины, то есть мы изначально порочны, слабы. А вместо «сейчас», вместо этого мира – потом... Какой вывод делает Ницше? «Христос жил и умер не для спасения людей, но чтоб показать, как нужно жить» [2]. Христианской может быть только христианская практика. «Та» жизнь – она возможна еще, а для известных людей даже необходима. Не верить, но делать, а прежде всего, многого не делать — вот истинное христианство, возможное во все времена. Как было сформировано такое понимание христианства? Ведь этого не было в других его работах! Там этот вопрос сразу идет с огромным знаком минус, нет никаких разделений или толкований.

В своих поздних письмах, написанных уже в полубезумном состоянии, он кое-где подписывается как «распятый», он настолько одурманен идеей Христа, что отождествляет себя с ним. И во многом эти изменения происходят под влиянием Достоевского. При этом критическая часть «Антихриста» взята у Л.Н. Толстого, известного противника обрядности и всего потустороннего, а вся позитивная часть у Ф.М. Достоевского.

Теперь перейдем к Достоевскому и к тому, что же всё-таки так вдохновляло Ницше, буквально конспектирующего издание «Бесов».

Не будем вдаваться в подробности обо всех персонажах, попавших в поле зрения философа, остановимся на самом главном, а именно – на истории Кириллова.

В сюжетной линии Кириллов почти не участвует, персонаж он скорее идейный. Кто же он? Даже те, кто знают и читают Достоевского, не всегда его помнят, поэтому в двух словах стоит о нём рассказать, чтобы стало ясно, какое все-таки Кириллов имеет отношение к Христу.

Персонаж этот пришел к идее, что он Бог. Причем, вывод этот основывался вот на какой логике: он исследовал все религии и вынес для себя одно: все эти религии ошибочны (следует подчеркнуть, что это не просто атеист, – это думающий человек; он долго и упорно искал). Все религии не верны, Бога нет. Но Бог должен быть. Какой вывод делает герой? «Значит Бог – Я» [3].

Тут, казалось бы, ничего особенного нет, это прекрасно выраженная художественно, давно известная философская идея (ср. А. Шопенгауэр). Никакой внешней божественной силы не может быть, а человек – это, безусловно, центр реальности. Но абсолютное основание у реальности должно быть, и оно не вне нас, а внутри нас. То есть Бог – некое слагаемое нашей собственной сущности. Кириллов говорит, что он должен доказать, что он Бог, он не призывает верить ему на слово! Доказать, чтобы люди поверили, и встали на ту же позицию. Он – пророк, он должен вести людей за собой. И Христа он считает главным человеком, но Христос ошибался, а он исправляет его ошибки. «Бог во мне, но мне нужны усилия для раскрытия этого Бога, это главное условие, не ждать чего-то, мифической награды посмертного бытия, а делать и делать и делать». И к чему приходит он? Ему нужно убить себя. Немного странный вывод... Но на самом деле, он здесь пытается воспроизвести голгофу Христа, а самоубийство – аналог. Голгофа – жертва Христа людям, чтобы доказать религиозную истину. Жертва нужна, если мы представляем внешнего бога. Но если Бог во мне, то я сам за себя отвечаю, никто другой, и странным образом, жертва людям должна быть жертвой, принесенной самостоятельно. Возможно, это странная аналогия: голгофа Христа и самоубийство Кириллова, но именно здесь его можно рассматривать как святого. А его рассуждения об Иисусе... это насколько близко тому, что говорит Ницше! Когда Верховенский, главный «Бес» романа, приходит к Кириллову и видит, что у него, такого, казалось бы, признанного всеми

атеиста, лампадка горит перед образом, Верховенский произносит такие слова: «Говорят, что вы атеист, а вы лампадку зажигаете, знаете, по-моему, вы более по па веруете...» [3; 112].

Атеист – смешной человек. А Кириллов – по-настоящему верующий человек, а не приверженец абсурда, творящегося вокруг. Самоубийство – вещь неизбежная для простого атеиста, но если человек не кончает с собой, если живет, значит, он верит в Бога. Кириллов имеет Бога в себе, а атеист не имеет нигде, его позиция абсолютно бесперспективна.

Почему мы должны верить Кириллову? Некоторые говорят, что его образ ложный и придуман для того, чтобы показать, как верить не надо. Но зачем тогда Достоевский приписывает своему герою мистические состояния? И гений видит другого гения, и все понимает? Именно эти моменты Ницше считал буквально ключевыми во всем романе! Кириллов реальный пророк, мистик, который обладает особыми состояниями единения с миром, а значит он имеет право нам что-то вещать.

В итоговом творчестве Достоевского, в «Братьях Карамазовых», мы имеем уже слаженный образ Христа, главное для которого не жертва, а радость; это состояние, в котором человек раскрывает себя. Вспомним такой момент: смерть старца Зосимы, Алексей на коленях молится перед телом, и в этом одурманенном состоянии предстает ему видение, после которого он покидает монастырь, несмотря на то, что всегда свято верил, будто останется там. Какое же видение? Из всего, что мог бы Достоевский подобрать, выбрал он не голгофу, не воскрешение мертвых, а брачный пир и превращение воды в вино. Вот какой, оказывается, Христос.

В заключение хотелось бы сказать, что Ницше – это, безусловно, особенный человек, в трудах которого каждый волен искать что-то свое. Его работы, как и романы Достоевского, никогда не утратят свою актуальность, и любой думающий человек будет обращаться к ним не раз с желанием что-то переосмыслить и понять в своей жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. – М. : Наука, 1994; – Т. I. С. 120–300. – Т. III. С. 68–72, 190–200.
2. *Ницше Ф.* Малое собрание сочинений. – СПб. : Азбука, 2011. – С. 320–420.
3. *Невзоров А.Г.* Краткая история цинизма. – М., 2010.

УДК 316.354

Б.П. Корольков

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС: КАК ЖИТЬ?

Живи на яркой стороне!

Билайн

Обсуждается выбор позиции человеком в вопросах личного благополучия («яркой стороны») или бескорыстного общественного служения (волонтерского движения) – с другой.

The paper discusses the choice of a man position concerning personal well-being («bright side») on one hand, and unselfish public service (volunteer work), on the other hand.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *яркая сторона, темная сторона, риск, преодоление, романтика.*

KEYWORDS: *bright side, dark side, risk, negotiation, romance.*

В девизе известной фирмы мобильной связи заключен приземленный корыстный смысл (замануха), не обремененный осознанием сути слов и их последствий. А суть такова: это девиз всех предателей! Хотели, как лучше (себе), а получилось, как всегда (плохо стране). Но имеется, однако, и иное жизненное кредо: добровольно принимаемые трудности (темная сторона!), осознанный риск, преодоление. Истоки такой позиции людей самых разных – романтизм «хождения» в народ, в непотрепанную природу. Когда-то они образовали могучее и конструктивное движение, имя которому – «шестидесятники». Рожденное в конце 50-х – начале 60-х годов это движение обрело силу

Корольков Борис Павлович, доктор технических наук, профессор кафедры «Управление эксплуатационной работой» Иркутского государственного университета путей сообщения.

половодья на фоне характерного тогда интеллектуального подъема. Оно было вдохновляющим порывом, в высшей степени созидательным, но не разрушительным, таким как наблюдаемый ныне бурный поток усреднения и бездуховности. Вот характерные представления бардов – шестидесятников первого призыва:

Мне не надо, чтоб было лучше,
Пусть будет хуже и холодней,
Потому что...

А. Якушева

Все года и века и эпохи подряд
Все стремятся к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?
Слава им не нужна и величие.
Вот под крыльями кончится лед,
И найдут они счастье птичье,
Как награду за дерзкий полет.
Север, воля, надежда – страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.

В. Высоцкий

Мой собственный девиз времен активных занятий альпинизмом: *чем хуже, тем лучше*. Это вовсе не мазохизм, а следование завету А.В. Суворова: трудно в учении – легко в бою. Не все при этом остаются живыми, но те, кто остается, дорогого стоят. Об осознанном выборе ярче всех говорят замечательные творцы авторской песни. Ада Якушева была одной из первых бардов, побывавших в гостях у иркутян.

Детский тренер по фигурному катанию Юрий Кукин из Ленинграда имел свои основания для выбора «неяркой стороны»:

...Приобрел ненужной ложью
Пустоту ночей бессонных
И восторженных похвал.

Ю. Кукин

Чтоб таежные запахи,
А не комнаты затхлые,
И не жизнь в кабаках –
Рукав прожигать у костра.

Ю. Кукин

Булат Окуджава, разбудивший многих из романтиков, тоже не пожелал идти кривой дорожкой в характерной жизненной ситуации:

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
В последний, случайный.

Б. Окуджава

Все стороны предпочтений можно найти у Юрия Визбора. В них есть активное начало выбора, принятие неизбежного, оценка состоявшегося и готовность встретиться с тем, что входит в понятие «правила игры»:

Так вот мое начало, вот сверкающий бетон
И выгнутый на взлете самолет.
Судьба меня качала, да и сам я не святой –
Я сам толкал судьбу на поворот.

Ю. Визбор

И будут тысячи побед,
Но снится все-таки тебе
Одно и то же – сквозь туман
Хрустит хребет Хамар-Дабан.

Ю. Визбор

Ни мартовские льды, ни вечная жара,
Ни обелиски под звездой жестяной
Не оборвут следы к пылающим кострам,
К непройденным вершинам безымянным.

Ю. Визбор

Ада Якушева составила с Юрием Визбором плодотворный творческий и семейный дуэт, давший незабываемую лирику, живя вовсе не на «яркой стороне»:

Хочешь – в ней [песне] вспыхнут лунные огни,
К ночи хрустальный лес в ней зазвенит,
Будет в ней дерзость ветра, свежесть щек,
Скажи мне только, что бы ты хотел еще.

А. Якушева

И ты представь, что не лежит вдали Москва,
И не создан на Земле еще Коран,
В мире есть два одиноких существа:
Человек и эта белая гора.

Ю. Визбор

Что больше всего привлекает людей, не испорченных изобилием благ ценой продажи души, – это уровень взаимной поддержки и безоглядной доверительности в сообществе бесстрашных «бродяг»:

Горы спят, спокойствием собственным скованы,
Спят друзья усталые в пуховых мешках.
И будить для выхода надо мне скоро их,
Ну, а сам заснуть сейчас не могу никак.

Б. Левин

Куда ж вы идете и кто же вас гонит?
Куда же влечет вас лихая судьба?
Мы встретимся снова в пустынном вагоне,
И ты улыбнешься: «привет, старина!»

Г. Карпунин

Если ж он не скулил, не ныл,
Пусть он хмур был и зол, но – шел,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но держал.
Если шел он с тобой, как в бой,

На вершине стоял хмельной,
Значит, как на себя самого
Положись на него.

В. Высоцкий

Патентованный геолог, крупный ученый-океанолог и постоянно действующий поэт-пропагандист беспокойного поиска, Александр Городницкий больше полувека совмещает бродячую жизнь с творческим трудом:

К большой реке я сегодня выйду,
Сегодня лето кончится.
И подавать я не должен виду,
Что умирать не хочется.

А. Городницкий

Те же, кто за выбор жизненного пути на «не яркой стороне» заплатил предельно дорогую цену, остаются в памяти солидарных коллег навеки как раз благодаря бардовскому движению:

И все же с болью в горле мы тех сегодня вспомним,
Чьи имена и раны на сердце запеклись.
Мечтами их и песнями мы каждый вздох наполним.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

О. Митяев

Композитор Александра Пахмутова вместе с поэтами С. Гребенниковым и Н. Добронравовым, хотя и не относятся к авторам-исполнителям своих песен, любимых всей страной, сумели быть «своими людьми» в стане простодушных бродяг и почувствовать их помыслы и устремления:

Ты поверь, что здесь, издавека,
Многое теряется из виду,
Тают грозовые облака,
Кажутся нелепыми обиды.

Н. Добронравов

Так уж вышло, что наша мечта
На плакат из палаток взята.
С нас почти исторический пишут портрет,
Только это, друзья, суета.

С. Гребенников, Н. Добронравов

Приведенные мнения отражают ИМПЕРАТИВ РОМАНТИЧЕСКОГО И ОТВАЖНОГО БЕСКОРЫСТИЯ, которому ныне противостоит мертвящий девиз пропагандируемого трусливо-потребительского выбора «ЖИВИ НА ЯРКОЙ СТОРОНЕ».

Идею *творения* «яркой стороны», полную противоположность простого *выбора*, с недавнего времени активно воплощает волонтерское движение. Оно зародилось не вчера: в России 19-го века «народники» стояли у истоков такого подвижничества. Разные инициативы «сверху» эпохи развитого социализма: «картошка», «освоение целинных и залежных земель», строительство БАМа, помощь в организации Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года в Москве не дали угаснуть проявлениям порывов бескорыстия, но отнести их к волонтерскому разряду в полной мере нельзя. И лишь сочинская Олимпиада прошла под знаком волонтерства. В наши дни на добровольную уборку берегов Байкала – объекта мирового наследия – съезжается молодежь из разных уголков России и стран мира. Но еще больше тридцати лет назад автору этих строк пришла мысль заняться волонтерской уборкой не только части Ливинского побережья чудо-озера, но и берегов впадающей в него реки Крестовки. И постепенно картина «поле, поле, кто тебя усеял?» сошла на нет, а у молодежного движения «очистителей» на Байкале (и не только на нем) появилось больше времени для радостного общения.

УДК 347.51:654.164

А.А. Тюкавкин-Плотников, В.В. Симонова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА SMS-РАССЫЛКУ БЕЗ СОГЛАСИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

В настоящей статье анализируются проблемы рассылки sms-сообщений без согласия пользователей услуг связи. Рассматриваются способы защиты от несанкционированной sms-рассылки, даются предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего указанные информационные отношения.

In this article are analyzed the problems of the distribution of sms-communications without the agreement of the users of services to connection. The methods of protection from the unsanctioned sms-distribution are examined, are given proposals for the improvement of the legislation, which regulates information the relations indicated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое регулирование рекламы, защита прав потребителей, услуги связи, юридическая ответственность.

KEYWORDS: lawful regulation of advertisement, protection of the rights of users, service to connection, juridical responsibility.

В современных условиях SMS-сообщения (SMS – Short Message Service – служба коротких сообщений) стали пользоваться популярностью среди маркетинговых компаний предприятий. Объясняется это тем, что рассылка рекламы с помощью SMS имеет очень низкую себестоимость и при этом охватывает большую целевую аудиторию.

Тюкавкин-Плотников Алексей Александрович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой таможенного дела и права Иркутского государственного университета путей сообщения.

Симонова Виктория Владиславовна, студентка Иркутского государственного технического университета.

Так, группы рассылки можно корректировать в зависимости от задачи каждой конкретной рекламной компании. При этом рекламодатели уверены, что эта форма продвижения воспринимается клиентами лояльно, поскольку изначально она рассчитана на то, что рассылку информации будет осуществлять компания, уже вызвавшая у клиента доверие. Впрочем, так происходит далеко не всегда, скорее наоборот, чаще потребителю будут надоедать SMS от тех фирм, о которых ранее он мог и не слышать. При этом, получая постоянные сообщения о товарах на свой мобильный телефон, люди редко задумываются о том, что это может нарушать их права, либо просто не желают дополнительных хлопот.

Однако любая рекламная рассылка посредством SMS-сообщений без предварительного согласия абонента является нарушением норм Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [3].

Согласно ч. 1. ст. 18 Федерального закона «О рекламе», распространение рекламы по сетям электросвязи, в том числе посредством использования телефонной, факсимильной, подвижной радиотелефонной связи, допускается только при условии предварительного согласия абонента или адресата на получение рекламы. При этом реклама признается распространенной без предварительного согласия абонента или адресата, если рекламодателем не доказано, что такое согласие было получено. Закон предписывает рекламодателю обязанность немедленно прекратить распространение рекламы в адрес лица, обратившегося к нему с таким требованием».

За нарушение данного требования рекламодатель несет административную ответственность, предусмотренную ст. 14.3 КоАП РФ в форме административного штрафа: в отношении граждан – в размере от 2 тысяч до 2,5 тысяч рублей; в отношении должностных лиц – от 4 тысяч до 20 тысяч рублей; в отношении юридических лиц – от 100 тысяч до 500 тысяч рублей» [1].

Заметим, что КоАП РФ не содержит оснований для снижения минимального размера административной ответственности. Вместе с тем на практике [13] встречаются случаи, когда минимальный установленный КоАП РФ размер ответственности снижается судом со ссылкой на Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 № 4-П [6], в котором тот указал на необходимость внесения

в КоАП РФ изменений, позволяющих судьям в некоторых случаях устанавливать размер штрафных санкций ниже предусмотренного минимального размера, поскольку отсутствие такой возможности, по мнению Конституционного Суда РФ, не позволяет надлежащим образом учесть характер и последствия совершенного административного правонарушения, степень вины привлекаемого к ответственности юридического лица, его имущественное и финансовое положение, а также иные имеющие существенное значение для индивидуализации административной ответственности обстоятельства и, соответственно, обеспечить назначение справедливого и соразмерного административного наказания. Основанием для применения указанного Постановления в судебно-арбитражной практике послужила резолюция Конституционного Суда РФ, согласно которой до внесения таких изменений в КоАП РФ административный штраф, минимальный размер которого установлен в сумме 100 000 руб. и более, может быть установлен судом меньше низшего предела, предусмотренного для юридических лиц соответствующей административной санкцией, на основе требований Конституции РФ и правовой позиции КС РФ, выраженной в данном Постановлении.

Считаем такую практику безосновательной, подрывающей основы правовой системы Российской Федерации, поскольку ее (судебной практики) широкое распространение приведет лишь к усилению нигилистического отношения к праву и закону со стороны населения и предпринимателей (включая юридических лиц). Кроме того, процитированный вывод Конституционного Суда РФ, содержащийся в резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 № 4-П, ни в коей мере не затрагивает применения ч. 1 ст. 14.3. КоАП РФ, что нашло отражение даже в самом названии Постановления.

Более того, поддерживаем имевшие место предложения по ужесточению административной ответственности за несанкционированную массовую SMS-рассылку, как это, к примеру, предлагал в 2007 году зампред Комитета Госдумы по бюджету и налогам Иван Саввиди. Согласно его законопроекту, массовая рассылка сообщений (более чем в 1000 адресов в течение 24 часов, более чем в 10 000 адресов в течение 30 дней или более чем в 100 000 адресов в течение года) с помощью электросвязи должна повлечь для граждан штраф от 1000

до 5000 рублей с конфискацией, для должностных лиц от 2000 до 10 000 рублей, для юрлиц от 50 000 до 250 000 рублей с конфискацией. Операторам связи (в том числе провайдерам и интернет-компаниям, оказывающих услуги связи) предлагалось вменить в обязанность принимать необходимые меры для борьбы со спамом [16].

Другим поводом для безнаказанной рассылки рекламных сообщений с помощью SMS зачастую является невнимательность самих владельцев телефонных номеров. Дело в том, что договор, заключаемый между абонентом и оператором телефонной связи, зачастую содержит отдельные пункты, которые разрешают рассылки рекламных сообщений. Так же это касается и различных заполненных анкет (в том числе у конкретных продавцов, предпринимателей, действующих в сфере обслуживания) с пометкой о согласии на SMS-информирование. Соответственно, подписав такое соглашение, владелец телефонного номера не сможет в дальнейшем предъявлять какие-либо претензии оператору или предпринимателю, изначально позаботившемуся о законности своих действий, ведь SMS будут приходить при его письменном согласии.

В Законе «О рекламе» не прописано, в какой форме должно поступать согласие от пользователей на рассылку сообщений. В п. 15 Постановления Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»» [7] разъясняется, что согласие абонента может быть выражено в любой форме, достаточной для его идентификации и подтверждения волеизъявления на получение рекламы от конкретного рекламораспространителя. При этом отдельно указывается на то, что согласие абонента на получение от конкретного лица информации справочного характера, например, о прогнозе погоды, курсах обмена валют, не может быть истолковано как согласие на получение от этого лица рекламы.

Поэтому можно легко, не нарушая закон, получить подтверждение, поскольку большинство пользователей мобильных телефонов и прочих мобильных устройств при заключении стандартного договора на обслуживание у оператора связи или при заполнении анкеты (например, в связи с получением дисконтной карты) не читают (не вчитываются) подписываемые документы, автоматически соглашаясь со всеми пунктами договора [19].

Однако помимо невнимательности пользователей мобильных устройств, телефонные номера различными способами появляются в базе рассылок у недобросовестных маркетинговых структур. Как правило, работает метод сохранения номеров после обращения клиента. К примеру, всего один вызов такси с мобильного телефона может повлечь за собой в дальнейшем многочисленные рекламные сообщения. Кроме этого, большое число предпринимателей обмениваются базами своих клиентов или же продают их, поэтому следующее SMS-сообщение, вместо рекламы услуг такси, может содержать рекламу от различных предпринимателей, хотя их услугами владелец телефона никогда не пользовался и не интересовался [20].

Поэтому помимо строки об SMS-рассылке необходимо получить у пользователя согласие и на использование его номера в системе баз данных.

Также очень распространено обращение предпринимателя, выступающего в роли заказчика, рекламодателя, в различные рекламные агентства, которые, в свою очередь, и занимаются рассылкой рекламных сообщений или организацией такой рассылки посредством SMS.

Для предупреждения и пресечения такой ситуации необходимы поправки в действующий закон о рекламе, определяющие, как и каким образом должна осуществляться реклама, а также на каких условиях должна производиться SMS-рассылка от имени рекламного агентства. При этом следует заметить, что появление дополнительных участников может запутать судебный процесс и снизить вероятность привлечения к ответственности основного правонарушителя.

Если SMS-сообщения приходят без согласия пользователя, то существуют следующие способы «борьбы» с нежелательными SMS:

- 1) обратиться с жалобой к оператору сотовой связи;
- 2) обратиться с жалобой к самому предпринимателю, от имени которой осуществляется рассылка SMS-сообщений;
- 3) обратиться с письменным заявлением в Федеральную антимонопольную службу (далее – ФАС) с указанием на нарушение ст. 18 Закона «О рекламе», которая запрещает без согласия получателя рассылать сведения, рекламирующие товар или услугу (в заявлении обязательно нужно описать факты, свидетельствующие о нарушении закона, а также приложить к нему доказательства, например фотографии экрана мобильного телефона, на котором отображается SMS, или

детализацию полученных сообщений, предоставленную оператором связи).

В управление ФАС следует обращаться, только если вы имеете дело именно с рекламными сообщениями. В остальных случаях сотрудники данной надзорной инстанции вам не помогут [21].

Согласно Закону «О рекламе» реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к некому объекту. В этом довольно сложном определении принципиален один момент: реклама всегда адресуется не конкретному человеку, а множеству людей. Иными словами, если в полученном вами сообщении есть обращение, например «Уважаемый Иван Иванович, пользуйтесь услугами нашего такси», то оно по Закону не считается рекламным. Если же персональное обращение отсутствует, то соответственно перед нами именно реклама [21].

Вместе с тем в литературе высказывалось мнение о том, что SMS-рассылка изначально не подпадает под определение рекламы, поскольку идентификация получателя такой рассылки заведомо возможна ввиду уникальности его контактного номера (номера мобильного телефона) и возможности сохранения отправленных сообщений [14].

Косвенно это подтверждается и сложившейся судебной практикой, в соответствии с которой под рекламой понимается определенная персонифицированная информация, направленная на продвижение определенного объекта рекламирования, даже если она направляется по определенному адресному списку [11; 12].

Однако встречаются в судебно-арбитражной практике и решения иного рода. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2012 г. № 09АП-15429/2012-АК суд отметил, что, устанавливая критерий неопределенности круга лиц, которому направляется информация, как основание для отнесения такой информации к рекламе, следует исходить из непосредственного содержания этой информации. Другими словами, содержание распространенной предпринимателем (хозяйственным обществом) информации не свидетельствует о том, что она предназначена конкретному физическому лицу, что позволило сделать суду вывод о ее предназначении для неопределенного круга лиц [10].

Если жалобы на SMS-рассылку в первые две структуры могут быть не удовлетворены, то ФАС обязательно предпримет меры к рассмотрению заявления.

К примеру, Управление ФАС по Иркутской области неоднократно выносило решения по жалобам граждан и накладывало штрафные санкции на нарушителей. В частности, 100 тысяч рублей пришлось выплатить компании, владеющей сетью магазинов «Эконом» за SMS-рассылку рекламной информации о своей продукции. Два постановления о штрафе (по четыре тысячи рублей каждый) было вынесено в отношении индивидуального предпринимателя, который посредством SMS-рассылки рекламировал свое предприятие общепита.

Заметим, что указанные нарушения законодательства о рекламе характерны не только для Иркутской области. Так, в Орловской области ФАС привлекло к административной ответственности организацию, зарегистрированную в Москве, которая занималась SMS-рассылкой в Орле без согласия абонентов. Таким способом она рекламировала свои услуги по выдаче финансовых микрозаймов. По итогам рассмотрения дела организацию оштрафовали на 100 тысяч рублей за незаконное распространение рекламы [18].

Вместе с тем стоит заметить, что далеко не каждая жалоба завершается штрафом для рекламодача.

Одного из местных абонентов Республики Чувашия возмутило, что на его мобильный телефон при запросе баланса счета приходили сообщения: «Флиртуй, знакомься, найди свою любовь и новых друзей! Романтическое путешествие и ценные призы ждут тебя!» Гражданин решил пожаловаться в антимонопольную службу, которая встала на сторону гражданина. Ведомство решило, что распространенные сообщения являются рекламными и нарушают закон о рекламе, который запрещает автоматическую рекламную рассылку по сетям электросвязи. Сотовая компания получила приказ прекратить рекламу. Но она его не выполнила, а обратилась в суд.

На процессе представитель сотового оператора заявил, что подобные сообщения не были рекламой, а рассылал их живой человек, сотрудник компании, который выбирал абонентов по определенным критериям – возраст, место жительства и так далее. Арбитражный суд Чувашской Республики отклонил иск компании, но апелляционный и кассационный суды поддержали позицию оператора. По их мнению,

антимонопольная служба не доказала, что рассылку делал робот. Дело дошло до Высшего Арбитражного Суда РФ, который поддержал позицию сотовой компании. Он постановил, что такая рассылка не нарушает Закон «О рекламе», даже если производится без активного согласия абонентов на получение рекламы [23].

Таким образом было выявлено, что в Законе о рекламе содержатся пробелы, которыми активно пользуются недобросовестные рекламодатели. Поскольку в соответствии с Постановлением Президиума ВАС РФ от 31 марта 2009 г. № 15732/08 [8] спамом или незаконной рассылкой считается распространение рекламы без участия человека, то есть при помощи программных средств, то в случаях, когда выборка пользователей ведется оператором, такая SMS-рассылка будет признана правоммерной

Таким образом, SMS-рассылку можно предотвратить только при грамотно отстроенной системе защиты и явных признаках рекламы.

На практике периодически возникают ситуации, когда по прошествии определенного времени номер телефона, указанный ранее предпринимателю физическим лицом и на тот момент принадлежавший ему, через какое-то время передается по договору оказания услуги связи другому лицу. Либо нередко встречается и другой вариант: заполняя анкету и даже давая согласие на рассылку рекламных сообщений, физическое лицо указывает в анкете не свой, а чужой номер телефона. Именно такая ситуация рассматривалась в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2013 г. № 09АП-37235/2012-АК: в период с 04.07.2011 г. по 02.05.2012 г. на телефон абонента приходили электронные сообщения следующего содержания: «Только в декабре снижена ставка по кредиту! Вам предварительно одобрено 10 000 руб. за 487 в месяц. До 31.12.2011 обратитесь в офис банка XXX. Офисы работают без выходных, т. XXX-XX-XX», «Акция. Только до 31.05.2012. Отменяем последний платеж по кредиту. Вам предварительно одобрено 50 000 руб. Экономьте до 3199 руб. на платеже. Обратитесь в офис банка XXX, т. (XXXX) XXXXXX» и др.

Как было установлено в ходе рассмотрения административного дела, между банком и физическим лицом в 2007 г. был заключен договор о предоставлении кредита. При его заключении физическое лицо в качестве своего контактного телефона, на который могла быть

направлена информация от банка, сообщил номер мобильного телефона, фактическим владельцем которого на момент заключения договора о предоставлении кредита являлось другое физическое лицо. При этом сотрудниками банка не была проверена достоверность указанной информации, то есть принадлежность телефонного номера именно клиенту банка.

Суд, оценивая действия банка (рекламораспространителя), признал, что текст указанных выше сообщений носит не информационный, а рекламный характер. Кроме того, сообщения направлялись лицу, не дававшему согласия на получение рассылки, тем самым были нарушены его законные интересы. Выявленные в ходе рассмотрения дела нарушения послужили основанием для возбуждения в отношении банка дела об административном правонарушении [9].

В условиях все большей автоматизации SMS-рассылку совершают не только недобросовестные компании, но и структуры власти, министерства и т. п.

Так, например, Верховный Суд РФ порекомендовал всем судам по стране начать оповещать участников судопроизводства о предстоящих заседаниях посредством SMS-сообщений. Такой вид извещения будет дополнительным к уже имеющимся возможностям позвонить или написать сторонам в процессе. При этом от участников судопроизводства необходимо получить отдельное согласие на получение SMS-извещения, а сам факт отправки и доставки сообщения должен отдельно фиксироваться. Согласие на получение SMS-уведомлений участники судопроизводства подтверждают специальной распиской, где также указывается номер мобильного телефона [22].

У Министерства чрезвычайных ситуаций (МЧС) есть соглашения о рассылке SMS со всеми сотовыми операторами, при этом согласие на получение SMS-уведомлений пользователи мобильных устройств не подписывают, хотя SMS-рассылка ведется.

Так же SMS-рассылку осуществляет и Федеральная служба судебных приставов с уведомлениями о задолженности. Телефонные номера граждан им предоставляют операторы на основании официального запроса службы и в рамках Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4].

Заметим, что указанная практика не является типичной исключительно для России. Так, Скотланд-Ярдом был проведен экспери-

мент по рассылке лондонцам электронных сообщений с описанием примет разыскиваемых преступников [15].

Сложившаяся ситуация вызвала огромное недовольство среди граждан, регулярно получающих различные SMS, что послужило принятием мер на законодательном уровне. Реагируя на это, Совет Федерации Федерального Собрания РФ разработал законопроект по борьбе с рассылкой SMS-спама.

Как сообщил глава комиссии по информационной политике верхней палаты Руслан Гаттаров, являющийся одним из разработчиков законопроекта, от SMS-спама страдают порядка 76 % пользователей. В связи с этим настала острая необходимость регулирования сферы нежелательных сообщений рекламного характера на законодательном уровне. Сенатор рассказал, что Совет Федерации тщательно проанализировал зарубежную практику защиты абонентов от спама и на основе нее было предложено внести поправки в Федеральный закон «О связи».

Представленный законопроект, пройдя все обсуждения в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, получил свое воплощение в форме Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 272-ФЗ [5], вступившего в действие 21.10.2014 г.

К числу достоинств указанного Закона следует отнести то, что, во-первых, он дает четкое определение SMS-спама, чего не было раньше. Так, в соответствии с пп. 22.1 ст. 2 Федерального закона «О связи» [2] рассылкой по сети подвижной радиотелефонной связи признается автоматическая передача абонентам коротких текстовых сообщений (сообщений, состоящих из букв и (или) символов, набранных в определенной последовательности) по сети подвижной радиотелефонной связи или передача абонентам коротких текстовых сообщений с использованием нумерации, не соответствующей российской системе и плану нумерации, а также сообщений, передача которых не предусмотрена договором о межсетевом взаимодействии с иностранными операторами связи.

Во-вторых, согласно ст. 44.1. Федерального закона «О связи», рассылка по сети подвижной радиотелефонной связи должна осуществляться при условии получения предварительного согласия абонента, выраженного посредством совершения им действий, однозначно идентифицирующих этого абонента и позволяющих достовер-

но установить его волеизъявление на получение рассылки. Рассылка признается осуществленной без предварительного согласия абонента, если заказчик рассылки в случае осуществления рассылки по его инициативе или оператор подвижной радиотелефонной связи в случае осуществления рассылки по инициативе оператора подвижной радиотелефонной связи не докажет, что такое согласие было получено.

Рассылка по сети подвижной радиотелефонной связи, осуществляемая с нарушением требований Федерального закона «О связи», является незаконной, за исключением рассылки сообщений в целях информирования абонента в связи с перенесением абонентского номера, иных сообщений, которую оператор связи обязан осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также рассылки сообщений по инициативе федеральных органов исполнительной власти, органов государственных внебюджетных фондов, исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, местных администраций и других органов местного самоуправления, осуществляющих исполнительно-распорядительные полномочия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В-третьих, оператор получает право на блокировку таких сообщений в соответствии с запросом абонента. В частности п. 6. ст. 45 Федерального закона «О связи» предусматривает право абонента обратиться к оператору подвижной радиотелефонной связи с требованием о прекращении передачи на его пользовательское оборудование (оконечное оборудование) коротких текстовых сообщений с указанием абонентского номера или уникального кода идентификации, которые содержатся в таких сообщениях и от получения которых абонент отказывается, за исключением сообщений, передача которых осуществляется оператором подвижной радиотелефонной связи в соответствии с законодательством Российской Федерации. Оператор подвижной радиотелефонной связи, в свою очередь, обязан без взимания платы с абонента прекратить рассылку по сети подвижной радиотелефонной связи на пользовательское оборудование (оконечное оборудование) абонента с абонентского номера или уникального кода идентификации, указанных в обращении абонента.

Заметим, что ранее, несмотря на наличие у оператора технологических возможностей заблокировать рассылку спама, он не мог этого сделать из-за «юридических ограничений».

Ожидается, что принятие Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 272-ФЗ станет лишь первым шагом в сфере блокировки SMS-спама, и комиссия по информационной политике продолжит свою работу над вопросом совершенствования законодательства в сфере борьбы со спамом.

Основная проблема в решении конфликтов между клиентами – потребителями услуг связи и, одновременно, потребителями рекламы, предпринимателями и операторами связи заключается в том, что отечественное законодательство, регулирующее отношения в сфере информации в целом и в сфере рекламы в частности, не успевает реагировать на быстрые темпы роста и качественные преобразования рынка информационных технологий и связи. Вследствие этого и образуются пробелы в законодательстве, появляются лазейки для недобросовестных предпринимателей, что приводит к массовым обращениям граждан в контролирующие службы (ФАС, Роскомнадзор и т. п.). Этим, в числе прочего, объясняется важность законотворческой деятельности в области информационных отношений.

Конечно, существуют и другие варианты совершенствования действующего законодательства в сфере защиты прав и законных интересов абонентов.

Так, в рамках проекта «Антиспам», действующего в рамках Программы Российского комитета ЮНЕСКО «Информация для всех», предлагалось дополнить ст. 15 Федерального закона «О рекламе» пунктом 3 следующего содержания: «распространение рекламы через сеть связи общего пользования и сеть почтовой связи, за исключением рекламы в программах телевизионного вещания и радиовещания, допускается только по инициативе потребителей рекламы» [15]. Другими словами, для получения рекламы путем SMS-рассылки потребитель рекламы должен дать не просто согласие (которое, как уже говорилось, можно сделать впопыхах, мимоходом, поставив подпись напротив галочки, указанной представителем предпринимателя), а прямо выразить свое волеизъявление путем написания и подписания отдельного заявления.

В 2006 г. на рассмотрение Государственной Думы РФ вносился проект Федерального закона «О внесении дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части противодействия массовой рассылке сообщений электросвязи рекламного характера»,

в соответствии с которым предполагалось внести изменения в Федеральный закон «О рекламе» (дополнив его статьей 13.1 «Особенности рекламы в сети связи общего пользования»), а также в КоАП РФ (дополнив его статьей 13.25 «Массовая рассылка сообщений электросвязи») и в Уголовный кодекс РФ (дополнив его статьей 274.1 «Массовая рассылка сообщений электросвязи») [17].

Позднее, в 2012 г. МВД, Роскомнадзор, Роспотребнадзор и операторы федеральной «тройки» (Мегафон, МТС, Билайн) выступили с совместной инициативой внести в законодательство поправки и ужесточить наказание за рассылку SMS-спама до пяти и более лет лишения свободы. Однако, как отметил помощник руководителя Роскомнадзора по Свердловской области Юрий Соколов, эти предложения пока не нашли отклика у депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ; в главу 28 УК РФ, содержащую перечень преступлений в сфере компьютерной безопасности, никаких изменений не вносилось и в ближайшей перспективе вносить не планируется [21].

По поводу ужесточения наказаний за нарушение норм рекламного законодательства и законодательства о связи при несанкционированной рассылке SMS-сообщений следует согласиться с М.С. Дашяном о том, что на современном этапе развития российской правовой системы представляется не совсем корректным всерьез обсуждать проблемы установления уголовной ответственности за распространение спама. И наоборот, введение специальных норм административной ответственности должно стать существенным сдерживающим фактором [15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Часть 1). Ст. 1.
2. О связи : федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
3. О рекламе : федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
4. Об исполнительном производстве : федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Часть 1). Ст. 4273.

6. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.
7. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» : Постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 58 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 31 марта 2009 г. № 15732/08 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2013 г. № 09АП-37235/2012-АК [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2012 г. № 09АП-15429/2012-АК [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 21 сентября 2012 г. № А53-22163/12 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 7 февраля 2013 г. № А71-13244/2012 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
13. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 18 марта 2014 г. № А43-28790/2013 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
14. *Иванов И.* SMS и право // ЭЖ-Юрист. 2010. № 22.
15. *Дашян М.С.* Алогизм спама // Право и политика. 2004. № 9.
16. *Мошкович М., Завойкина Н., Иванова Е.* Спам, пожирающий деньги // ЭЖ-Юрист. 2007. № 46.
17. *Серго А.Г.* Как защититься от спама? // Информационное право. 2006. № 1.
18. В Орле фирму оштрафовали на 100 тысяч за sms-рассылку спама [Электронный ресурс] // URL:<http://www.rg.ru/2013/07/19/reg-cfo/sms-anons.html>.
19. Как победить sms-спам [Электронный ресурс] // URL:http://zakon.ru/Discussions/kak_pobedit_smsspam/8569.
20. Назойливые письма рекламы [Электронный ресурс] // URL:<http://www.rg.ru/2011/09/08/reg-permkray/sms.html>.
21. РГ выяснила, как уберечь мобильный от спама [Электронный ресурс] // URL:<http://www.rg.ru/2013/04/05/reg-urfo/spam.html>.
22. Россиян будут вызывать в суд с помощью SMS [Электронный ресурс] // URL:<http://www.rg.ru/2012/02/09/sms-site-anons.html>.
23. Суд разрешил рекламу [Электронный ресурс] // URL:<http://www.rg.ru/2009/04/21/sms-rassylka.html>.

УДК 347.131

А.А. Тюкавкин-Плотников

РЕШЕНИЯ СОБРАНИЙ: НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В настоящей статье исследуется новый вид юридических фактов – решения собраний. Анализируется правовая природа решений собраний, рассматриваются основания признания решений собраний недействительными.

The new form of juridical facts – decision of meetings is investigated in this article. Lawful nature of the decisions of meetings is analyzed, the basis of the acknowledgement of the decisions of meetings as ineffective are examined.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридические факты, решения собраний, способы защиты гражданских прав.

KEYWORDS: juridical facts, decision of meetings, methods of the protection of civil rights.

1 сентября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [9], который в числе прочего дополнил Гражданский кодекс РФ главой 9.1, посвященной регулированию решений собраний.

Решения собраний в соответствии с главой 9.1 ГК РФ [1] представляют особый самостоятельный вид юридических фактов – действий, не совпадающих со сделками. Тем самым ставится точка в спо-

Тюкавкин-Плотников Алексей Александрович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой таможенного дела и права Иркутского государственного университета путей сообщения.

ре о правовой природе решений общих собраний.

Основное отличие решений собраний от сделок заключается в том, что для принятия решения собрания по общему правилу не требуется согласия всех его участников. Достаточно простого (в некоторых случаях – квалифицированного) большинства голосов. При этом решение собрания, принятое в соответствии с требованиями закона, порождает правовые последствия в отношении всех участников соответствующего объединения (гражданско-правового сообщества – по терминологии закона), в том числе не принимавших участия в собрании, голосовавших против соответствующего решения или воздержавшихся от голосования.

Кроме того, в отличие от сделок (ст. 164 ГК РФ) в отношении решений собраний не предусмотрена государственная регистрация. Решения могут быть лишь одним из элементов юридического состава, к примеру, необходимого для государственной регистрации юридического лица или вещного права на недвижимое имущество.

При этом на близость правовой природы решений собраний и сделок указывает возможность признания решений недействительными (оспоримыми или ничтожными). Однако указанная близость не дает оснований для отождествления (пусть даже и частичного) сделок и решений собраний. В связи с этим считаем неудачным предложение П.З. Иванишина связать решения собраний со сделками путем указания на применение к решениям собраний общих положений о сделках, если иное не предусмотрено законом или не вытекает из существа отношений [10, с. 9].

Говоря о понятии решений собрания, нельзя не указать на громоздкость и тавтологичность их нормативного определения. Так, согласно п. 2 ст. 181.9 ГК РФ, решение собрания, с которым закон связывает гражданско-правовые последствия, порождает правовые последствия, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании (участников юридического лица, собственников, кредиторов при банкротстве и других участников гражданско-правового сообщества), а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

Более удачной считаем редакцию данной правовой нормы, предложенную П.З. Иванишиным: «решение собрания – это волеизъяв-

ление участников юридического лица, собственников, кредиторов при банкротстве и т. п. (участников гражданско-правового сообщества), выраженное в виде юридического акта (протокола собрания), направленное на создание гражданско-правовых последствий для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании, а также для иных лиц, осуществленное по заранее обусловленным вопросам (повестке собрания)» [10, с. 8].

Проще говоря, решения собрания – это обстоятельства (факты), с которыми закон связывает определенные правовые последствия для всех лиц, обладавших правом участвовать в данных собраниях, а также для третьих (иных по терминологии закона) лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

Формулировка п. 2 ст. 181.1 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что в рамках главы 9.1 ГК РФ законодателем предпринята попытка объединить разнородные правовые связи (часть из которых весьма затруднительно назвать правоотношениями): с одной стороны, решения органов управления юридического лица, с другой стороны, решения, принимаемые в рамках неправосубъектных (в гражданском праве) объединений (объединений собственников жилья, кредиторов в деле о банкротстве, учредителей юридического лица и др.).

При этом нам представляется крайне неудачным определение участников юридических лиц и перечисленных неправосубъектных объединений неопределенным, неизвестным цивилистической доктрине и гражданскому законодательству термином «участники гражданско-правового сообщества».

Из содержания главы 9.1. ГК РФ непонятно, распространяется ли ее действие только на решения общих собраний участников или на решения любых коллегиальных органов юридического лица (причем не только органов управления), таких как, например, совет директоров (наблюдательный совет), правление, счетная комиссия, советы в некоммерческих организациях (попечительский совет, ученый совет и т. п.), ликвидационная комиссия и др. Аналогичным образом, в числе неправосубъектных образований можно выделить такие, которые хоть и не названы собраниями, но по своей сути могут быть отнесены к таковым. Примером таких образований являются комитет кредиторов (ст. 17, 18 и др. Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [7]), инвестиционный

комитет (п. 1, 6, 6.1 ст. 17.1, пп. 1 п. 9 ст. 18 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [6]; ст. 9 Федерального закона от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» [8]).

Кроме того, неопределенность перечня неправосубъектных образований, решения участников которых будут подпадать под действие главы 9.1. ГК РФ, выражается и в том, что к числу таковых при желании можно отнести и семью, и простое товарищество, и сход граждан, и собрание граждан, проживающих на территории определенного муниципального образования.

Считаем, что действие главы 9.1. ГК РФ должно распространяться на все решения всех коллегиальных органов юридических лиц (независимо от их организационно-правовой формы) и коллегиально принятые решения любых неправосубъектных образований, независимо от того, названы они (органы и образования) в законодательстве собраниями или нет.

Заметим, что согласно п. 1 ст. 181.1 ГК РФ глава 9.1. ГК РФ не распространяет свое действие на все решения собраний; в ней (в главе) установлены лишь общие положения, которые дополняются действием специальных норм, регулирующих отдельные разновидности решений собраний (например, ст. 44–48, 117, 145–146 Жилищного кодекса РФ, ст. 33–38 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [5], главой VII Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [4], ст. 12–15, 17–18, 201.12 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 18 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» и др.).

По общему правилу решение собрания считается принятым, если за него проголосовало большинство участников при кворуме не менее 50 % от общего числа участников. При этом из смысла пп. 2 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ и норм корпоративного законодательства следует, что участник собрания вправе принимать как личное участие в собрании, так и участвовать в нем посредством института представительства.

В ст. 181.2 ГК РФ говорится о двух формах проведения собрания: 1) очной (путем личного совместного присутствия (участия) участника или его представителя) и 2) заочной (посредством заочно-

го голосования). Из этого вытекает вывод о невозможности проведения собрания в очно-заочной (смешанной) форме.

Как уже говорилось, по аналогии со сделками законодательно предусмотрен институт недействительности решений собрания (ст. 181.3 ГК РФ). При этом сохранено деление недействительных решений собрания на оспоримые (признаваемые недействительными в силу решения суда и недействительные с момента принятия судом решения) и ничтожные (недействительные изначально, с момента их принятия, независимо от признания их таковыми судом). Также как и с недействительностью сделок в качестве общего правила закреплена оспоримость решений собрания.

В ст. 181.5 содержится закрытый перечень оснований ничтожности решений собрания:

- когда решение принято по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все участники соответствующего объединения (гражданско-правового сообщества – по терминологии закона);
- когда решение принято при отсутствии необходимого кворума;
- когда решение принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания;
- когда решение противоречит основам правопорядка или нравственности.

Во всех остальных случаях нарушения требований закона по вопросам проведения собраний предусмотрена оспоримость решений. При этом в п. 1 ст. 181.4 ГК РФ законодатель предпринял попытку выделить наиболее распространенные нарушения законодательства, которые могут повлечь признание решений собрания недействительными:

- существенное нарушение порядка созыва, подготовки и проведения собрания, влияющее на волеизъявление участников собрания;
- отсутствие полномочий у лица, выступавшего от имени участника собрания;
- нарушение равенства прав участников собрания при его проведении;
- существенное нарушение правил составления протокола.

Все указанные в п. 1 ст. 181.4 ГК РФ нарушения не повлекут недействительности решения собрания в случае его подтверждения решением последующего собрания, принятого в установленном порядке до вынесения решения суда.

Говоря о недействительности решений собраний, следует указать на то, что законодатель отказался от указания на последствия недействительности решений собраний. В связи с этим остается только догадываться: будут ли они аналогичными последствиям недействительности сделок, предусмотренным, в частности, ст. 167 ГК РФ, с учетом разной правовой природы сделок и решений собраний. Очевидно, суды будут руководствоваться сложившейся практикой признания недействительными решений общих собраний участников юридических лиц корпоративного типа. Однако проблемы заключается в том, что в настоящее время отсутствует единообразная практика по вопросу определения последствий признания недействительными решений общих собраний участников.

Правом на оспаривание (признание недействительным) решения собрания, прежде всего, обладает участник соответствующего объединения (гражданско-правового сообщества – по терминологии закона), не принимавший участия в собрании или голосовавший против принятия оспариваемого решения. Участник, голосовавший за принятие решения или воздержавшийся от голосования, вправе оспорить решение собрания в суде лишь в случаях нарушения его волеизъявления в процессе голосования. При этом успех в реализации права на оспаривание решения собрания зависит от доказанности или недоказанности того, что голосование лица, права которого нарушены, могло повлиять на принятие решения и того, что решение собрания влечет существенные неблагоприятные последствия для истца.

Вызывает нарекания норма, закрепленная п. 6 ст. 181.4 ГК РФ, согласно которой участники соответствующего собрания (гражданско-правового сообщества по терминологии ГК РФ), не присоединившиеся в порядке, установленном ст. 40 ГПК РФ [2] либо ст. 46 АПК РФ [3], к иску другого участника (участников) собрания об оспаривании решения собрания, в последующем лишаются права на оспаривание данного решения, если суд не признает уважительными причины повторного обращения.

Во-первых, обращает внимание неоправданно широкое действие данной правовой нормы: права на оспаривание лишаются все участники, в том числе имеющие иные основания для оспаривания соответствующего решения собрания.

Во-вторых, рассматриваемая норма создает возможности для злоупотребления правом, например, в форме подачи «дружественных», заведомо проигрышных исков [12, с. 26].

В-третьих, возможность последующего (повторного) оспаривания решения собрания зависит исключительно от усмотрения судьи (от признания судом уважительности или неуважительности причин повторного обращения).

Считаем, что оспаривание решений собрания в арбитражном процессе должно производиться по правилам, установленным гл. 28.2 АПК РФ. Оспаривание решений собрания в гражданском процессе, по сути, должно производиться в аналогичном порядке. Нормы ст. 181.4 ГК РФ, противоречащие требованиям гл. 28.2 АПК РФ, не должны применяться. Однако объективности ради следует указать, нормы гл. 28.2 также нуждаются в совершенствовании, поскольку содержат основания для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников процесса (хоть и в меньшем объеме по сравнению п. 6 ст. 181.4 ГК РФ) [11, с. 35–36].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Об акционерных обществах : федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
5. Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
6. Об инвестиционных фондах : федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.
7. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

8. Об инвестиционном товариществе : федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (Часть 1). Ст. 7013.
9. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.
10. Иванишин П.З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Гражданское право. 2011. № 2. С. 8–12.
11. Рихтерман В.Я., Черепанов В.А. Защита прав и законных интересов группы лиц или предложение от которого нельзя отказаться // Арбитражная практика. 2010. № 12. С. 32–38.
12. Яворовская Е.В. Общие положения проекта изменений Гражданского кодекса российской Федерации о решениях собраний в свете законодательства о несостоятельности (банкротстве) РФ // Предпринимательское право. 2012. № 3. С. 22–27.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

В журнале публикуются статьи и сообщения о результатах научной деятельности ученых и общественных деятелей, материалы, основанные на итогах педагогической практики преподавателей, рецензии и литературные обзоры. Присылаемые материалы должны соответствовать тематике научного журнала и отражать актуальность решаемых проблем. Все публикуемые в журнале статьи проходят рецензирование.

Представляемые к публикации материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать постановку задач, описание главных результатов исследования и полученных автором выводов.

Текст статьи (не более 12 страниц, включая аннотацию, таблицы, фотографии, схемы, список литературы) предоставляется в печатном виде с подписью автора (или авторов). Текст предоставляется также и в электронном виде: отдельный файл, названный по фамилии автора/авторов (например: Иванов. Название статьи.doc) высылается на e-mail: **popova_av@irgups.ru** или **tretvv@yandex.ru** с пометкой «для журнала К.Н.О.».

К статье прилагаются (и отдельным файлом отправляются): 1) сведения об авторах: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, полное название учреждения (и кафедры), контактный телефон, адрес с индексом и E-mail; 2) фамилия автора и название статьи на английском языке; 3) рецензия-рекомендация к опубликованию.

На первой строке **слева** размещается индекс УДК, ниже – **справа**: инициалы и фамилия автора(ов) (**строчными буквами, жирным шрифтом**), на следующей строке – название статьи (**прописными буквами, жирным шрифтом, выравнивание по центру**). Ниже в **таком же порядке** указываются фамилия и инициалы автора и название статьи на английском языке.

Ниже, через один интервал, располагается аннотация на русском языке, а на следующей строке – аннотация на английском языке. Далее указываются ключевые слова на русском и ниже – ключевые слова на английском языке. Через два интервала следует текст.

Параметры оформления материалов текста: шрифт Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14 пт; верхнее поле – 3 см, остальные поля – 2,5 см; межстрочный интервал одинарный; отступ первой строки абзаца – 1 см; выравнивание текста – по ширине; расстановка переносов – автоматическая; страницы не нумеруются. У таблиц: сетка – 0,75 пт; рамка – 1,5 пт. Рисунки выполняются средствами Word, WordArt, MS Paint, CorelDraw в черно-белой палитре и должны быть введены в текст и подписаны. Графики и диаграммы в MS Excel и др. оформляются аналогично. Каждый отдельный рисунок (без подрисовочной подписи) должен быть сгруппирован в единый объект. Подрисовочные подписи выполняются в основном тексте.

Формулы вводятся с помощью редактора формул в одном окне для каждой формулы. Знаки препинания после формул и номера формул (помещенные в круглые скобки) вводятся в основном тексте, а не в редакторе формул.

Статья не может заканчиваться рисунком, формулой или таблицей.

В конце статьи помещается **Библиографический список**, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.05-2008. *Источники в этом списке располагаются в порядке упоминания их в тексте.*

В тексте статьи ссылки на источники оформляются в квадратных скобках, в которых указывается порядковый номер источника в библиографическом списке (например: [7]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер документа в библиографическом списке и, через точку с запятой, номер страницы/листа (например: [7; с. 15]).

В представленной к публикации работе **не должно быть примечаний**: авторские заметки и идеи следует встраивать в основной текст.

Материалы к публикации следует отправлять по адресу:

664674, Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Иркутский государственный университет путей сообщения, корп. Д, каб. 621 (кафедра философии и социальных наук). Данчевской Анастасии Викторовне

(тел. 8 950 073 56 97, e-mail: *popova_av@irgups.ru*) или Третьякову Валерию Валерьевичу (тел. 8 902 578 71 29, e-mail: *tretvv@yandex.ru*).

Сроки подачи материалов для включения в очередной номер журнала «Культура. Наука. Образование»: в № 1 – до 15 февраля; в № 2 – до 15 апреля; в № 3 – до 15 июня; в № 4 – до 15 сентября текущего года.

ВНИМАНИЕ! Все статьи, поступающие в редакцию, должны иметь заверенную рецензию-рекомендацию. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора и редактирования материалов для включения в очередной номер журнала. Статьи рецензируются независимыми экспертами, назначенными редколлегией.

Плата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (32) 2014

Редактор *М.Н. Щербакова*
Оригинал-макет подготовили:
Верстка: *Н.Е. Кильдишева*; обложка: *В.Ю. Царевников*

Подписано к печати 10.10.2014. Формат 70×100^{1/16}.
Офсетная печать. Усл.-печ. л. 19,95. Уч.-изд. 15,96.
План 2014 г. Тираж 500 экз. Заказ №

Учредитель: Иркутский государственный университет путей сообщения
Адрес редакции: 664674, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15 (ИрГУПС), корп. Д, каб. 607, 621,
кафедра философии и социальных наук
Тел.: (8-3952) 638-129

Отпечатано в типографии ООО «Типография «ИРКУТ»
664020, г. Иркутск, ул. Новаторов, 3
